

Предисловие Джона Севиджа

Обложка русского издания «Тинейджеры» Джона Севиджа

Когда я искал материал для своей книги «Тинейджеры», я натолкнулся на необычную книгу «Автобиография беспризорника», автора которой звали просто Войнов. Внутри, из первых уст ведется рассказ об ужасающей истории одного из аспектов русского общества 1930-х, сосредоточив внимание на последствиях чисток и голодомора — голода в СССР 1932-33 годов, в результате которого умерло до десяти миллионов людей. Я не мог поверить в то, что я читал.

Когда его отец инженер был арестован в 1929 году, Коля — так он называет себя в книге — в возрасте шести лет был помещен в детский дом, полный «оборванных и грязных» детей. После нескольких лет такой жизни его страх превращается в жестокость и равнодушие: «каждый из нас чувствовал себя изгоем, что обычная нормальная жизнь для него была невозможна, что внешний мир стал чужим и враждебным. Нужно было бороться, чтобы выжить, и преуспели только те, кто безжалостно боролся за своё право на жизнь».

Мировоззрение Войнова становится жёстче: «Я начал понимать своих товарищей беспризорников — их угрюмость, горечь и ненависть, их подозрение всех остальных за пределами своего мира. Впервые в жизни я почувствовал пропасть, отделяющую меня, как беспризорника, от всех людей, которые жили не так как я. Мне стало ясно, что беспризорниками были мои друзья, моя семья и что мне нужно или держаться их или умереть». Подружившись с некоторыми подростками, он обучается мелкому воровству и насилию — как молодой хитрый Ловкий Плут учил трюкам членов своей банды, так и здесь его всему научил его более старший друг Мишка.

«Зимой 1932-33 наша „работа“ становилась всё труднее и опаснее; нам приходилось быть изобретательнее. Я обзавёлся охотничьим ножом, и всегда носил его в рукаве, привязанный к моему запястью. Это было время, когда украденный кусок хлеба мог стоять тебе жизни и вряд ли кто-нибудь решался выходить на улицу без оружия. Некогда многолюдные рынки теперь стояли почти пустыми. На прилавках лежало немного свеклы, да хлеб состо-

явший наполовину из муки, наполовину из опилок. Голодая, мы действовали с отчаянным безрассудством... Сотни беспризорников шлялись по улицам, собирались вокруг железнодорожных станций, гибли под заборами...»

Эта история познакомила меня с триумфом и трагедией молодёжи Советской России. Я не смог использовать этот материал в «Тинейджерах» из-за времени и места, которые требовали от меня, чтобы я остановился на истории Америки, Великобритании и Северной Европы, но «Субкультура» Артемия Троицкого рассказывает полную историю российской молодёжи начиная с декабристов XIX века, нигилистов, нетерпеливых революционеров начала XX века, официальном государственном молодежном образовании, Комсомоле, и заканчивая молодыми диссидентами, которым пришлось ориентироваться в системе, которая стала ещё более угнетающей.

Можно многое сказать о стране по тому, как она относится к своей молодёжи. Троицкий подробно описывает ритуальный танец, который существовал в России между монархическим, а потом и государственным контролем и базовым стремлением человека к свободе: он настаивает на субкультурах, поскольку когда люди собираются вместе, у них появляется больше силы. Сегодня он чувствует, что многие представители русской молодёжи — хипстеры, гопники — вернулись к своего рода апатии и безнадёжности, которые переключаются с состоянием их предков середины XIX века, с будущим, которое «так пусто, темно и холодно».

Как прошлое питает настоящее, как повторяются шаблоны, всё это тема Троицкого. Но тем не менее он настаивает на том, что изменения должны произойти — потому что в противном случае — это застой, энтропия, смерть. В своём заключении он чувствует человека (обычно молодого), который «просто первым „ломает лёд“, делает тот решительный шаг, которого трепетно ждёт толпа, чтобы со стремительной силой броситься в ту или иную сторону». Надежда есть всегда.

Это важная книга для всех, кто интересуется геополитикой XX века и молодёжной культурой.

*Фото на паспорт. Около 1990 г.
Предоставлено автором*

БРЕМЯ МОЛОДОСТИ

Хотели как лучше, а получилось — как всегда. Эта невольная фраза бывшего ельцинского премьер-министра Виктора Черномырдина исчерпывающе описывает русскую судьбу — в плане как мотивации, так и результата. Не уверен, впрочем, что нынешние правители России искренне хотели «как лучше» — уж точно, что не для страны, скорее, для своего кармана — но «как всегда» снова случилось. Россия опять — средоточие дурных новостей: военная агрессия, абсурдные законы, преследование инакомыслящих, происки коварных спецслужб, техногенные катастрофы — не говоря уже об экономической разрухе и падении уровня жизни. Не лучше, чем сами новости — реакция на них «простых россиян»: в лучшем случае безвольно-апатичная, а весьма часто и исполненная патриотической эйфории... Вагончик вечного аттракциона «русских горок» сейчас стремительно катится вниз, глаза зажмурены, и никто толком не знает, до каких низов он упадёт.

Наверное, ни одному народу за последние века не выпало такого несчастья с правителями, как русскому: всё сплошь маньяки, тираны, воры; в лучшем случае — властолюбивые посредственности. И никаким в мире правителям так не повезло с народом — терпеливым, наивным, запуганным, послушным. Казалось бы, в стране с многовековыми и совсем ещё недавними (полтора века!) традициями рабства и населением, воспитанным в несправедливости и страхе наказания, сделать вообще ничего нельзя. Но нет: находились люди, всегда находились люди, которые пытались разогнать тёмные свинцовые тучи — и иногда им это даже удавалось, пусть и ненадолго. Россия — идеальная страна для бунтарей, потому что для бунта всегда есть причина. Эти бунтари, заговорщики, революционеры, диссиденты ставили перед собой практическую задачу: изменить страну к лучшему, направить вагончик крутых горок прямо в небо. И почти всякий раз они терпели поражение, поскольку задача не имела решения. Любимый тост советских диссидентов был: «За успех нашего безнадёжного дела!»

Таким образом, задача трансформировалась из глобальной и практической в личную и экзистенциальную: сопротивляться рабству и быть свободным! Сопротивляться лицемерию и быть честным. Сопротивляться страху и быть смелым. «Жить не по лжи», как рекомендовал Александр Солженицын. Миллионы молодых россиян, мужчин и женщин, пошли по

этому пути. Почему «молодых»? Так получилось: наверное, молодые всегда хуже представляют себе реальную перспективу... Очень многие из них полегли — но некоторые и дожили до мудрой старости. У отчаянных героев прошлого есть наследники в каждом новом поколении — и именно благодаря им Россия ещё не превратилась в «тёмное царство», и наш вагончик иногда взлетает вверх и счастливо замирает на пике... Я всегда любил этих ребят и восхищался ими — сколько бы ошибок они не совершали! Как говаривал Антон Чехов: «Кто искренен, тот и прав!»

Я взялся писать эту книгу, потому что время меня вынудило. Время мрачное, подлое и многим кажется безнадежным. Я вижу, как дети моих друзей один за другим уезжают из России. Да и мои дети не собираются там надолго задерживаться. Когда-то я мечтал написать для них нежную отеческую книгу об огромной стране, которую очень люблю. Но чувствую, сейчас не получится. Поэтому книга будет другой; никак не сентиментальное путешествие, местами может и ужаснуть. Но может и вдохновить, на что я очень надеюсь, беря на себя риск...

Давайте для начала я вкратце расскажу вам свою личную историю. Она не особо драматична и не во всём типична — зато характерна и легко даст вам понять, почему я — на склоне лет! — взялся за такую тему. И почему моим наблюдениям и оценкам имеет смысл доверять — во всяком случае, когда речь заходит о событиях последнего полувека. Конечно, я был бы рад родиться в один год с Пушкиным и умереть в один год с Достоевским — но что уж тут делать!

На самом деле родился я в 1955 году, тоже довольно интересном: волею судьбы оказался ровесником рок-н-ролла, и этот факт судьбу заметно скорректировал, хотя про Элвиса я узнал только в следующем десятилетии. До этого я успел пойти в школу в Москве и там вступить в октябрята — детскую организацию (7-9 лет), которую как-то смешно называть «коммунистической», хотя, строго говоря, это было так. Я носил — в школе, по крайней мере — маленькую красную звёздочку с портретом маленького кудрявого Ленина посередине (у фарцовщиков и модных иностранцев этот значок назывался «Baby Lenin») и учил стихи про Октябрьскую революцию и её вождя. Удивительно, но одно стихотворение запомнил с тех самых пор:

В форме кубинских революционеров, которую отец привез из Гаваны, 1962 г. Предоставлено автором

Когда был Ленин маленький
С кудрявой головой
Он тоже бегал в валенках
По горке ледяной.

Ещё я помню, что коллектив октябрят делился на «звёздочки» по пять человек... Будучи октябрёнком, я впервые услышал рок-н-ролл — музыку из другого мира. Мне повезло: я подхватил эту инфекцию намного раньше своих советских ровесников, потому что тогда, в 1963 году, я начал жить с родителями в Праге.

О родителях. Папа и мама родились в самом конце 20-х годов и во всей красе представляли советскую интеллигенцию модели «шестидесятники».

Лучшие годы их жизни совпали с разоблачением Сталина, хрущёвской «оттепелью», первым спутником и полётом Гагарина в космос, кубинской революцией. Они были искренними молодыми интеллектуалами-коммунистами и верили в «социализм с человеческим лицом», пока реальность не повернулась к ним лицом гораздо менее симпатичным... Я их очень любил, но они, к сожалению, совсем не любили мою музыку. Мама слушала Моцарта и органную музыку, папа — революционные песни. В 1960 году он, одним из первых советских людей, полетел на Кубу — и познакомился там с Фиделем Кастро и Че Геварой. Они встречались и после этого. Смерть Че осенью 1967 года стала первой семейной трагедией и первым трауром в моей жизни. Но совсем прихлопнуло нашу счастливую семейку в августе 1968-го, когда советские танки вкатились в Чехословакию. Огонёк энтузиазма в глазах отца угас. Ему было 40 лет.

Лет в девять меня приняли в ряды «Юных Пионеров». Это была уже более серьёзная организация — что-то вроде коммунистических скаутов с уставом, клятвами, летними лагерями и построениями под красным флагом. Продержался я в пионерах недолго, года три — меня исключили за то, что крутил в школьной радиорубке западную бит-музыку. Вскоре после этого я перешёл в другую школу и там как ни в чём ни бывало снова надел красный галстук (отличительный признак юного пионера), который провисел на мне меньше года: меня вновь исключили — на этот раз за антисоветскую пропаганду. Я болтал среди учеников о прелестях «социализма с человеческим лицом» и позорной интервенции, и кто-то из них донёс. Хорошо, что мне было всего 13 лет: будь я постарше, меня бы исключили из университета или уволили с работы. Больше я так наивно не подставлялся, но обиду на советскую власть затаил...

Политическим активистом я не стал — да и примкнуть было бы не к кому; время было глухое и тупое — зато нашёл бесчисленное множество соратников по так называемой «внутренней эмиграции». Мы, битломаны, фанаты рок-музыки, хиппи — телесно присутствовали на улицах Москвы и Ленинграда, учились и работали среди плакатов «Слава КПСС!», портретов Ленина и Брежнева, коммунистических заклинаний в эфире и прочего тоталитарного мусора — но душой и сердцем витали в идеальном мире имени Леннона, Хендрикса, Боба Марли, лужаек Вудстока и калифорнийского солнца. В 1972 году я стал, судя по всему, самым первым в Москве диск-жокеем; спустя 2 года комсомольцы (ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи; главная официальная молодёжная организация в СССР) дискотеку закрыли в силу её идеологической вредности. Столкновения с реальностью бывали болезненными, но это не останавливало ищущих альтернативу.

Карнавал катился по десятилетиям и всячески трансформировался: следом за Дэвидом Боуи я сменил разноцветные брюки-клёш на строгое чёрно-белое обмундирование и лишился большей части волос. Панк, нью-вейв — мы стали энергичнее и ближе к окружающему миру. Неожиданно появилось множество групп, которые пели по-русски и пели абсолютно недопустимые для официоза вещи; возникли рукописные рок-журналы и

Октябрятская звёздочка

DIY-индустрия подпольных звукозаписей. Все 80-е годы я был совершенно одержим этой бешеной стихией «русского рока»: сначала помогал ему выживать в годы агонии советского режима, затем — в недолгий период «перестройки и гласности» — продвигал своих любимых артистов в стране и за границей, писал о них книги и снимал документальные фильмы.

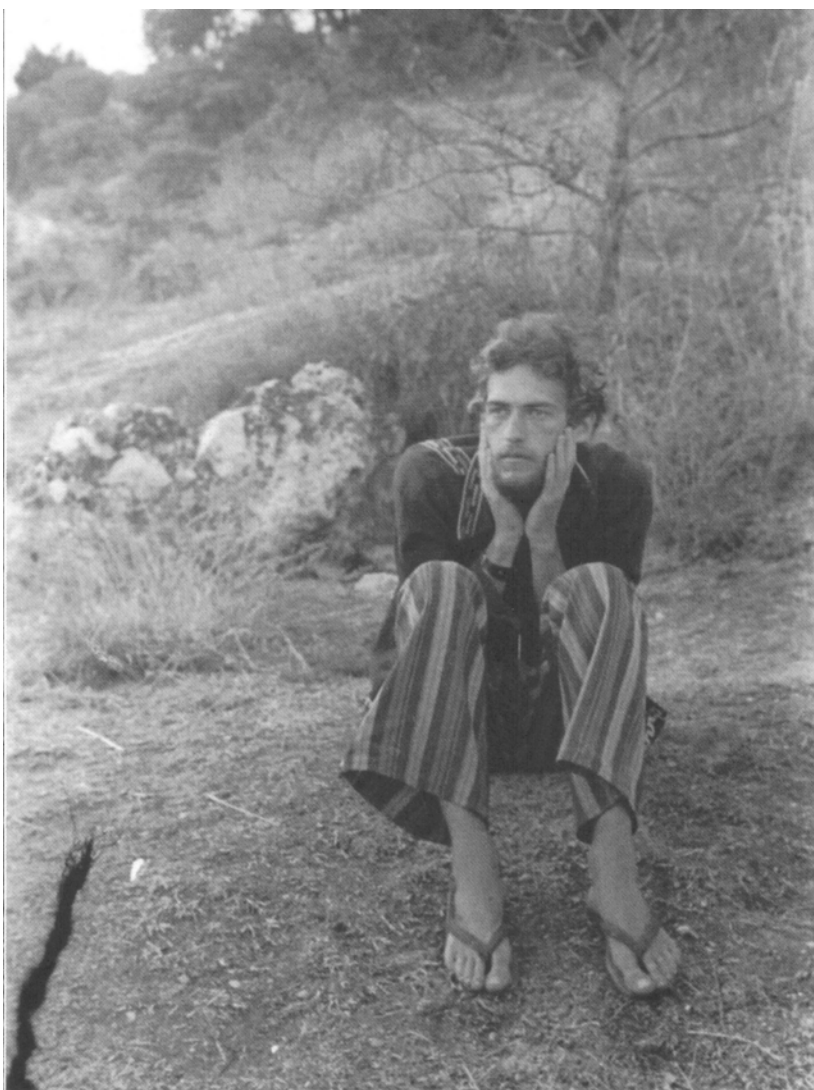
Когда рок в России торпедировал кризис идентичности, и он стал частью развлекательного истеблишмента, я тоже растерялся, но вскоре нашёл новую игрушку — танцевальную клубную электронику. Диджеем я не стал, поскольку хаус и техно мне не очень нравились, но вместе с небольшой группой энтузиастов из Петербурга мы организовали первую (и самую знаменитую) в Москве рейв-вечеринку — Gagarin-party. Впрочем, рейв-история у меня долго не протянула — её быстро подмяли под себя бандиты и наркоторговцы, одного из моих партнёров убили, и я углубился в работу на телевидении, где несколько лет (1991-1994) проработал начальником по музыке! Там я сделал попытку создать революционное вещание с программами, посвящёнными world music, джазу, современной классике и прочей экзотике, но по ходу процесса убедился, что рейтинги и взятки значат на ТВ значительно больше, чем качество передач. Я махнул рукой на культурную революцию; принял предложение американцев и основал русскую версию журнала Playboy, а также стал вести максимально расслабленное ночное ТВ-шоу с характерным названием «Кафе Обломов». Мне было 40 лет.

Если перефразировать известную фразу Толстого из «Анны Карениной» («все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»), то можно сформулировать такой тезис: «Взрослые всех времён похожи друг на друга, а каждое новое поколение молодёжи особенно по-своему». Наверное, можно считать аксиомой, что молодые люди (скажем, 15-30 лет) — самая динамичная и самая пытливая часть общества. Они не знают жизни и хотят её узнать; они не удовлетворены своей жизнью и хотят получить сатисфакцию (от финансовой до философской); они не знают своего места в жизни и ищут его, ищут себе подобных. Это заставляет молодёжь сбиваться в кружки, стаи, трайбы, организации, движения.

Для взрослых этот спонтанный коллективизм совершенно не характерен. Прежде всего потому, что у каждого полноценного взрослого имеется (лучше или хуже налаженная) частная жизнь — семья и дети, близкие друзья — для большинства более важная, чем всё остальное. Затем, естественно, работа и карьера — тоже весьма важно и индивидуально. Что остаётся за пределами этого? Какие есть поводы «собраться»? Так, мелочь: организованная религия, иногда по воскресеньям; политические партии (вспоминаются раз в несколько лет перед выборами); профсоюзы (говорят, где-то они ещё имеют значение)... И какая-то сугубая эксцентрика вроде банд седовласых байкеров или клубов «Анонимные алкоголики».

У подрастающих поколений всё по-другому.

Несправедливость, лицемерие, тупость, нетерпимость и другие известные прелести «реальной жизни», смягчённые у взрослых их богатым

*Период хиппи: в Гурзуфе, Крым,
лето 1974 г. Предоставлено
автором*

жизненным опытом, для молодых торчат всеми острыми углами. И не обязательно осознанно, скорее интуитивно, возникают мысли и мотивы, которые циничные взрослые любят квалифицировать как идеалистичные, романтические или просто глупые: «мне это скучно», «я хочу быть другим», «этот мир надо срочно менять!» Веселиться от души, а тем более добиваться перемен очень тяжело — точнее, невозможно — в одиночку. И вот, мятущийся молодняк социализируется, создавая свои структуры, самые разные — от боевых ячеек до квазирелигиозных культов. Формообразующими элементами для застройки молодёжных движений и культов становятся, помимо общего социально-политического фона «здесь и сейчас», во-первых, идеология и философия, во-вторых, стиль жизни. Замечу, что поначалу я считал философию «первичным», а стиль — «вторичным» признаком любого молодёжного феномена, но в процессе раскопок легко убедился в том, что бывают движения как начисто лишённые идеологиче-

ской основы, так и каких-либо признаков того, что можно отнести к своеобразному стилю жизни. Достаточно приблизительно и грубо все молодёжные устремления (назовём их так, максимально расплывчато) можно разделить на три направления.

Субкультуры

То есть особым образом кодированные «нишевые» культурные ячейки внутри общего социо-культурного калейдоскопа. Когда-то их были единицы, сейчас — десятки, если не сотни. Кодирование осуществляется по следующим основным параметрам:

- одежда;
- литература;
- музыка;
- манера поведения;
- жаргон и манера речи;
- визуальные искусства;
- спорт;
- кулинария.

(Последние два пункта возникли сравнительно недавно...)

Разумеется, для описания каждой субкультуры вовсе не обязательны все эти параметры. Скажем, для кода денди критичны только одежда и манеры; для футуристов — литература и живопись; для хипстеров — музыка, кино и еда. Философская подоплёка для большинства субкультур не так важна (исключением могут послужить, скажем, декаденты, хиппи и растаманы); заметные «персонифицированные» лидеры также встречаются крайне редко. Иерархия в субкультурах отсутствует вовсе — равно как и серьёзное сформулированное целеполагание. Лозунг ленинградских «митьков» — «Митьки никого не хотят победить» — в этом смысле очень характерен. Субкультуры могут быть мощны и многочисленны, но структура их всегда аморфна; стиль, как правило, преобладает над содержанием, а эстетическое начало — над утилитарным.

Молодёжные организации

В отличие от субкультур, непременно имеют и лидеров, и внутреннюю структуру, и декларируемые цели/задачи. Могут создаваться «сверху» при поддержке государства (Комсомол), но чаще растут снизу как оппозиционные и альтернативные. Идеологическая база, мировоззрение и политическая ориентация для молодёжных объединений принципиальны. Их связь с субкультурами, скорее, пунктирная и односторонняя: представители субкультур могут входить в молодёжные организации, даже привносить в них свой флёр, но очень маловероятно, что это как-то аукнется самим субкультурам. К примеру, отдельные панки могут участвовать в анархистских и антифашистских кружках, но это никак не влияет на их музыкальные увлечения и стиль жизни панк-сообщества. Молодёжные

*Русский рок: с «Кино» и Джоанной Стингрей на Невском проспекте в Ленинграде, 1987 г.
Предоставлено автором*

организации и объединения всегда недолговечны — как, строго говоря, и сама молодость.

Виртуальные субкультуры

Возникли в моей схеме совершенно неожиданно, в процессе работы над книгой! Я просто не знал, куда мне девать такие милые явления русской жизни, как, например, «лишние люди»? Или «нигилисты»? То, что это ни в коем разе не «организации» — очевидно. (Представьте себе «Партию Лишних Людей»...) Но и реальными субкультурами они, строго говоря, не являются — поскольку существуют преимущественно на бумаге, в фантазиях писателей и анализе критиков. И нет у них ни дресс-кода, ни любимых клубов, ни характерных словечек. Тем не менее, смахнуть эти образы в корзинку категорически не хочется, поскольку для понимания русской жизни — в том числе и субкультурной — они весьма важны. К тому же бывали случаи, когда культы нежданно-негаданно — как, скажем, упомянутые митьки — переходили из «виртуала» в «реал»!

Обо всём этом я и собираюсь вам рассказать в книге о «Яростных и непохожих». Название я позаимствовал из песни, написанной в 1937 году 19-летним поэтом Павлом Коганом, который погиб на войне в 1942-м. Во время хрущёвской «оттепели» конца 50-х эта песня, «Бригантина», стала чем-то вроде гимна молодых романтиков, которым «надоело говорить и спорить и любить усталые глаза...» Эта порода называлась «шестидесятники», и я о них тоже расскажу. Целиком куплет звучит так:

Пьём за яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют,
Вьётся по ветру Весёлый Роджер,
Люди Флинта песенку поют.

В принципе, эти строки, окрашенные лучами карибского заката, могли быть написаны где угодно. Но мы будем говорить о России. В какой взаимосвязи находятся русские и западные молодёжные феномены? На этот вопрос я не готов ответить. Интересно, что читая всевозможную иностранную литературу на юношеские темы, — от апологетичного Сэлинджера до апокалиптического Голдинга — я всегда ловил себя на мысли, что у нас «немного не так»... (Хотя «Над пропастью во ржи» полюбил с первого прочтения, и моим первым литературным псевдонимом — в 12 лет — был Макхолден). Даже знакомые ярлыки — те же денди, яппи или хиппи — в России заметно мутировали и представляют собой нечто иное, нежели в оригинале. Некоторых движений — скажем, сёрферов, пацифистов или антиглобалистов — у нас в стране по разным причинам, от климатических до политических — и вовсе не было. Зато было нечто такое, чего Запад избежал.

В книге я намеренно сфокусировал внимание именно на тех явлениях субкультуры и прочей молодёжной активности, которые уникальны для России или, даже будучи заимствованы извне, претерпели на наших просторах важные и характерные трансформации. В то же время в те субкультуры, которые стали лишь копиями западных, — и, как правило, в менее убедительном и законченном виде — я счёл возможным не углубляться. Это касается самых разнообразных явлений — от масонов и суфражисток до эмо и футбольных хулиганов. Главы книги выстроены в приблизительно хронологическом порядке, от аристократических субкультур и кружков позапрошлого века до нынешних сообществ и трайбов, но строгость соблюдена не везде. В основном это связано с тем, что многие процессы происходили в русской молодёжной жизни параллельно, имея при этом совершенно разную природу: грубо говоря, партия большевиков и кружки поэтов-символистов были созданы в одно и то же время — однако объединять их в одно повествование было бы смешно. Это же разнообразие, а иногда и несовместимость фактуры — политика, мода, философия, музыка, литература, террор — делает текст, я подозреваю, довольно неровным: то он льётся гладко, как учебник, то его начинает трясти и заносить — особенно, когда дело доходит до личных воспоминаний. Боюсь, что это неизбежно, имея дело с таким материалом, серьёзным и забавным одновременно. Юность — штука бурная, что поделаешь!

В каком-то смысле эта книга — альтернативная история России последних двухсот лет. Причём альтернативу можно понимать двояко: и как новый угол зрения в противовес привычному «сверху», с государственной перспективы; и как видение истории её альтернативными творцами. Истории такой же яростной и непохожей, как её неугомонные мятежные пасынки.

*Выступая на сцене во время протеста против фальсификации результатов парламентских выборов.
Декабрь 2011 г., Москва. Предоставлено автором*

Русский лубок о борьбе с бородами. Около 1720 года

БЛАГОРОДНЫЕ НЕУДАЧНИКИ

Денди, декабристы, «лишние люди» и славянофилы.
1815-1861

Россия — страна просторная, неухоженная (хотел написать «грязная», но это может быть по-разному понято) и холодная. Страна, которой легко предъявить претензии и которую нелегко вынести. Даже её достоинства — предположим, изобилие жизненного пространства, — оборачиваются явными неудобствами, вроде некоммуникабельности и неуправляемости... Поэтому Россию всегда очень хочется изменить. Иногда это получается, но лишь отчасти, поскольку базовый контент — территорию, климат, размазанный между Европой и Азией менталитет — сдвинуть с места в принципе невозможно. Первым эффективным бунтовщиком против российского уклада стал царь Пётр, как раз Первый, он же Великий. Был он молод, яростен, непохож (в том числе и на русского), но для героя нашей книги недостаточно субкультурен. Хотя именно он прорубил для России окно не только в Европу, но и ко всем её соблазнам, из которых субкультуры вырастают. Петру было 26 лет, когда, вернувшись из либеральной протестантской Европы, он сразу рубанул реформами по типичной русской внешности, приказав всем мужчинам (кроме духовенства) немедленно и под страхом нешуточных наказаний сбрить длинные бороды и переодеться из длинных татарских кафтанов и бесформенных шаровар, заправленных в сапоги, в одежду «немецкого» образца — камзолы, жилеты, панталоны, туфли. В целом, я согласен с вердиктом великого историка Ключевского, что попытка Петра превратить Россию в Голландию провалилась (это мы видим и по сегодняшней ситуации в стране), поскольку нововведения имели поверхностный характер. Однако именно в контексте этого можно считать, что едва ли не самой действенной и долговечной из петровских реформ стала как раз одёжно-брадобрейная. Её плоды мы пожинаем по сей день, и только хипстеры с окладистыми бородами слегка портят картину.

«Екатерина Великая». Владислав Мамышев-Монро, 1996.
Из серии «Жизнь замечательных Монро»
© Aksenov Family Foundation

«Петр I». Владислав Мамышев-Монро, 1996. Из серии
«Жизнь замечательных Монро»
© Aksenov Family Foundation

Денди

Однако первые шаги «субкультурализма» в России начались, как это ни удивительно, именно с девиаций в манере одеваться! Всякая субкультура — это, прежде всего, протест против рутины, против доминанты. Что можно считать самой фундаментальной доминантой в России? Да, холодный промозглый климат, вечные серые тучи и бурые пейзажи, прекрасно соответствующие окладистым бородам и толстым кафтанам. Именно этому, скорее всего, бессознательно, бросили вызов первые русские модники. Они пошли дальше рекомендаций Петра, упоминавшего в своих декретах «немецкие и венгерские» костюмы — и ударились в роскошный французский стиль! Разумеется, это было исключительно уделом аристократии, в первую очередь придворной знати; народные массы одёжная и цирюльная реформа никак не затронула — крестьяне наблюдали парад франтов и щёголей разве что издалека и с немалым изумлением...

Впрочем, и среди образованного дворянства наряды фашионистов XVIII века вызывали сильное раздражение. Многие писатели и просветители того времени в сатирических памфлетах едко высмеивали «петиметров» (так тогда называли модников, от французского *petit maître*) — изображая их глупыми, поверхностными и непременно женоподобными. И здесь является ещё одна, более глубокая, чем «климатическая», линия противостояния между модниками и русской рутинной: назову её «маскулинной». Дело в том, что Россия, объективно говоря, страна полуазиатская, и представления о «настоящем мужчине» в ней соответствующие. (Кстати, к XXI веку в этом смысле мало что изменилось). В частности, уделять много внимания внешности — занятие явно недостойное. «Чуждые нам ценности», как сказали бы сегодня. И эта «чуждая» верёвочка, что самое страшное, от невинных щегольских шляп и камзолов вьётся и дальше! Как справедливо заметила историк искусства Ольга Вайнштейн, «увлечение европейской модой непосредственно увязывалось в российском менталитете с западной идеологией». Много-много позже и в связи с западной музыкой это было сформулировано в знаменитом лозунге — «Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст!» Не обязательно «продаст», конечно, но сравнит и задумается... Поэтому связь беспечных модников, в дальнейшем изысканных денди, и серьёзных революционеров-декабристов оказывается не надуманной, а абсолютно логичной. Однако вернёмся в XVIII век...

XVIII век — Золотой век русского дворянства. Праздники и балы Елизаветы, победы и фавориты Екатерины; молодые повесы при дворе разодеты в пух и прах! Французский стиль: помимо шёлка, атласа и парчи самых ярких расцветок в их костюмы вшиты стеклярус, куски золотой фольги и даже фрагменты зеркал! Выделяется своей безупречной элегантностью князь Куракин, про которого ещё говорят, что он за всю жизнь не обидел ни одного человека! Значит, он не настоящий денди. Щёголь, франт, светский лев — но никак не первый русский денди. Скорее, это почётное звание подошло бы княгине Екатерине Дашковой, которая постоянно дерзила императрице, высмеивала её красавцев-фаворитов, в 39 лет стала

директором Российской Академии наук и никогда не употребляла румян и пудры. Первая русская феминистка — несомненно, но дама-денди?!

Пришло время сказать пару слов об этом английском термине, который прочно вошёл в русский обиход несколько позже — в 10-е годы XIX века. Итак, *Денди* — это разновидность молодых аристократов, ставшая очень заметной сначала в Англии, а затем и по всей Европе в самом конце XVIII и первой трети XIX века. Фактически это была первая молодёжная субкультура (хотя до появления самого слова ещё полтора века), всесторонне зафиксированная и прекрасно описанная — как в беллетристике (Лорд Байрон, Бульвер-Литтон), так и в жизнеописании главного денди, Джорджа Браммелла, пера Барбе д'Оревилли. Крупнейший русский культуролог и исследователь быта и традиций того периода, Юрий Лотман, утверждает: «Дендизм — это прежде всего поведение, а не теория или идеология». (Я бы добавил «поведение и стиль»). Он же пишет: «Наглость, прикрытая издевательской вежливостью, составляет основу поведения денди». Здесь со всей очевидностью выступает двойственность природы дендизма: с одной стороны, презрение к банальности, романтическое бунтарство, не лишённое шокинга («наглость») желание отличаться от серой массы. С другой: безукоризненная светскость, изысканные одежды и манеры, претензия на то, чтобы диктовать другим свой неотразимый стиль. Эта странная диалектика брутальности и грациозности, возможно, и составляет суть харизмы настоящих денди.

«Щёголь и обезьяна». Иван Бугаевский, начало XIX века. Карикатура в семейном альбоме

Помимо Байрона и Браммелла, олицетворявших «ин и янь» дендизма, основателями его могут считаться и незаслуженно подзабытые юные французские аристократы и аристократки — соответственно, *les incroyables* и *les merveilles*, — наводившие шороху на Париж времён Директории. Одевались они самым эпатажным образом — полосатые, с огромными пуговицами костюмы и причёска «собачьи уши» у молодых людей и практически ночные рубашки в качестве верхней одежды у девушек. (Вскоре, правда, за ними потянулись и «ампирные» светские дамы). Эти же анфан-террибли, кстати, ввели в моду весьма типичную для денди манеру настырно разглядывать всё и вся в лорнеты.

В России предтечами денди иногда считают щёголей из числа армейских офицеров. Они красочно описаны в литературе того времени как «гвардейцы затяжные» (Пушкин) или даже «хрипун, удушенный, фагот» (Грибоедов). Эти эпитеты означают невероятно затянутую мундиром талию (иногда и посредством корсета), соперничающую с девичьей, (кстати, Пушкин этим тоже грешил), а также вытянутую, подпёртую воротником с галунами шею. На мой взгляд, это чистое уродство и к утончённости — в переносном смысле! — денди никакого отношения не имеет. Не будем забывать, что малопривлекательный во всех отношениях царь Николай I тоже до старости лет переживал из-за своей талии и ходил в корсете.

На самом деле, дендизм пришёл в Россию из-за границы. Во время недолгого правления императора-солдафона Павла I (1796-1801) модные излишества, характерные для галантной екатерининской эпохи, были строжайше запрещены — и тем пышнее расцвёл помпезный «француз-

ский стиль» в начале века. После победоносных для России анти-наполеоновских кампаний 1812-1814 годов французскую избыточность начал стремительно замещать (респект союзникам?) английский минимализм. «Панталоны, фрак, жилет — всех этих слов на русском нет», — справедливо заметил Пушкин, описывая гардероб Евгения Онегина, а между тем именно эти предметы плюс шейный платок (галстук) и составляли костюм модельного денди. По сравнению с аляповатыми камзолами эта одежда скорее приближалась к спортивно-охотничьей — casual своего рода. Похожая история повторилась во второй половине XX века, когда джинсы из рабочей одежды превратились в предмет шика.

Модники обеих русских столиц сделались завзятыми англоманами, они выписывали лондонские журналы, зачитывались «Чайльд Гарольдом» и «Пэлемом», проводили, как Браммелл, часы перед зеркалом накануне выхода в свет. Но от российской специфики никуда не денешься! Ольга Вайнштейн, блестящая исследовательница глобального дендизма, приводит три отличительных черты наших северо-восточных денди. «Во-первых, российские денди нередко старались продемонстрировать в костюме свой материальный достаток и злоупотребляли дорогими аксессуарами». Например, в середину шёлковых пуговиц жилета вставлялись крупные бриллианты. Часы (желательно, Breguet) носили парами (!) «Во-вторых, ... они всегда слишком старались, их усилия были очевидны, и это сразу выделяло их в толпе. Одежда... для них — абсолют; ... и, обзаведшись приличным костюмом, нередко чувствуют себя в нём скованно, боятся сделать лишнее непринуждённое движение, чтобы ненароком не испортить свой туалет». Надо сказать, что наблюдения за состоятельными русскими модниками XXI века оставляют примерно такие же впечатления. Это касается и третьего, самого уважительного стиливого отличия — «необходимостью утепляться в зимнее время. (...) Для зимних выходов шили сюртуки из плотных шерстяных тканей, поверх накидывали плащи типа альмавивы или шубы». Вдогонку перечню Ольги Вайнштейн я бы послал ещё одну довольно очевидную «национальную особенность» — милитаристский уклон ранних русских денди, совершенно не свойственный их европейским визави. Барбе д'Ореви-льи в своём жизнеописании Джорджа Браммелла, в частности, пишет: «Денди, который на всё накладывает печать утончённой оригинальности (слова лорда Байрона), не может не питать ненависти к мундиру». Русские военные денди мундиром тоже тяготились, но позволяли себе большие вольности в другом: они вовсе использовали косметику — румяна и белила, носили корсеты, подложные плечи, а также серьги в ушах. Последним особенно славились кавалеристы. Полагаю, что «милитаристский» уклон русских денди был связан не с их менталитетом, тем более, личными вкусами — а с той огромной ролью, которую в жизни дворянства играла служба в армии. Ни в Британии, ни, тем более, во Франции военная карьера не была так важна и всеобъемлюща. Даже такой законченный денди и безупречный европеец, как Пётр Чаадаев, девять лет прослужил в гвардии!

Дендизм и прочее модничанье пронизало столичную Россию 20-м30-х годов XIX века. Вот как великий Гоголь описывает в повести «Невский про-

спект» петербургский променад: «Создатель! Какие странные характеры встречаются до сих пор на Невском проспекте! Есть множество таких людей, которые, встретившись с вами, непременно посмотрят на сапоги ваши, и, если вы пройдёте, они оборотятся назад, чтобы посмотреть на ваши фалды. (...) В это благословенное время от двух до трёх часов пополудни, которое может назваться движущеюся столицей Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека. Один показывает щегольской сюртук с лучшим бобром, другой — греческий прекрасный нос, третий несёт превосходные бакенбарды, четвёртая — пару хорошеньких глазок и удивительную шляпку, пятый — перстень с талисманом на щегольском мизинце, шестая — ножку в очаровательном башмачке, седьмой — галстух, возбуждающий удивление, осьмой — усы, повергающие в изумление».

На этой выставке достижений народного тщеславия денди были не единственными экспонатами — попадались и «джентльмены», и «львы», и просто расфуфыренные франты и модницы. Но мы говорим именно о денди. Почему? Заслужили ли они открывать наше повествование о «ярых и непохожих»? Да, по двум причинам.

К денди относили себя два человека, важнейших для России. Один из них — это «наше всё», по определению Достоевского: тот, без кого себе невозможно представить не только русскую культуру и литературу, но и Россию вообще. Александр Пушкин. Современный петербургский художник и культуролог Андрей Хлобыстин написал: «Русская цивилизация — единственная в Новом времени, возводящая свой идеал не к религиозному или общественно-политическому деятелю, не к философу или воину, а к поэту». Это не бесспорное утверждение, но вряд ли кто-то станет отрицать, что образ Пушкина, его, если можно так выразиться, «светлая тень» является в России повсюду и по сей день. Пушкин — окончательный моральный авторитет и миротворец нашей страны; его Евгений Онегин — самый популярный и обсуждаемый (возможно, наряду с Анной Карениной) герой классической русской литературы — и тоже, кстати говоря, денди. Именно в первой главе «Онегина» Пушкин впервые ввёл в обиход русского литературного языка само слово «денди». Второй человек — Пётр Чаадаев, ближайший друг Пушкина, философ-вольнодумец, расколовший российское образованное сообщество, поставивший под сомнение праведность «русскости» и давший импульс на века всей русской «европейской» фронде. Да, тоже денди, причём, в отличие от разбросанного Пушкина, безукоризненный и образцовый — фактически, Браммель.

Отсюда и вторая причина: имея столь впечатляющих отцов-основателей, дендизм оказал невероятно мощное, а главное — продолжительное влияние на всю последующую русскую жизнь. В плане и культуры, и стиля жизни, и, вообще, альтернативы извечной русской тоске. От футуристов до стилистов, от Гончарова до Набокова, от «Русских сезонов» до рокеров нью-вейверов — повсюду тянется эта нить изысканной дерзости и романтического сарказма.

Новые приключения ещё впереди; а как же закончился начальный эпизод саги о неформальной русской молодёжи? Закончился невесело

Обложка «Евгения Онегина Пушкина» Дмитрия Пригова, 1998. Иллюстрация Александра Флоренского

и как-то мутно. После разгрома заговора декабристов, среди которых попадались и денди, и воцарения Николая I (1825) атмосфера в стране постепенно стихла. Александр Пушкин, когда-то грезивший о цареубийстве, потихоньку превратился в придворного поэта, находя в монархическом устройстве что-то мудрое и справедливое. Друг его Пётр Чаадаев после публикации в 1836 году начала «Философических писем» был официально объявлен сумасшедшим с подачи государя (до карательной психиатрии дело не дошло; только домашний арест и наблюдение врача) и, фактически, низведён в изгой общества. «Знакомство с ним могло только компрометировать человека в глазах правительствующей полиции», — писал о нём молодой Александр Герцен.

Дендизм влачил существование в самой скучной плоскости — шмоточной. Англоманы-денди фланировали по Невскому, пялились в лорнеты на балах, завязывали по два часа накрахмаленные галстуки и — просиживали в казённых присутствиях, делая карьеру! Знатные денди Дашков и Блудов активно участвовали в судебной расправе над декабристами; художавый англофил князь Воронцов, хлётко отрекомендованный Пушкиным, как «полумилорд, полуподлец», отправился усмирять Кавказ... И здесь мы вновь возвращаемся к изначальному тезису Лотмана о двойственной природе дендизма: «Неотделимый от индивидуализма и одновременно находящийся в неизменной зависимости от наблюдателей, дендизм постоянно колеблется между претензией на бунт и разнообразными компромиссами с обществом».

Действительно, что может предъявить миру стареющий денди, утомлённый «разнообразными компромиссами» и обременённый семейно-карьерной жизнью? Дендизм большинства просто сходил на нет вместе с молодостью и без всяких драм (разве что у расточительного красавчика

Браммелла это усугубилось долгами). Мне кажется, что очень характерны в этом смысле мучения Пушкина с финалом или продолжением «Евгения Онегина». Как известно, последняя восьмая глава заканчивается, мягко говоря, скомкано — буквально на полуслове:

Но шпор внезапный звон раздался,
И муж Татьянин показался,
И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим
Надолго... навсегда.

ПЁТР ЧААДАЕВ
(1794-1856)

Если Александр Пушкин определял повестку дня в литературной жизни в начале XIX века, то щеголеватый Пётр Чаадаев делал то же самое в философии. Убеждённый европеец, который впоследствии даже перешёл в католицизм, он презирав «варварские» элементы русского характера и не стеснялся говорить об этом. Поначалу его считали модным юным бунтарём, но впоследствии консервативное высшее общество объявило его сумасшедшим и избегало его.

Опаньки! Surprise surprise... А между тем, существуют и раскромсанная самим автором глава о путешествии Онегина по России, и знаменитая «зашифрованная» Десятая глава, и воспоминания современников Пушкина, что он, якобы, планировал то сделать Онегина декабристом, то отправить его на кавказскую войну... Но ничего не вырливалось у поэта — согласно моей гипотезе, как раз потому, что образ героя неизбежно терял в цельности и обаянии. Не пристало настоящему денди быть под стрессом!

Декабристы

Но что же это за «декабристы», в компанию которых Пушкин едва не отправил измученного безответной любовью Онегина? О, это история серьёзная и трагичная. Хотя, может быть, не без доли цинизма можно предположить, что это было продолжение радикального дендизма методами политической борьбы... Декабристам подошли бы другие строки Пушкина:

О много, много рок отъял
Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала, полного вина...

Они ушли рано; они хотели многого. Никогда в истории России такие молодые люди не ставили перед собой таких масштабных задач — захват власти и коренные государственные реформы; фактически, революция. Большевики были постарше и подошли к октябрю 1917 года уже изрядно поседевшими и облысевшими; народовольцы ограничивались индивидуальным террором. Декабристы были первыми и самыми амбициозными. И это была уже не столько субкультура, сколько «молодёжная организация»...

Декабристов мало знают за пределами России и факультетов славистики. Но в последние лет десять хотя бы слово оказалось на слуху — спасибо прекрасной инди-группе из Портленда, штат Орегон, которая взяла себе это название. Я очень люблю декабристов. Почему-то часто думаю о них. Воображаю себе, как могла бы повернуться история моей страны,

Александр Пушкин.
Автопортреты. 1820-е

если бы у них всё получилось. Полагаю, что сложилась бы немного более радостно. А ещё я ловил себя на мысли, что сам хотел бы быть декабристом — не народником, не анархистом, не стилигой — а именно декабристом. При том, что восстание их провалилось. Не хочется только, чтобы меня вешали — а в Сибирь, и там начать новую жизнь — да пожалуйста!

Когда говорят и пишут о декабристах, всегда в первую очередь упоминают их дворянское происхождение, их прекрасное образование и их немыслимое благородство. Спору нет! Но почему-то редко обращают внимание на их практически поголовную молодость. Немногие из декабристов были старше 30 лет! И это было не случайное совпадение: выражение «наше поколение» в выступлениях и стихах декабристов, как, например, в этом письме юного флотского офицера Завалишина: «Места старших начальников были заняты людьми ничтожными или нечестными, что особенно резко выказывалось при сравнении с даровитостью, образованием и безусловной честностью нашего поколения».

Пятерых активнейших участников восстания декабристов казнили; к моменту выступления на Сенатской площади им было: Михаилу Бестужеву-Рюмину — 24 года; Петру Каховскому — 26 лет; Сергею Муравьёву-Апостолу — 29 лет; Павлу Пестелю — 32 года; Кондратию Рылееву — 30 лет. Если учесть, что организации, из которых вышло движение декабристов, «Союз Спасения» и «Союз Благоденствия», были созданы, соответственно,

Силуэты пяти казнённых декабристов: Павел Пестель, Михаил Бестужев-Рюмин, Пётр Каховский, Сергей Муравьев-Апостол и Кондратий Рылеев. Медальон на обложке альманаха «Полярная звезда» Александра Герцеа и Николая Огарёва. 1 января 1855 г.

в 1816 и 1818 году, получается, что многим будущим декабристам в начале пути не было и двадцати лет от роду. Глядя назад из инфантильного XXI века, это кажется невероятным.

Всю историю (а это история, несомненная История!) декабристов можно разделить на три периода. Первый — созревание тайного общества и подготовка восстания — длился около 10 лет. Второй — собственно, неудавшаяся революция в Петербурге — занял ровно один день, 14 декабря 1825 года. Третий — следствие, суд и наказание — продлился почти до конца XIX века, когда умерли последние из вышедших на площадь. Первый я охарактеризовал бы, как красивый, романтический и хаотичный; второй — как сущую катастрофу; третий — как трагичный и тоже очень красивый. Да, по красоте и благородству декабристы побили все рекорды — но как насчёт результата праведных трудов? Здесь проще всего сказать, что это была команда безнадежных неудачников, которые загубили жизни свои и тысячи с лишним верных солдат; вся программа которых устарела уже через 15-20 лет; и бунт которых, по мнению умного Чаадаева, отбросил страну на 50 лет назад. Однако, вспоминая этих лузеров, слёзы восхищения наворачиваются на глаза.

Откуда они взялись? Как афористично заметил один из декабристов, А. А. Муравьев-Апостол, «мы были дети двенадцатого года». В 1812 году, напомним, 600-тысячная «великая армия» Наполеона летом вторглась в Россию, захватила Москву, но в ходе зимней кампании была изгнана из страны, после чего русская армия дошла до самого Парижа. Отечественная война стала огромным потрясением для страны, и в результате неё в России подул ветер перемен. Точно написал об этом Александр Герцен: «Не велик промежуток между 1810 и 1820 годами, но между ними находится 1812 год... Нравы те же, тени те же; помещики, возвратившиеся из своих деревень в сожжённую столицу, те же. Но что-то изменилось. Пронеслась мысль, и то, чего она коснулась своим дыханием, стало уже не тем, чем было». Наблюдатели отмечали два явления: сближение провинции со столицами, особенно барской Москвой, и потепление отношений между дворянством и народом. На последнее конкретно повлияла антифранцузская партизанская война, где офицеры-аристократы дрались бок о бок с крестьянами.

Но самые серьёзные сдвиги произошли, как нетрудно догадаться, в армии. Во-первых, многие офицеры, сплотившись на полях боёв и в походной жизни с солдатами, прониклись их чувствами — что для аристократии было крайне нетипично. Декабрист Бестужев писал царю из заключения во время следствия: «Ещё война длилась, когда ратники, возвратясь в дома, первые разнесли ропот в классе народа. Мы проливали кровь, говорили они, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа».

Во-вторых, тирания тиранией, но Европа вообще и Франция в частности, конечно, были местами несравненно более свободными, чем тогдашняя Россия, где и рабство не было отменено, и конституция считалась крамольным словом. Вирус вольнодумства поразил значительную часть офицерского состава. Вот отрывки из трёх донесений французских дипломатов о состоянии духа в российской армии (1820-1822): «Вся молодёжь, и главным образом офицерская, насыщена и пропитана либеральными доктринами. Больше всего её пленяют самые крайние теории: в Гвардии нет офицера, который бы не читал и не перечитывал труды Бенжамена Констан, и не верил бы, что он их понимает». «Несомненно, что у многих гвардейских офицеров головы набиты либеральными идеями настолько крайними, насколько эти офицеры мало образованы. Они живут вдали от всех осложнений либерализма; они ценят тон и форму военного командования заграничных армий, но они находят их же невыносимыми у себя самих». «В гвардии сумасбродство и злословие дошли до того, что один генерал недавно нам сказал: иногда думается, что только не хватает главаря, чтобы начался мятеж. (...) Возбуждённые горячими и невоздержанными спорами относительно политических событий, присутствовавшие на этом собрании 50 офицеров закончили его тем, что, вставши из-за стола, проходили по очереди мимо портрета Императора и отпускали по его адресу ругательства».

Маловероятно, что подобное благородное собрание могло произойти в казарме — но у молодых заговорщиков и сочувствующих им хватало уютных мест для встреч. Многие декабристы — в том числе и один из ру-

Казнь декабристов.
Рисунок Александра Пушкина,
1826 г.

ководителей Южного Общества, Павел Пестель — входили в разнообразные масонские ложи. (Что позволило некоторым исследователям определённого толка предположить, что всё движение было плодом масонского заговора — гипотеза, не выдерживающая критики). Но самыми популярными и скандальными местами сборищ вольнодумцев были литературные клубы «Зелёная Лампа», «Арзамас», «Общество громкого смеха». «Зелёная Лампа» так и вовсе была чем-то вроде литературного филиала, «побочной управой» Союза Благоденствия. Вот где я безумно хотел бы побывать! Регулярными посетителями салона были Пушкин, Рылеев, Кюхельбекер — и предавались там они так называемым «оргиям», которые вкратце и много позже (1830) описаны в отрывке из X главы «Евгения Онегина»:

Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука,
Всё это было только скука
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов.

Самому «шалуну» тогда было едва ли 20 лет... Здесь я хотел бы сделать незначительное отступление и сказать пару слов на хрестоматийную для России тему «Пушкин и декабристы». Пушкин попал в самый центр поколения декабристов и в эпицентр мест сборки российских юных бунтарей — Царскосельский лицей, богемные клубы Петербурга. И даже в ссылку он попал куда надо — на юг, в Кишинёв, где познакомился, в частности, с Пестелем. С отрочества он взахлёб дружил с полудюжиной видных декабристов; ближайшим и самым закадычным из них был отправленный после восстания на каторгу Иван Пущин. Именно Пущину соратники по Северному обществу предложили в январе 1825 года принять в тайный союз Александра Пушкина. Пущин рассказал поэту об Обществе и его грандиозных целях, но настаивать на членстве Пушкина в нём не стал; как он потом не раз говорил, в частности, сыну декабриста Волконского Михаилу, «как мне решиться было на это, когда ему могла угрожать плаха»... Загадочна и апокрифична история, случившаяся с Пушкиным 13 (по другим расчётам 10-15) декабря, прямо накануне восстания. Согласно популярнейшей версии, Александр Сергеевич выехал утром из своего родового имения Михайловское, чтобы оказаться в Петербурге к ночи. Предполагается, что в этом случае он обязательно оказался бы в квартире Кондратия Рылеева на Мойке — «осином гнезде» декабристов, где до утра толпились заговорщики, обсуждая детали переворота, и, соответственно, неминуемо пришёл бы на Сенатскую площадь... Со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до... Однако по пути следования повозки аллею, ведущую из барского дома, неожиданно пересёк заяц, и суеверный Пушкин велел кучеру развернуться и остался дома. Умилённые подвигом зайца, современные российские литераторы в 2000

«Постель на ... не упал: Памяти декабристов». Арт-группа «Война». 6 сентября 2008 года
© Алексей Плущер-Сарно

«Война» — революционная арт-группа, которая участвует в радикальных уличных акциях протеста. Против группы было возбуждено более 20 уголовных дел. Активисты «Войны» пережили десятки арестов и многочисленные обыски. Активисты Леонид Николаев и Олег Воротников были заключены в тюрьму по обвинению разжигая ненависти к полиции с помощью арт-акций. Они были освобождены из-под стражи, им в этом помог художник Бэнкси. The Guardian писали о «Войне»: «Бэнкси перечислит весь свой гонорар коллективу «Войны» в России, двое из которых в данный момент сидят в тюрьме

Санкт-Петербурга... Алексей Плущер-Сарно, главный идеолог «Войны», рассказал The Guardian, что Бэнкси связался с группой, после того как узнал о тюремном заключении двух участников. «Мы очень благодарны ему за поддержку, — сказал он. — Помощь Бэнкси привлечёт внимание всего мира к репрессиям против нас, а также к большой проблеме ликвидации демократии в России». В настоящий момент участники группировки «Война» объявлены в розыск российской полицией и Интерполом.

Алексей Плущер-Сарно

Демонстрация Резо Габриадзе и Андрея Битова, декабрь 2000 г.
© музей-заповедник «Михайловское»

году даже поставили ему в Михайловском памятник с радостной надписью «До Сенатской площади осталось 416 вёрст».

Легенда о зайце вызывает некоторые сомнения (тем более что и в ней имеются разночтения, а вместо зайца иногда фигурирует местный поп), но понятно, откуда она взялась: в России нетрудно представить взбалмошного Пушкина жертвой предрассудков, но абсолютно невозможно вообразить его трусом или лицемером. Тем не менее, дальнейший ход событий подсказывает, что отсутствие Пушкина на Сенатской площади было не случайным. Вскоре после восстания он написал письмо примирительного содержания Николаю I, и в начале сентября был вызволен царём из ссылки, имел с ним беседу и вскоре представлен свету как придворный поэт с единственным цензором в лице самого монарха. Пушкин продолжал умеренно дерзить, но, в целом, соответствовал фразе Николая, брошенной придворным: «Теперь он мой!» Ничего страшного: как истинный денди, он пошёл на разумный компромисс.

Гораздо больше смущает меня другое. В 1826-1827 годах Пушкин написал несколько известных писем своим друзьям-декабристам, а также одно знаменитейшее стихотворение, им посвящённое. Оно начинается со слов:

Во глубине Сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

И заканчивается так:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Выжившие в Сибири декабристы были помилованы Александром II в 1856 году, когда Пушкина уже скоро 20 лет, как не было в живых, и как прошла бы их встреча, спустя столько лет, сказать трудно. Удивительно

Рисунок из серии «Чёрные портреты» Виктории Ломаско, 2011-2013. Изображение представлено автором

то, что за последние девять лет своей жизни (1828-1837) Пушкин практически ничего не написал о декабристах вообще, ни о ком из них в частности — ни в стихах, ни в прозе. Кроме уже приведённых мною строк о «забавах взрослых шалунов». Я не берусь объяснить, почему: ревизия идей, разочарование, обида или что-нибудь похуже... В любом случае, это грустно. Сами декабристы боготворили Пушкина до конца.

Программа декабристов не блистала стройностью и единообразием. Начать с того, что имелись Северное (Петербург) и Южное (Киев) тайные

общества — взаимосвязанные, но автономные. Южное считается более радикальным, и его программным документом стала «Русская правда» Пестеля. Согласно ей, Россия должна была стать республикой, управляемой 500-местным однопалатным Народным Вече. Предполагалась полная отмена крепостного права с передачей половины всей земли крестьянским общинам, а второй половины — помещикам. Также предлагалась отмена сословий, равенство всех граждан перед законом, свобода слова, собраний и передвижений. Страна виделась, как единая и неделимая, со столицей в Нижнем Новгороде. Программа Северян была изложена в проекте Конституции, составленном Никитой Муравьевым. С Южанами она совпала только в части гражданских прав и свобод, а также отмены рабства. В качестве государственного устройства предлагалась конституционная монархия с двухпалатным парламентом по английскому образцу. Страна имела федеративное устройство — 14 держав и 2 области. Крестьяне освобождались, но вся земля оставалась у помещиков. При этом восстание 14 декабря опиралось на ещё один документ, написанный в спешке накануне выступления и озаглавленный «Манифест к русскому народу». По замыслу заговорщиков, он должен был быть утверждён Сенатом (подчинённый императору невыборный законодательный орган) — отчего, собственно, центром восстания и стала Сенатская площадь. Содержал манифест несколько практических мер, включая отмену рабства и отставку солдат-ветеранов, но главное — передачу всей власти временному правлению во главе с «диктатором» князем Сергеем Трубецким.

Диктатор испугался и в назначенный час утром 14 декабря не вышел на площадь. Укрылся у родственника, австрийского посланника. Пётр Каховский уклонился от вменённого ему цареубийства, призванного стать сигналом к восстанию. (Правда, застрелил коменданта Петербурга Милорадовича). Капитан Якубович отказался вести гвардейцев на Зимний дворец, чтобы арестовать царскую семью. Полковник Булатов не смог захватить Петропавловскую крепость. Сенат, будучи предупреждённым о возможном бунте, опустел ещё в 7:30 утра, до прибытия восставших полков. Манифест повис в воздухе. Не буду утомлять вас и расстраивать себя деталями трагического фиаско декабристов: может быть, так получилось из-за того, что мятеж вышел импровизированным. В принципе, восстание было запланировано на лето 1826 года, но тут подвернулся удобный момент: внезапная смерть царя Александра I, невнятное отречение Великого князя Константина, слухи о короновании непопулярного Николая... Так или иначе, четыре с лишним тысячи солдат и революционных офицеров простояли весь день в недвижности на холоде, пока на закате их не начали расстреливать в упор из пушек картечью. Мне совсем не понятно, почему они стояли и стояли, как гигантская мишень — хотя до Дворцовой площади и Зимнего было каких-то 400 метров... но судить, конечно, не берусь. На следующий день всех организаторов восстания арестовали. На Юге выступление Черниговского полка тоже пресекли быстро. Далее было следствие и суд, пятеро повешенных, сто двадцать сосланных на пожизненную каторгу в Сибирь, сотни разжалованных в рядовые и брошенных на Кавказскую войну.

А потом была эпическая сага о похождениях декабристов в Сибири. История столь же легендарная, сколь и правдивая. Они работали на рудниках, закованные в кандалы под неусыпным наблюдением, — и происходило это в тех местах, куда люди и сейчас-то с трудом добираются! Якутия, Иркутск, Забайкалье... И самый сентиментально-героический эпизод истории, тема книг и фильмов — жёны декабристов! Одиннадцать совсем юных (Марии Волконской было чуть за 20) светских барышень, дворянок с ангельскими лицами поехали следом за мужьями-каторжниками. Одна из них, француженка Полина Гёбль, жена декабриста Ивана Анненкова, писала о ссылке: «Надо сознаться, что много было поэзии в нашей жизни». Ей вторит Иван Пущин, тоже сосланный на каторгу: «Главное — не надо утрачивать поэзию жизни, она меня до сих пор поддерживала...» И вот тут, мне кажется, мы подходим к главному, о чём говорит и чему учит история неудачников 14 декабря. По сравнению с этим бледнеет и их безнадёжный сконфуженный мятеж, и их заслуги в освоении Сибири, которые, несомненно, тоже сыграли роль в истории их возлюбленного Отечества.

Юрий Лотман сформулировал это так: «Декабристы проявили значительную творческую энергию в создании *особого типа русского человека*, по своему поведению резко отличавшегося от того, что знала вся предшествовавшая русская история». В своём тексте «Декабрист в повседневной жизни» он перечисляет основные черты этого «нового типа». И вот что это такое:

- Декабристы — *люди действия*, нацеленные на практические изменения политического бытия России.
- Главной формой действия парадоксально оказывается *речевое* поведение декабриста.
- Декабристы культивировали *серьёзность* как норму поведения.
- Декабрист всегда ощущает себя на высокой исторической *сцене*.
- Слово декабриста — всегда слово, громко сказанное. Декабрист *публично* называет вещи своими именами.
- *Рыцарство* декабристов — с одной стороны, определило их нравственное обаяние, с другой — уязвимость, неспособность действовать в условиях узаконенной подлости.
- Требование от каждого декабриста *героического* поведения.
- Культ *братства*. (Иерархия отношений декабристов по Пушкину: «Братья, друзья, товарищи»).
- Политическая организация облекается в формы *человеческой близости*, а не только идентичности убеждений. Между участниками движения существуют прочные внеполитические связи — родственники, однополчане, одноклассники...
- Будучи *дворянскими* революционерами, декабристы следуют выработанному кодексу чести.

И в заключение вернёмся к той самой поэзии, поэзии жизни, о которой писал с каторги Пущин; это более глубоко, чем простое утешение

для измученного человека в кандалах. На этот раз процитирую Лотмана прямо: «Сопоставление поведения декабристов с поэзией, как кажется, принадлежит не к красотам слога, а имеет серьёзные основания. Поэзия строит из бессознательной стихии языка некоторый сознательный текст, имеющий более сложное вторичное значение. При этом значимым делается всё, даже то, что в системе собственно языка имело чисто формальный характер. Декабристы строили из бессознательной стихии бытового поведения русского дворянина рубежа XVIII-XIX веков сознательную систему идеологически значимого бытового поведения, законченного как текст и проникнутого высшим смыслом».

Говоря совсем просто (это мне стало стыдно за нелюбимое наукообразие предыдущих абзацев), декабристы создали моральный кодекс прогрессивного русского человека, своего рода поведенческий идеал, — и остались ему верны до конца. В этом смысле декабристы даже могут считаться уникальной разновидностью субкультуры (а не только организацией) — я назвал бы это «этической субкультурой».

Искренних революционеров в России и после декабристов было не так уж мало — народники и народолюбцы, эсеры и марксисты, анархисты — но никто из них не отвечал той мере благородства, человечности и жертвенности, как «люди 1825 года». Совсем незадолго до выступления на Сенатской площади поэт-декабрист, один из пяти казнённых, Кондратий Рылеев, написал:

Известно мне: погибель ждёт
Того, кто первый восстаёт
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Прошло 190 лет. Свободы в России нет, как и не было. Декабристов тоже нет. Но по-прежнему бьётся вопрос, заданный ещё в августе 68-го года прошлого века великим бардом Александром Галичем:

Можешь выйти на площадь?
Смеешь выйти на площадь?
В тот назначенный час?!»

Лишние люди

У декабристов была великая цель, но не было единого стиля (хотя некоторые из них, в частности, Батеньков и Лунин были признанными денди). У денди был легко узнаваемый стиль, но не было никаких целей. У «лишних людей» не было ни стиля, ни цели. Хуже того, они даже не знали, что они — лишние люди, хотя жили и маялись в России с рождения до ста-

рости. Может быть, если бы лишние люди осознали себя как общность, стали бы собираться в свои «лишние» кружки и клубы по интересам, их маловостребованные жизни сложились бы по-другому... Но нет, каждый из этих людей искал выход поодиночке и, как правило, не находил.

Впрочем, что мы можем знать о «лишних людях»? Декабристы и их гонители, денди и чиновники, помещики и генералы существовали в реальной жизни, от них остались письма и портреты, о них — тысячи томов воспоминаний. Что до «лишних людей», то сам термин впервые возник в голове у писателя Ивана Тургенева, а все без исключения хрестоматийные объекты, под него подпадавшие, — литературные герои! Недаром, однако, великая русская классическая литература знаменита своим безусловным и глубоким реализмом: «лишние люди» в ней взялись из реальности, и наш очерк молодёжных типов первых десятилетий XIX века без них будет неполным.

Нельзя сказать, что «лишние люди» — это изобретение и особое ноу-хау России. Шекспир, Сервантес, Гёте и многие менее именитые европейские авторы успели создать блестящие образцы данного типа. Однако именно русская классика предъявила миру идеально подобранную галерею обаятельных и неприкаянных на все вкусы — лишних, но востребованных гурманами литературы.

Для того чтобы свету явился очередной «лишний человек», необходимо стечение обстоятельств как субъективных, так и объективных. К субъективным я отношу индивидуальность и характер героя. Предпочтительно, он должен быть человеком тонким и чувствительным, как Евгений Онегин (Пушкин, «Евгений Онегин», 1833); умным и критичным, как Александр Чацкий (Грибоедов, «Горе от ума», 1825); романтическим и обаятельным, как Григорий Печорин (Лермонтов, «Герой нашего времени», 1840). И молодым: удивительное совпадение — всем троем главным «лишним» русской литературы было по 23 года от роду! Чуть старше, но не менее хороши были более поздние представители касты «лишних» — пылкий и остроумный Дмитрий Рудин (Тургенев, «Рудин», 1856), добрейший и мечтательный Илья Обломов (Гончаров, «Обломов», 1859).

Да, эти люди не дураки, они прекрасно образованы, не обязательно лентяи (скажем, Печорин весьма деятелен), хороши собой — как же, спрашивается, при таком отменном наборе качеств они оказались не у дел? Две причины; одна оказывается продолжением их достоинств: нашим героям, честным и совестливым, не пристало мириться и принимать мелкую и крупную пакостность окружающего мира. Вот как (довольно многословно, но точно) описывает этот синдром у своего любимого персонажа, Пьера Безухова из «Войны и мира», Лев Толстой: «Пьер испытывал несчастную способность многих русских людей — способность видеть и верить в возможность добра и правды, и слишком ясно видеть зло и ложь жизни, для того, чтобы быть в силах принимать в ней серьёзное участие. Всякая область труда в глазах его соединялась со злом и обманом. Чем он ни пробовал быть, за что он ни брался — зло и ложь отталкивали его и загораживали ему все пути деятельности. (...) Слишком страшно было быть под гнётом этих неразрешимых вопросов жизни, и он отдавался

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ
(1814 — 1841)

Джим Моррисон русской литературы XIX века — смелый, вызывающий, трагический и скончавшийся в 26 лет. Лермонтов всегда был любимым поэтом депрессивных русских подростков. Оптимистичные патриоты не могут свыкнуться с мыслью, что этот великий поэт был автором злобного сатирического стихотворения «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ». Ставший даже более значительным, чем это стихотворение, его единственный роман «Герой нашего времени» озлобленный рассказ в духе мизантропического романтизма.

«Завтрак аристократа».
Павел Федотов, 1849-1850
© Государственная
Третьяковская галерея

*«Пьер в битве при Бородино».
Дмитрий Шмаринов, 1953
Иллюстрация к «Войне и мир»
Толстого издания 1953 года*

первым увлечениям, чтобы только забыть их. Он ездил во всевозможные общества, много пил, покупал картины и строил, а главное — читал». Не сомневаюсь, что многие мои друзья, а отчасти и я сам, узнали бы в этом описании себя — в XXI веке.

Вторая причина связана с упомянутыми выше «объективными» обстоятельствами. «Лишние люди» — как в силу своих индивидуальных особенностей, так и в силу специфики своего положения в обществе — очень плохо вписываются в контекст, парадигму современной им жизни. Они являются или слишком рано, или слишком поздно, или просто не туда. Возьмём трёх самых знаменитых и харизматичных «лишних людей» мировой литературы: просвещённый Гамлет явно появился преждевременно в протухшем мире датского Средневековья; благородный Дон Кихот столь же явно опоздал со своим рыцарством в материалистичной Испании начала XVII века; юному Вертеру не пришлось бы так страдать и накладывать на себя руки, окажись он не в бюргерской Германии... Это в полной мере касается и русских героев отторжения.

Чацкий, пожалуй, наиболее характерен: он вернулся из цивилизованной Европы и тут же угодил в душное и жлобское общество подзабытых соотечественников. Естественная реакция:

Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорблённому есть чувству уголок.
Карету мне, карету!

Печорин — бесспорно, самая масштабная личность и самый трагичный персонаж из всех «лишних людей». Он фатально опоздал: родился на 15-20 лет раньше, стал бы образцовым героем Наполеоновской войны и/или безупречным декабристом, висельником, каторжником, героем истории. А так — всего лишь образец противоречия «глубокости натуры и пустоты

«Обломов на диване», 1954 г.
Татьяна Шишмарева,
иллюстрация к «Обломову»

жизни», по словам критика Виссариона Белинского. Печорин — настоящий панк, живущий по принципу «search and destroy» («Всё, что встречается ему на дороге, он умеет отстранить или уничтожить» — критик Добролюбов), но и эта активность никуда его не приводит. Или, если вспомнить судьбу создателя Печорина и его частичное альтер эго, Михаила Лермонтова, приводит к смерти на дуэли в возрасте 26 лет.

Из классической троицы «лишних» Евгений Онегин, на мой взгляд, наименее убедителен. Впрочем, возможно в расплывчатости и состоит сила его образа... Так или иначе: ни в декабристы, ни даже в резонёры-критики, как Чацкий, он не годится. Восемь глав носится Пушкин с его красивой фигурой — только для того, чтобы под конец псевдо-«денди лондонский» получил от ворот поворот у принципиальной русской девушки Татьяны. Ничего неожиданного в этом не было: все без исключения «лишние люди» всех времён и народов крайне неудачливы в личной жизни. Если они влюбляются, то безответно; если в них влюбляются — то с самыми нехорошими последствиями. Больше всего на этой поляне натоптал Печорин, но даже самые безобидные (Обломов!) из лишних людей умудрились украсить окрестный пейзаж разбитыми сердцами...

По отношению к Онегину легко проследить эволюцию восприятия «лишних людей» в русском обществе — от иронии и даже антипатии в богатые на события 20-е годы к сочувствию и пониманию в 30-40-е, когда николаевская стагнация навела тоску на всю страну. Александр Герцен, либеральный публицист и писатель (и один из героев следующей главы) даже написал: «Все мы более или менее Онегины, раз только мы не предпочитаем быть чиновниками или помещиками». Это напомнило мне ситуацию в СССР в 1965-1985 годах: относительно стабильная и угасающе-благополучная жизнь, тотальная скука и явление, обозначенное как «внутренняя эмиграция», — сотни тысяч советских «лишних людей», уходящих с головой в свои миры... В XIX веке не составляла проблемы и нормальная, «внешняя» эмиграция — и многие предпочитали этот путь. Чацкий проложил до-

рогу; за ним последовали другие «лишние люди» — Бельтов (Герцен, «Кто виноват?») и тургеневский Рудин. Последний погиб на баррикаде в Европе во время революционных событий 1848 года. И это невольно навевает вопрос, который ещё в 1840-м сформулировал Белинский: «Меня убило это зрелище общества, в котором властвуют и играют роль подлецы и дюжинные посредственности, а всё благородное и даровитое лежит в позорном бездействии на необитаемом острове... Отчего же европеец в страдании бросается в общественную деятельность и находит в ней выход из самого страдания?» Можно продолжить за неистового Виссариона: а русский человек топит это страдание в унынии и саморазрушении? Ответ на вопрос не получен по сей день.

К началу 60-х годов позапрошлого века галерея литературных «лишних людей» была практически укомплектована. Количество же их, уже немолодых, в реальной жизни никак не уменьшалось. Хуже того, их роль в обществе, которую при царе Николае I можно было расценить если не как прогрессивную (что-то вроде пассивного сопротивления), то, по крайней мере, нейтральную, — в период реформ Александра II превратилась в отчётливо реакционную. Дело в том, что «лишние люди» — это, всё-таки, чисто дворянская история. История дворян, которые, с одной стороны, не хотели выслуживаться в противном им государстве и одновременно заниматься активной эксплуатацией рабов-крестьян. За что им респект. С другой стороны, они не хотели (или не могли) включаться в новую нарождающуюся капиталистическую систему — заниматься бизнесом, финансами, производством и прочим тем, про что им было удобнее сказать дежурное: не барское это дело! С одной стороны, они были жертвами загнивающей монархии и крепостного строя, с другой — их же (не)благодарными паразитами. Тот же милейший Обломов вряд ли мог поддерживать свой легендарный растительно-резонёрский образ жизни, если бы не верный слуга Захар...

В 60-е годы критика и без того несчастных «лишних людей» стала повсеместной — благо, уже появилось и стало популярным само словосочетание (Тургенев, «Дневник лишнего человека», 1850). Жёстче всех приложил потомков Онегина великий сатирик Салтыков-Щедрин в статье «Напрасные опасения» (1868): «Все эти „лишние люди“, так меланхолически сетовавшие на свою ненужность, покуда ничто не препятствовало им услаждать себя этими сетованиями, оказались, как только время предъявило некоторые притязания на их досуг, такими преестественными зверобоями, что сразу сделалось ясно — способность эта только спала в них, окончательно же никогда не умирала. (...) И вот, все эти люди, столь недавно ещё казавшиеся самыми несомненными либералами, вдруг делаются ещё более несомненными злопыхателями и начинают поносить те самые явления, в которых они когда-то усматривали украшение и культ всей своей жизни».

Да, лишившись ренты рабства, бездеятельные русские дворяне превратились в довольно жалкий и брюзжащий, хотя и не лишённый скромного обаяния (вспомним героев пьес Чехова) аппендикс общества. На поколе-

ниях «лишних людей» XIX века в этом смысле можно ставить точку. Другое дело, что русская жизнь всегда оставляет место подвигу быть лишним! И едва ли не каждое поколение у нас — «потерянное поколение», и миллионы могут повторить за писателем Горьким и острословом Бахчаняном: «Лишний человек — это звучит гордо!». Хотя не стоит забывать и другой афоризм, брошенный Набоковым в романе «Дар», — да-да, про то, что погубили Россию «два Ильича», Владимир Ильич Ленин и Илья Ильич Обломов.

Ну да, Ленин насильно рвал страну вперёд, а Обломов — тянул назад. Дворянство сыграло свою роль до конца: денди принесли в тяжёлую Россию европейскую лёгкость и независимость; декабристы распространили свободолобивые идеи, а лишние люди убедительно напомнили, что аристократия больше не у дел. Привилегии дворянства лишали его жизненной силы: изнеженным потомственным аристократам претила предприимчивость, свойственная купцам и новейшей буржуазии; даже отсутствие денег у обедневших представителей высшего класса не могло заставить их работать — скорее, попрошайничать, ждать наследства, продавать накопленное предками. Главный козырь дворян, хорошее образование, уже не давал былых преимуществ, растворяясь в лени и резонёрстве. А снизу уже поддавливали молодые, грубые, дурно одетые, но очень амбициозные. Даже в большой и медленной Империи жизнь менялась, требуя более деятельного и динамичного к себе отношения.

Карикатура на Ивана Аксакова.
Пётр Куренков, 1867. журнал
«Будильник»

Западники и славянофилы

Первая половина XIX века в России замечательна тем, что задала практически все основные гуманитарные тренды на два века вперёд. Декабристы дали импульс и моральный образец революционному движению. Денди запустили вирус альтернативного стиля, который постоянно мутирует и создаёт всё новые субкультуры вплоть до сегодняшнего дня. «Лишние люди» запустили новый тип русского человека — «внутреннего эмигранта», тип актуальный, хотя и изменчивый во все века. Тогда же, на стыке 1830-х и 1840-х годов, была впервые объявлена и чётко сформулирована тема главной философской и мировоззренческой дискуссии, которая с разными участниками и переменным успехом идёт в России уже 175 лет и конца-краю ей не видать. Спор между «западниками» и «славянофилами» о месте России в мире.

Спор этот носил не только умозрительно-идеологический (как впоследствии) характер, но имел очень конкретные практические стороны: следует развивать промышленность или сельское хозяйство? капитализм для России — зло или благо? какая форма труда более подходит стране — наёмная или добровольно-общинная? И так далее, вплоть до формы одежды и правил этикета. В кружках и западников, и славянофилов преобладали дворяне, но, что ново и интересно, активнейшую роль в них играли и выходцы из низших сословий: у западников — сын врача Виссарион Белинский; у славянофилов — промышленник Фёдор Чижов.

Важность этого спора — равно, как и его безрезультатность, — несомненны. Но насколько «западники» и «славянофилы» вписываются в контекст нашего повествования? Никакой организационной структуры у этих интеллектуальных течений не было; не было и признанных вождей. Субкультуры? Пожалуй, да — но микроскопические и практически лишённые столь существенных для формирования «трайбов» внешних признаков. Исключением тут можно считать манеру одеваться самого эксцентричного из славянофилов, поэта и философа Константина Аксакова. Ольга Вайнштейн в своём исследовании о дендизме приводит забавные воспоминания писателя Ивана Панаева про появление в свете Аксакова, который «наделал в Москве большого шума, появляясь в смазных сапогах, красной рубашке и в мурмолке (старинная русская шапка из бархата или меха — прим. А. Т.)». По словам видного славянофила, этот его наряд имел вполне определённую идейную подоплёку: «Пора сблизиться нам с нашим народом, а для этого надо сначала сбросить с себя эти глупые кургузые немецкие платья, которые нас с народом разделяют». (При этом Аксаков наклонился к земле, поднял свой сброшенный сюртук и презрительно отбросил его от себя). «Пётр, отрывая нас от нашей национальности, заставлял нас брить бороды, мы же должны теперь отпустить их, возвращаясь к ней». Дам агитация К. Аксакова тоже касалась. «Сбросьте это немецкое платье! — обращался он к одной из светских красавиц, — что вам за охота носить его? Подайте пример всем нашим дамам, наденьте сарафан! (традиционное русское крестьянское верхнее платье — прим. А. Т.) Как он пойдёт к вашему прекрасному лицу!»

Так, между делом, мы познакомились с важной частью платформы славянофилов, но нам ещё предстоит выяснить — как молоды они были? Годом формирования круга славянофилов считается 1839-й. Это означает, что нашему знакомому Константину Аксакову было в это время 22 года; его сподвижнику и младшему брату Ивану — 16; публицисту Юрию Самарину — 20. Были и старшие товарищи: поэт Алексей Хомяков (35 лет), философ Иван Киреевский (33 года), промышленник Фёдор Чижов (28 лет). Что с возрастным цензом у западников? Их сообщество возникло примерно в это же время, даже чуть раньше: импульсом к появлению «западной» повестки дня стала публикация «Философических писем» Петра Чаадаева, своего рода манифеста западничества в России, и это 1836 год. Начались регулярные встречи западников в 1840 году, а это значит, что Александру Герцену было 28 лет, Николаю Огарёву — 27, Виссариону Белинскому — 29, Ивану Тургеневу — 22... Даже провозвестнику западничества Чаадаеву едва стукнуло 40.

В новейшей истории России борьба, условно говоря, «глобализма» с «национализмом» велась постоянно и периодически принимала весьма жёсткий, а иногда и кровавый оборот: скажем, большевистская революция имела отчётливо «интернационалистический» характер, а сталинская «борьба с космополитизмом» — шовинистический и антисемитский; горбачёвские реформы втягивали страну в европейскую и мировую орбиту, а путинские «суверенность» и «патриотизм» вели Россию к изоляции. Однако

«Хотят ли русские войны?» Владислав Мамышев-Монро. Из серии «Русские вопросы», 1997. Из коллекции Владимира Овчаренко

«Марфуша». Владислав Мамышев-Монро. Из серии «Русские вопросы», 1997. Из коллекции Владимира Овчаренко

начиналось всё гораздо мягче... Славянофилы и западники были людьми одного круга, почти исключительно дворянского, и многих из них связывали если не близкие дружеские, то, по крайней мере, вполне приятные человеческие отношения. После жарких споров и пикировок в собраниях и клубах они шли в обнимку в питейные заведения. Более того, по многим принципиальнейшим вопросам — скажем, по отмене крепостного права — между ними не было не то что антагонизма, но и вообще ни малейших разногласий!

Фундаментальным камнем преткновения между оппонентами было: является ли Россия европейской страной или же у неё «особый путь»? Парадоксально, но два противоположных решения были вдохновлены одними и теми же событиями 1812-1815 годов: западники увидели передовую сторону Европы и расцветающие там свободы, а славянофилы этому возразили — «А всё-таки мы их сделали!» — что добавило им патриотизма. Я думаю, что всегда веселее и интереснее считать своё дело уникальным, а свою страну — исключительной. И эмоционально я понимаю славянофилов, отстаивавших самобытность России и неповторимость её истории. Взгляд западников гораздо скучнее: Россия просто надолго выпала из цивилизованного мира, от Европы отстала лет на 50 или около того, и ей ещё только предстоит пройти тот же путь, что Англия и Франция уже завершили. Историю и современное ему состояние страны Чаадаев описал таким образом: «...Тусклое и мрачное существование, лишённое силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства. Ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его предании. Мы живём одним настоящим, в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мёртвого застоя». Одной, если не главной, причиной русской темноты Чаадаев видел влияние православия, которое считал чрезмерно материалистичным и внушающим пассивность.

В оценке роли православия западники и славянофилы расходились самым радикальным образом. Иван Киреевский и его единомышленники именно в православии видели стержень «русскости», и знаменитая триада графа Уварова, своего рода русская консервативная национальная идея (типа антитезы «Свободе, Равенству, Братству»), сформулированная в 1834 году, — «Православие, Самодержавие, Народность» — не вызывала у них протеста. Вооружённые православием, они собирались проучить и оставить далеко позади загнивающий Запад, погрязший в фальшивых ценностях и атеизме. Если к этому добавить гомосексуализм, то получится в точности нынешняя российская патриотическая риторика.

По части самодержавия тоже были большие разногласия: западники, естественно, колебались между конституционной монархией и республикой, а славянофилы были за царя-самодержца и при нём — народный совещательный орган вроде допетровского Земского Собора. Под эту схему К. Аксаков подвёл теоретическую базу: он считал, что русский народ — вообще народ «негосударственный», что ему неинтересно заниматься управлением страной, принимать решения и брать ответственность. Ему вторили

БЕЛОКАМЕНЩИК СЕРГЕЙ. БЫВШИЙ ВОИНСТВУЮЩИЙ БЕЗБОЖНИК, ТЕПЕРЬ — ПРАВОСЛАВНЫЙ АКТИВИСТ.

ВИКТОР МИЗИН. ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ПОЛИТОЛОГИИ В МГИМО. РОЗЫГРЫШ В «ГРАУЗМАНЕ».

остальные, утверждая, что испокон веков русский народ жил с властью в некоем «договоре о невмешательстве» в дела друг друга, и всем было хорошо, пока не явился царь Пётр со своими немецкими костюмами и европейскими ценностями и всё испортил.

Отношение к Петру было самым эмоциональным с обеих сторон: западники (включая близкого им Пушкина) боготворили его за то, что вернул Россию во всеобщую историю и поставил её на магистральную дорогу цивилизации; контраргументы их противников представить себе нетрудно. Впрочем, и хулители, и поклонники сходились в том, что реформы и деяния Петра Великого сопровождались слишком жестокими и кровавыми мерами. Герцен даже писал, что видит истоки николаевского деспотизма в безжалостности петровских времён.

Как я уже упоминал, и западники, и славянофилы были за скорейшую отмену крепостного права, хотя и по разным причинам. Первые видели в этом залог перехода к капиталистическому наёмному труду, развитию промышленности и транспорта; вторые — возрождение архаичных форм общинного землепользования. Что, кстати, горячо одобряли и так называемые «западники-социалисты» (в том числе Герцен), видевшие в коллективном труде на общей земле гарантию братства и справедливости. Чтобы завершить разговор о полемике западников и славянофилов 1840-х годов, скажу, что и те, и другие сходились в необходимости введения в России демократических свобод — в первую очередь, свободы слова и собраний, а также все они дружно настаивали на ненасильственном и постепенном проведении реформ «сверху».

По моим наблюдениям, практически все субкультуры и молодёжные «сплочения» в России — и по сей день! — обязательно, вольно или невольно, приобретают или «западный» или «местный» флёр. Помимо очевидных вещей, вроде любви к иностранной музыке у одних и ура-патриотизма у других, разделение проходит и по каким-то более тонким характеристикам. Скажем, считается, что русские «западники» уделяют гораздо больше внимания своей внешности, более сдержанны и аккуратны, настроены критично-иронично, предпочитают небольшие компании шумным толпам, склонны к экспериментам и новизне. «Антизападники» (слово «славянофил», конечно, звучит сейчас крайне неактуально), в свою очередь, более открытые и душевные, хотя зачастую и агрессивные, сентиментальные и консервативные. То есть дело тут не только во вкусах или политических взглядах, но и в специфике менталитета. Возможно, именно поэтому вроде бы поверхностные, «стилистические» разногласия между разными субкультурами сплошь и рядом перерастают в испепеляющую ненависть, сродни классовой... В России последних десятилетий это стало особенно заметно. Однако с родоначальниками «раскола», классическими западниками и славянофилами, всё было куда дружелюбнее.

В 1850-е годы яростные споры потеряли остроту, а сами спорщики повзрослели; некоторые отправились в мир иной (Чаадаев), некоторые эмигрировали (Герцен, Бакунин). Реформы Александра Второго Освобо-

дителя частично реализовали программы как западников, так и славянофилов. Вместе с этими милыми людьми постепенно канула в Лету и целая эпоха, к которой и мы больше не вернёмся: эпоха дворянского протеста. Она была полна красивого резонёрства, благородных жестов, смелых, но не очень эффективных поступков и исполнена утончённого, немного наивного шарма, какового с тех пор в российском диссидентстве как-то не встречалось... Александр Герцен в своём итоговом труде, «Былое и думы», писал, что западников и славянофилов объединяло «физиологическое, безотчётное, страстное чувство к русскому народу». У дворян в этом смысле было преимущество: они любили народ на расстоянии.

«Студент-нигилист». Илья Репин, 1893 © Дальневосточный художественный музей

РЕАЛИСТЫ

Разночинцы и нигилисты. 1861-1870

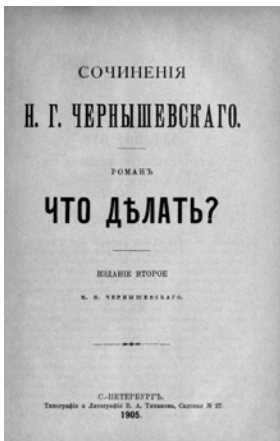
У российской элиты во все времена было принято объясняться в любви к народу. Некоторые делали это искренне — как философски настроенные друзья Герцена, — хотя большинство просто врал и врут по сей день. Но даже те, кто честно сочувствовал тяжёлой доле русского народа, не были, да и не вполне ощущали себя его частью. Известная фраза Ленина, адресованная декабристам, — «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа» — возражений не вызывает. Круг начал потихоньку расширяться в 40-е годы: сначала «не-дворянские» вкрапления появились на интеллектуальных собраниях славянофилов и западников. Немного позже, уже в конце десятилетия, в самом известном и многочисленном на то время историко-философском кружке Михаила Петрашевского потомственные аристократы составляли уже меньше половины участников! Кто же были по происхождению эти люди — неужели крестьяне? Нет, но к народу они стояли гораздо ближе: речь идёт о новом и бурно растущем социальном слое под названием «разночинцы».

В английском и других языках нет эквивалента старого русского слова «разночинец». Чтобы объяснить его смысл — а это важно — нам надо будет предпринять экскурсию по запутанной схеме российских сословий, хотя бы в том виде, как она утряслась ко второй половине XIX века. Если пренебречь некоторыми мелочами (вроде казачества), то сословий было пять: дворянство, духовенство, купечество, мещане, крестьяне. Для каждого сословия существовали свои правила, законы, привилегии и ограничения. Например, дворяне, мещане и крестьяне — наследственные сословия, переходящие из поколения в поколение, а духовенство и купечество — нет; здесь сословная принадлежность должна была подтверждаться профессиональной. Однако жизнь куда богаче этой сетки, и со всей неизбежностью в России появлялось немало — и со временем всё больше! — людей, попадавших в межсословные категории. Пути в щели между сословиями могли быть самыми разными: незаконнорожденные дети дворян и разорившиеся купцы, дети священников и выслужившиеся военные «неблагородного» происхождения. И в первую очередь — молодые люди, получившие высшее образование и оторвавшиеся от своего сословия. Многих из них мы видим уже среди западников: критик Белинский и философ Петрашевский — дети врачей; критик Добролюбов и писатель Чернышевский — дети священников; критик Писарев — сын военного.

НИКОЛАЙ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
(1828 — 1889)

Относительно неизвестный на Западе, но, вполне возможно, самый influential российский левый мыслитель и писатель XIX века. Активная жизнь и работа Чернышевского закончилась в возрасте 35 лет, когда он был приговорен к каторге и ссылке в Сибирь, но десятилетие работы было достаточно, чтобы вдохновить несколько поколений русских революционеров, демократов и социалистов.

Обложка «Что делать?» 1867
года издания

Капитализм в России худо-бедно развивался, рос спрос на людей умственного труда — причём не обязательно чиновников, а уже профессионалов. Одной из первых и самых важных реформ Александра II стало снятие ограничений на образование для «непривилегированных» сословий и существенное увеличение бесплатных мест для студентов из небогатых семей. Молодые люди хлынули в университеты, откуда выходили они уже... разночинцами! Преувеличением, однако, было бы утверждать, что все сплошь разночинцы были людьми высокообразованными. Несомненно, знаменитая и пресловутая русская «интеллигенция» в значительной части своей вышла из среды разночинцев, но ставить между теми и другими знак тождества нельзя. Вот что писал видный русский экономист и протомарксист Георгий Плеханов: «...Сын дворянина остаётся дворянином, хотя бы он пахал землю или сделался лакеем. Не то с лицами духовного и купеческого сословия. Сын купца остаётся купцом только в том случае, когда он оплачивает гильдейское свидетельство. В противном случае он поступает в разряд разночинцев. В разночинцы же поступают и дети духовных лиц, не пожелавшие идти по отцовской дороге. Бесправие „мещан“ так же наследственно, как и права дворянства. Но самое разнообразие мещанских занятий сближает лиц этого звания с разночинцами. Разночинцами de facto становятся все, кто не укладывается в сословные рамки». А это значит, что толпа получается довольно пёстрая. Объединяют молодых разночинцев лишь два фактора: внесословность и некий уровень образования — что отличает их от ровесников из числа, скажем, ремесленников или крестьян.

Логичный вопрос: можно ли считать разночинцев субкультурой? (Организации у них, несомненно, были — но о них позже). Французский путешественник Астольф де Кюстин, побывавший в России в конце 30-х годов и составивший в книге «Россия в 1839-м году» изумительно точный портрет страны того времени, пишет об одном из подвигов разночинцев, но характеристика может быть расширена до всего этого класса: «Я не упомянул одного класса, представителей которого нельзя причислять ни к знати, ни к простому народу; это — сыновья священников. Из них преимущественно набирается армия чиновников — эта сушая язва России. Эти господа образуют нечто вроде дворянства „второго сорта“, дворянства, чрезвычайно враждебного настоящей знати, проникнутого антиаристократическим духом и вместе с тем угнетающего крепостных. Я уверен, что этот элемент начнёт грядущую революцию в России». (sic!)

Совершенно определённо можно сказать: у разночинцев были свои отличительные черты. Две главные из них: 1) они были намного энергичнее и предприимчивее молодых дворян; 2) они практически единодушно были недовольны властью, знатью и вообще российским статус-кво. Понятно почему — изначально депривилегированным пасынкам общества надо было изо всех сил работать локтями, чтобы вырвать себе место под солнцем. Но даже в этом случае, при всех своих талантах и заслугах, они не имели бы того статуса, который был по рождению положен дворянам. По самым насущным причинам разночинцы были максимально заинтересованы в глубоких социальных реформах, которые — скажу, забегая силь-

но вперёд, — забрезжили перед ними только после Февральской революции 1917 года...

Специальных культурных пристрастий у разночинцев не было — скорее, существовало некоторое пренебрежение художественными ценностями. Опять же это можно понять, учитывая их невысокий доход, карьерный образ жизни и общее презрительное отношение к дворянским «глупостям». В утрированном виде это отношение перекинулось к так называемым «нигилистам». Дресс-кода у разночинцев не существовало — уж что-что, а дендизм был им абсолютно не присущ. Хотя, глядя на портреты и фотографии знаменитых разночинцев, замечаешь явные черты сходства! Довольно длинные волосы, расчёсанные, как правило, на косой пробор; овальные или круглые очки; тёмные тона одежды; отсутствие всяких аксессуаров.

Можно было бы определить разночинцев как скромных голодных яппи середины XIX века, но их путь гораздо интереснее и историчнее. И получилось так потому, что у приземлённой массы разночинцев случился свой пассионарный авангард, талантливый и прекрасно артикулированный. В советской историографии их обычно называют «революционерами-демократами». Речь идёт о буквально нескольких выдающихся писателях и публицистах, пик влияния которых пришёлся на 60-е годы. Однако кое-что примечательное в движении разночинцев было и до них.

Например, «петрашевцы». Сейчас их чаще всего вспоминают в связи с тем, что одним из активных участников этого философского кружка был не кто иной, как двадцати-с-небольшим-летний Фёдор Достоевский. Возник кружок в середине скучнейших для России XIX века 40-х годов; основу его деятельности составляли интеллектуальные собрания, происходившие каждую пятницу дома у Михаила Буташевича-Петрашевского. Здесь зачитывались доклады участников кружка на самые разные темы — философские, религиозные, исторические, даже экономические — и следовали общие дискуссии. Излюбленной темой было толкование работ западных философов и просветителей социалистического плана — Фурье, Сен-Симона, Морелли — и споры о применимости их учений к российской ситуации. Вещественным результатом этих собраний стало издание в 1845 году знаменитого «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Невинное название помогло книжке легко пройти цензуру, однако содержание её вызвало взрыв в российском интеллектуальном сообществе — фактически это был дайджест современной революционной философии и политической экономики. В 1849 году, когда петрашевцы были арестованы и осуждены, «Словарь иностранных слов», наряду с «вредными идеями» и «преступными разговорами», был положен в основу обвинения.

Социальный состав кружка был неоднородным: стержень его составляли разночинцы, но попадались и дворяне, и даже мещане. По роду занятий — чиновники, преподаватели, офицеры, литераторы и один помещик 28 лет от роду. Петрашевскому (как и Достоевскому) ко времени ареста было 27 лет; остальным активистам кружка — от 19 до тридцати с небольшим. Расправа с философами-любителями была неадекватно жестокой: из сорока арестованных 21 человек был приговорён к смертной казни,

и только на эшафоте (!) им был зачитан вердикт о помиловании и замене расстрела каторгой. (Этому мы обязаны «Запискам из Мёртвого дома» Достоевского, равно как и последующим шедеврам писателя). Помимо кружка Петрашевского, были и другие аналогичные, поменьше; в них входили многие прославившиеся в недалёком будущем литераторы — Салтыков-Щедрин, Майков, А. Григорьев, Плещеев, Чернышевский. Самой монументальной, «отеческой» фигурой среди ранних инакомыслящих разночинцев был, несомненно, блестящий критик Виссарион Белинский, чьё знаменитое «Письмо к Гоголю», резко антиклерикальное и антикрепостническое, стало, наверное, началом большой традиции русского «самиздата» — напечатано оно было Герценом только в 1855 году, а до этого ходило по русским протодиссидентам в сотнях рукописных копий.

Вторую волну русского революционного разночинства (середина 50-х — начало 60-х) олицетворяли три человека: совсем молодой и весьма радикальный Дмитрий Писарев (родился в 1840 году); милый и разумный Николай Добролюбов (1836) и в центре — титаническая фигура Николая Чернышевского (1828). Чернышевский практически не известен за пределами России — и это большая ошибка; в своё время Карл Маркс специально учил русский язык, чтобы читать его статьи... В советской историографии их обычно называли «революционерами-демократами», иногда — «разночинцами-шестидесятниками»; современники, особенно оппоненты — «нигилистами». Мне больше всего нравится, как они определяли себя сами — «реалисты».

Чернышевский приехал в Петербург из родного Саратова в 1853 году, начал работать преподавателем и сотрудничать с прогрессивным литературно-публицистическим журналом «Современник». Написал нашумевшую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности», где выступил сторонником предельного реализма в искусстве и критиком теории «искусства ради искусства». После ряда радикальных публикаций «Современник» в мае 1862-го был закрыт, а вскоре и самого Чернышевского арестовали и определили в Петропавловскую крепость с формулировкой «враг Российской империи номер один». Помимо научных и критических трудов поводом к этому послужили причастность Чернышевского к созданию тайного общества «Земля и воля» и предполагаемое авторство прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», где сурово критикуется, как недостаточная, реформа по отмене крепостного права, а сами крестьяне призываются к революционной активности. За полтора года пребывания в заточении Чернышевский написал массу всего и главное — роман «Что делать?».

Классическая русская литература явила стране и миру множество шедевров, романов и пьес, и можно до бесконечности спорить о том, какой из них лучше и «главнее». Одно произведение стоит особняком: его чисто литературные достоинства обычно или не обсуждаются вообще, или оцениваются невысоко (зря, на мой взгляд), однако никто, включая ненавистников автора, от Лескова до Набокова, не оспаривал невероятного влияния романа на жизнь, да и, пожалуй, на историю России. В этом смысле написанный за 4 месяца в тюремной камере «Что делать?» без

преувеличения может считаться самой важной русской книгой XIX века. «Для русской молодёжи того времени она была своего рода откровением и превратилась в программу; сделалась своего рода знаменем», — писал один из основоположников анархизма князь Пётр Кропоткин.

Многие современники, да и более поздние исследователи называли роман Чернышевского «библией» молодых разночинцев, и это похоже на правду. Автор «Что делать?» родился и вырос в семье священника и, несомненно, был хорошо знаком и со святыми учениями, и с искусством проповеди; сам себя он иногда называл «добрым учителем человечества». Тот факт, что его «новейший завет» воинственно материалистичен и атеистичен тоже не противоречит предположению: ещё Достоевский писал, что самый истовый атеизм «ближе всего к вере стоит». Роман, как и положено религиозной книге, описывает жития прекрасных (по-своему святых!) людей и их идеальные, хотя и непростые отношения. Для тысяч и тысяч молодых разночинцев обоих полов это был убедительный пример для подражания. Причём не поверхностный, как это обычно бывает в субкультурах, а более глубокий поведенческий. Сюжет «Что делать?» прост и лишён напускного драматизма — как и положено руководству к реальной жизни.

Формально это история любовного треугольника в составе Веры Павловны Розальской, её номинального мужа и друга Дмитрия Лопухова и возлюбленного Александра Кирсанова. Именно эта невинная, мелодраматичная до бульварности основа позволила рукописи романа пройти тюремную цензуру (!!!) и дойти до издателей. (Впрочем, цензора за это впоследствии уволили). Роман имеет несколько загадочный подзаголовок «Из рассказов о новых людях». И что же представляет собой этот «*homo novus*»? Все главные герои романа молоды и безупречны; они живут удивительной жизнью, где нет места лжи, стяжательству, лицемерию, где всё происходит по справедливости и при этом ко всеобщей выгоде. Вера Павловна работает в швейной коммуне, где все доходы — поровну; живут «новые люди» — две супружеские пары — тоже в коммуне. Личная жизнь строится по принципу честности в чувствах; приоритета удовольствия над обязанностями; чёткого разделения любви и секса. (Характерно, что знаменитую фразу «Умри, но не давай поцелуя без любви!» в романе произносит эпизодический персонаж, француженка-куртизанка, для которой секс — явление гораздо более знакомое, чем романтические поцелуи). Всё это — иллюстрации к теории «разумного эгоизма» Чернышевского, которая в максимально кратком описании может выглядеть так: человек, как часть природы, стремится к выгоде и удовольствию; однако вовлечённость в социум подталкивает его к подчинению общественным интересам — отчего, в конечном итоге, личность выигрывает ещё больше. Такая смесь альтруизма с поведенческим дарвинизмом.

Картинка «новых людей» (среди которых стоит отметить ещё и «сверхнового» — профессионального революционера, загадочного йога Рахметова), живущих своей кристально праведной жизнью — пусть даже среди всеобщей грязи и свинства — оказалась в высшей степени притягательной для молодёжи и, особенно, студенчества. Александр Герцен (не во всём согласный, но в целом благоволивший к Чернышевскому и выпустивший ро-

ИВАН ТУРГЕНЕВ
(1818 — 1883)

«Замечательный, но не достаточно глубокий» человек, согласно Толстому, Тургенев был одним из модных писателей своего времени — не только в России, но и в любимой им Европе. Хотя его умеренный либерализм привел к некоторым проблемам с цензурой, богатый дворянин Тургенев со своей любовью к охоте и театру, был далек от бунтовщиков и радикалов. Но тем не менее он преуспел в создании каноничного описания русских изгоев в романе «Отцы и дети» употребив такие такие термины как «лишние люди» и «нигилисты».

Титульный лист «Отцов и детей»
Ивана Тургенева, 1862 г.
Первое издание

ман в своей «Полярной звезде») писал: «Русские молодые люди после 1862 года почти все были из «Что делать?». Прекрасная иллюстрация этого тезиса — известная история польского революционера Ярослава Домбровского, случившаяся в 1864 году. Ему удалось сбежать из-под стражи в Москве, где у него не было никаких знакомых. Он подошёл на улице к первому попавшемуся студенту с «честным выражением лица» и на ломаном русском откровенно рассказал о своей ситуации. Студент обнял его, сказал — это классическая фраза — «ваша свобода — это и наша свобода», привёл его к себе домой, приютил, познакомил с друзьями, которым удалось раздобыть документы и переправить нелегала за границу. Всё это были «новые люди».

История «реалистов» закончилась быстро и трагично: Николая Чернышевского отправили на каторгу и в ссылку, откуда, несмотря на несколько попыток его освободить, он так и не выбрался. Его младшие друзья и коллеги, Добролюбов и Писарев, умерли от болезней в возрасте, соответственно, 25-ти и 28-ми лет. Однако заветы их будоражили Россию ещё долго; «новые люди» и нигилисты (о них — дальше) тихо увядали ещё десятилетие, а многие убеждённые русские бунтари — от большевика Ленина до футуриста Маяковского — почитали «Что делать?» своей настольной книгой и в XX веке.

Нигилисты

История разночинцев и идеология «Что делать?» имела ещё одно «параллельное» измерение — мифологизированное, противоречивое и, несомненно, важное. Речь идёт о «нигилистах». С одной стороны, это явление абсолютно логично рассматривать как прямое продолжение доктрины «реалистов», только доведённой до крайности. И идеология, и стиль жизни, и субкультурные детали, и политическая практика радикальных разночинцев здесь получили свою окончательную редакцию. С другой стороны, — и это вносит немалый сумбур в рассказ о нигилистах — так получилось, что феномен этот максимально «олитературен», сродни «лишним людям», да и политически слегка демонизирован... Русская гуманитарная жизнь конца 60-х и начала 70-х годов проходила под знаком нигилизма и борьбы с ним.

Я не был вхож в круги передовой российской молодёжи начала 60-х годов XIX века и поэтому не берусь со всей ответственностью утверждать, откуда и когда в тогдашнем лексиконе взялось слово «нигилист». Оно иногда встречалось в научных и критических статьях, в частности, у Добролюбова, причём в разных значениях и контекстах — обычно как синоним слова «скептик». Новая жизнь и всероссийская слава слова началась весной 1862 года, когда вышел в свет роман Ивана Тургенева «Отцы и дети». Главный герой романа, Евгений Базаров, стал не только вторым по значимости Евгением (после Онегина) русской литературы, но и «нигилистом номер один» — первым и важнейшим. Тургенев вспоминал, что, возвращаясь в столицу вскоре после публикации романа во время знаменитых майских пожаров, первый же знакомый, которого он встретил, воскликнул: «Посмотрите, что ваши нигилисты делают — жгут Петербург!»

Кто же эти страшные поджигатели? (Слухи о поджогах домов в Петербурге «нигилистами» или «поляками», кстати, ничем не были подтверждены). Нигилисты — любопытный сплав виртуальной и реальной субкультур, в котором реального всё-таки больше. С виртуальными «лишними людьми» нигилистов роднит то, что название им придумал писатель, — причём, по иронии судьбы, один и тот же. Оба названия, скорее, уничижительные — вряд ли многие «лишние люди» сами считали себя таковыми; аналогично и нигилисты редко когда сами себя так называли, предпочитая такие самоописания, как «мыслящие реалисты» (по Писареву), «передовая молодёжь» или попросту «новые люди» (по Чернышевскому). По сути дела, молодыми людьми из «Что делать?» они и были — во плоти и несколько менее идеальными, чем в романе. Слово «нигилист» в «Что делать?», который был написан через полтора года после «Отцов и детей», не встречается ни разу.

Друг Базарова Аркадий Кирсанов, сам начинающий (но вскоре разочаровавшийся) нигилист, описывает нигилистическое мировоззрение так: «Нигилист — это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружён этот принцип...» Важно, что под принципами и догмами здесь понимаются не только архаичные феодально-монархические, но и многие либеральные устои — отсюда конфликт Базарова со вполне «прогрессивным» семейством Кирсановых. Философская база — предельный материализм, основанный на естественнонаучном сознании. Отсюда — не только атеизм, но и отрицание традиционной морали, сведение любви и прочих чувств к уровню «химических реакций» — что, естественно, доводит нашего литературного героя до душевных терзаний. В политическом отношении нигилист не признаёт авторитета власти и стоит за радикальный слом существующего строя и замену на новый, основанный на принципах разумности и пользы для народа. В отчёте III Отделения (тогдашнее КГБ) за 1869 год о русском нигилисте сказано, что «он соединяет в себе западных: атеиста, материалиста, революционера, социалиста и коммуниста. Он — отъявленный враг государственного и общественного строя, он не признаёт правительства».

Впрочем, революционная составляющая нигилиста Базарова, в отличие от морально-философской, у Тургенева прописана крайне невнятно и неубедительно, что вызвало даже неожиданное одобрение властей; в отчёте того же III Отделения за 1862 год написано: «Благотворное влияние на умы имело сочинение известного писателя Ивана Тургенева „Отцы и дети“. Находясь во главе современных русских талантов и пользуясь симпатией образованного общества, Тургенев этим сочинением, неожиданно для молодого поколения, недавно ему рукоплескавшего, заклеил наших недорослей революционеров едким именем нигилистов и поколебал учение материалистов и его представителей». Не удивительно, что настоящие «новые люди» из круга Чернышевского роман не приняли, Базарова «своим» не признали и сочли его образ карикатурой на революционера-разночинца.

Но довольно о делах литературных! В отличие от «лишних людей», которые, несмотря на свою многочисленность, жили крайне незаметно и

РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II (1855 - 1870)

После смерти Николая I в 1855 году, не только российская экономика находилась в плохом состоянии, но и сама страна находилась в изоляции после Крымской войны — не удивительно, что Николай I так часто сравнивают с Владимиром Путиным. Его сын Александр II, сразу после коронации, запустил долго откладывавшуюся программу реформ. Самой важной из них, несомненно, было отмена крепостного права, которое принесло ему прозвище Царь Освободитель). Но и другие преобразования, как, например, новый уголовный кодекс и (ограниченное) самоуправление, которые сыграли жизненно важную роль в преобразовании России из феодального государства в нечто более современное и капиталистическое.

никак не проявляли себя как общность, нигилисты — или как их ещё называть? — активно воздействовали на субкультурную, культурную, общественную и в дальнейшем политическую жизнь России. Начнём с бытовых субкультурных характеристик; образ жизни и моральный кодекс нигилиста регламентировался довольно строго. Вот отрывок из дневника петербургского студента (проходил по делу о покушении на царя), где перечислены необходимые качества революционера-материалиста: *«Воздержание: не ешь до одурения, не пей до опьянения. Молчание: говори только о том, что может быть полезно тебе и другим. Порядок: всякая вещь должна иметь своё определённое место. Для каждого из занятий назначь час своего времени. Решимость: решишь сделать то, что ты должен и исполняй то, на что решился. Умеренность: делай издержки, полезные для себя и других, то есть не будь расточителен. Трудолюбие: не теряй времени и занимайся всегда чем-нибудь полезным. Не делай ничего, что не было бы необходимо. Искренность: не употребляй никаких увёрток. Невинность и правда должны присутствовать при твоих мыслях и руководить твоими речами».*

Дресс-код нигилистов и нигилисток, как нетрудно догадаться, предписывал максимальную скромность и функциональность. Поскольку джинсов и рабочих комбинезонов тогда ещё не было, то в рамках гардероба середины XIX века: «Кодекс неписаных правил был аскетически суровый,

однобокий и с пунктуальной точностью указывал, какое платье носить и какого цвета оно должно быть, какую обстановку квартиры можно иметь и т. п. Причёска с пробором позади головы у мужчин и высоко взбитые волосы у женщин считались признаком пошлости. Никто не должен был носить ни золотых цепочек, ни браслета, ни цветного платья с украшениями, ни цилиндра; предосудительным считалось иметь в квартире и дорогую обстановку». В этом отношении нигилисты предвосхитили стандартные одежды коммунистической молодёжи XX века; разница только в том, что советские юноши и девушки этими униформами страшно тяготились и носили из-под палки, а молодые радикалы-шестидесятники носили свои серые сюртуки и чёрные платья сознательно и гордились этим.

Тёмные тона одежды — и у мужчин, и у женщин из разночинской среды — были изначально обусловлены тремя очень характерными факторами: практичностью (реализм!); скромностью на фоне вычурности нелюбимого дворянства; тем, что весьма значительная часть разночинцев происходила из духовного сословия и получала образование в семинариях. (Дворяне даже часто презрительно называли молодых разночинцев «семинаристами»). Более оригинальной чертой нигилистической моды было демонстративное пренебрежение к тёплой одежде: принято было зимой носить летнее пальто, а поверх него — плед; к борьбе с мехами это не имело отношения, просто считалось, что так ходить здоровее и гигиеничнее. Известен даже комичный эпизод: однажды в холодную пору сам Чернышевский, не осведомлённый о «реалистическом» дресс-коде, предложил закутанному в плед молодому человеку денег, чтобы тот оделся потеплее... А вот ещё любопытная деталь, выглядящая по-странным современно; описывая темы собраний кружка реалистов, его участник А. М. Скабичевский пишет: «Многие наши чаепития были посвящены рассуждениям о том, какую снедь следует считать необходимостью, а какую — роскошью. Икры и сардины подвергались единодушному запрещению. Относительно селёдок и яблоков голоса разделились, так как селёдка входит в обычное меню обедов рабочих, а от яблок не отказывается последняя нищенка. Виноградные вина подвергались решительному ostracismu, водка же и пиво получили разрешение — опять-таки потому, что для миллионов рабочего люда в этих напитках заключалась единственная радость жизни. Табак же получил двойную санкцию: кроме того, что курят люди всех сословий, даже и такой ригорист, как Рахметов (загадочный супермен из „Что делать?“ — прим. А. Т.), и тот позволял себе выкурить сигару, притом дорогую».

Не менее сдержанными были взгляды нигилистов на культуру и искусство. Здесь уместно снова вспомнить Евгения Базарова, заявившего, что «порядочный химик в 20 раз полезнее всякого поэта». Однако это литературный персонаж. Точно так же вторая шокирующая «антикультурная» фраза, приписываемая идеологу «мыслящих реалистов» Дмитрию Писареву, «сапоги выше Шекспира» — на самом деле взята из памфлета Достоевского. В действительности Писарев не занимался вандализмом, просто вопрос взаимодействия этики и эстетики он ставил вполне определённым образом: «Конечная цель всего нашего мышления и всей деятельности

каждого честного человека состоит в том, чтобы разрешить навсегда неизбежный вопрос о голодных и раздетых людях; вне этого вопроса нет решительно ничего, о чём бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать». Соответственно, настоящее, «правильное» искусство должно непременно иметь своей целью общественную пользу и служить делу преобразования «голодной и раздетой» действительности. Несомненно, и поэзии, и Шекспиру в этом процессе нашлось бы место. Помимо бесполезности, раздражал нигилистов и элитарный, отчётливо аристократический характер «высокого» искусства. «Нигилисту были противны бесконечные толки о красоте, идеале, искусстве для искусства, эстетике и т. п., тогда как всякий предмет искусства покупался на деньги, выколоченные у голодающих крестьян или обираемых работников». (П. Кропоткин).

Логично было бы предположить, что, помимо литературы и публицистики, к которым нигилисты относились уважительно, их вклад в искусство был нулевым — однако это не так! Содружество молодых — ко времени создания — композиторов «Могучая кучка» (Балакирев, Бородин, Мусоргский, Римский-Корсаков и Кюи), сложившееся в 1860 году, равно как и более позднее товарищество художников-передвижников (Репин, Суриков, Маковский, Крамской, Перов) реализовали в своей творческой практике идеи, полностью совпадавшие с культурной доктриной революционных демократов: реализм, народность, просветительство. И, замечу, это была лучшая русская музыка и живопись своего времени!

Ещё одним скандальным и, по понятным причинам, обильно diskutируемым аспектом русского нигилизма были их установки в области личной жизни. Роман «Что делать?» и здесь стал путеводной звездой для свободлюбивой молодёжи. Эмансипация женщин, свободная любовь и необязательность брачных уз, коммунальное — вместо строго семейного — общежитие. Мне трудно сказать, насколько массовой была эта практика, но один эксперимент стал широко известен. 27-летний литератор Василий Слепцов в 1863 году воплотил идею Чернышевского о коммуне: он снял большую квартиру на Знаменской улице в Петербурге и заселил её друзьями и единомышленниками мужского и женского пола. По городу тут же поползли скабрезные слухи об оргиях и беспорядочных связях; женщины стали потихоньку покидать коммуну, и спустя год она распалась. Замечу, что известная повесть Слепцова «Трудное время», вышедшая вскоре после заката коммуны, посвящена, как ни странно, совсем другому.

Первый радикальный эксперимент по равноправию женщин провалился, но ситуация в гендерной области, тем не менее, стала меняться — пусть и в менее скандальном контексте. Идеи эмансипации и само это слово стали исключительно популярны. Процесс шёл по двум направлениям — социальному и лично-семейному, но в обоих случаях речь шла о самостоятельности женщин и их праве на выбор. По первому пункту всё понятно: образование (это главное!) и, если повезёт, — работа, карьера и независимое положение в обществе. В плане личного счастья у нигилисток всё было более экзотично. Здесь, в духе любовных перипетий из «Что делать?», стал очень популярен фиктивный брак! Он, с одной стороны, из-

бавлял от семейного рабства, а с другой — позволял сохранить статус в патриархальном обществе. Впрочем, как отмечали современники, на подобные авантюры девушки шли только по молодости лет... Так или иначе, можно утверждать, что феминистическое движение по-настоящему началось в России именно с поколения «реалисток-шестидесятниц».

Last but not least: политическая деятельность нигилистов. Тут надо сразу сделать важную оговорку: если в быту нигилисты ещё могли стерпеть придуманную им писателем Тургеневым кличку, то в политике они её категорически не выносили, предпочитая более уместные — «революционеры» и «революционные демократы». Также надо иметь в виду, что революционная борьба радикалов-шестидесятников разворачивалась в разгар крупных и, несомненно, прогрессивных реформ Александра II — в частности, отмены крепостного права (1861). В чём-то эти реформы сдерживали пыл нигилистов, уводили часть их повестки дня, но в чём-то и подстёгивали. Так, изначальной организацией «нигилистов» была первая «Земля и воля». (Всегда оговариваются «первая», имея в виду то, что наиболее известная организация с тем же названием возникла на 15 лет позже). Она просуществовала, вдохновлённая идеями Герцена и Чернышевского, с 1861 по 1864 год — в напрасном ожидании того, что освобождённые царским манифестом крестьяне захватят землю и устроят в России народную революцию против самодержавия и помещичьего землевладения. Не дождались; крестьяне вели себя, в целом, благодарно и послушно.

На руинах первой «Земли и воли» в 1863 году возник кружок, а потом и хорошо структурированная организация, которую обычно называют «ишутинцы» — по фамилии её основателя, 23-летнего разночинца Николая Ишутина. Это были люди дела: они организовали несколько производственных артелей и мастерских в духе описанных в «Что делать?», построили бесплатную школу, вели агитацию среди рабочих и крестьян, готовили побег Чернышевского с каторги. (Кстати, именно ишутинцы осуществили описанную выше переброску будущего генерала Парижской коммуны Я. Домбровского за границу). Помимо легальной кооперативно-агитационной части, которая называлась просто «Организация», у ишутинцев было и законспирированное отделение с хорошим названием «Ад». Там зрели заговоры — вплоть до цареубийства. В апреле 1866 года один из членов «Ада» и близкий друг Ишутина, Дмитрий Каракозов, совершил неудачное покушение на царя. Считается, что акт Каракозова не был согласован с товарищами по подполью, но для следствия это было не принципиально: организация была разгромлена; порядка 2000 человек арестовано, около сорока, включая самого Ишутина, отправлено на каторгу; Каракозов повешен.

Следующая, и финальная, глава революционного нигилизма связана с именем печально знаменитого Сергея Нечаева. Вот уж кто был всем нигилистам нигилист и кто, выражаясь по-английски, gave nihilists a bad name! В русском языке даже есть слово «нечаевщина», подразумевающее всяческие провокации и насилие под предлогом благого дела — своего рода эквивалент «цель оправдывает средства» Маккиавелли. Родился Нечаев в 1847 году в бедной семье в городке (тогда ещё даже селе) Иваново; в 1868-

Автопортрет, акварель
Михаил Бакунин, 1839

МИХАИЛ БАКУНИН (1814 — 1876) И АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН (1812 — 1870)

Карьеры этих двух блестящих революционеров-аристократов разворачивались параллельно: вместе начинали в одних и тех же про-европейских кругах, в которые они пришли под влиянием французских утопических социалистов, английских экономистов и немецких философов. После чего они были вынуждены эмигрировать в Европу во времена репрессий Николая I 1840-х годов, где они стали свидетелями революции 1848 года и её насильственным подавлением. Потом их пути разошлись: Герцен отправился в Лондон, где он стал влиятельным автором и издателем, а Бакунин остался на континенте с местными радикалами, закладывая фундамент и для анархизма, и для панславизма.

«Курсистка» Николай Ярошенко. 1883 г.
© Калужский музей изобразительных искусств

69 годах был вольнослушателем в Петербургском университете и принимал там участие в студенческих беспорядках. В 1869 году основал организацию с грозным названием «Народная расправа»; задача — террор в отношении представителей власти и подготовка народной «мужицкой» революции. В подпольной организации, насчитывавшей 77 участников, царила строгая конспирация, дисциплина и всевластие Нечаева, очевидно обладавшего неслабой харизмой и способностями внушения. Единственной жертвой «Расправы» в итоге оказался её член, студент Иван Иванов, пожелавший по идейным причинам из состава подпольщиков выйти. Нечаев с группой товарищей убили его в гроте невдалеке от Москвы.

Дело приобрело невероятную огласку и шокировало общественное мнение: пресловутые нигилисты, о которых уже начали забывать, показали, наконец-то, не только половую распущенность, но и преступные наклонности. Выразителями чувств просвещённой общественности стали несколько крупнейших русских писателей, практически одновременно разродившихся «антинигилистическими» романами. В «Бесах» Достоевского (1871) Сергей Нечаев послужил прямым прототипом главного негодяя Петра Верховенского, а Иван Иванов — Ивана Шатова, разочаровавшегося бунтаря, убитого нигилистами, в уста которого писатель вложил многие собственные идеи. В этом же ряду стоят «Обрыв» Гончарова (1870) с отвратительным нигилистом Марком Волоховым и бульварные «На ножах» Лескова и «Кровавый Пуфф» Крестовского. Нечаеву, между тем, удалось бежать за границу, где он общался с патриархами русской политической эмиграции Бакуниным и Герценом. Судя по отзывам, произвёл на них дурное впечатление как человек фанатичный и нечестный. Во время следствия по «Народной расправе» всплыл текст Нечаева «Катехизис революционера», где, помимо прочего, провозглашается: «Революционер — человек обречённый; у него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни имени. Он отказался от мирской науки, предоставляя её будущим поколениям. Он знает только науку разрушения, для этого изучает механику, химию, пожалуй, медицину. (...) Он презирает общественное мнение, презирает и ненавидит нынешнюю общественную нравственность». Общественное мнение отвечало С. Нечаеву взаимностью; Швейцария выдала его российскому правосудию, как уголовного преступника, и он умер в Петропавловской крепости в 1882 году.

К рубежу 60/70-х годов импульс революционеров-разночинцев и их субкультурной производной, нигилистов, истощился окончательно. После покушения Каракозова и, особенно, дела Нечаева радикальные кружки по всей стране были прикрыты и, главное, само движение утратило свою праведную репутацию в глазах ранее сочувствовавших. Рецидивов, ривайвлов классического «базаровского» нигилизма в русской молодёжной истории больше, пожалуй, не случалось. Чего не скажешь о жестокой «нечаевщине», к сожалению. Однако популярнейший постулат нигилизма, выражаемый крылатой фразой «ничто не свято», продолжает безуспешно рулить всей нашей русской жизнью.

«Арест пропагандиста», Илья Репин. 1880-1889 © Государственная Третьяковская галерея

СВОБОДНЫЕ РАДИКАЛЫ.

Популисты, марксисты и реакционеры. 1870-1905

70-е годы XIX века — их было бы правильно закончить 1 марта 1881 года, днём убийства Александра II — оказались неожиданно бурным и противоречивым десятилетием. Невероятный расцвет русской «классической» культуры; были написаны крупнейшие романы — «Война и мир» (1869) и «Анна Каренина» Льва Толстого, «Братья Карамазовы» Фёдора Достоевского; Модест Мусоргский и Николай Римский-Корсаков создали свои лучшие оперы. Прогрессивные реформы в стране продолжались: следом за эпохальной отменой крепостного права последовали царские указы о преобразованиях в образовании и самоуправлении, военная реформа. Наконец-то в Российской империи были установлены некоторые базовые понятия и институты гражданского общества и прав человека.

Однако, параллельно с расширением пространства свобод, в стране нарастало протестное движение — как в мирных, так и в насильственных формах. Царствование Александра II (1855-1881) содержало в себе один крайне грустный парадокс. По всем показателям Александр Николаевич был, бесспорно, самым гуманным и либеральным правителем России в XIX веке; он провёл около дюжины важнейших прогрессивных реформ и заслуженно, ещё при жизни, получил звание Освободителя. Да и в чисто имперском плане он был довольно удачлив, выведя страну из международной изоляции, в которую она попала под конец царствования Николая I, присоединив к России Среднюю Азию и Дальний Восток, выиграв Русско-турецкую войну 1877-78 года. Лучше этого царя в том веке у России определённо не было... И в то же время, именно на четвертьвековой срок Александра II пришлась львиная доля политических волнений, террористических покушений и народных бунтов позапрошлого столетия!

Восстания от Польши до озера Байкал, рабочие стачки и крестьянские волнения, семь (!!) покушений на царя, не говоря об убийствах всяких генерал-губернаторов и жандармских начальников — и это при царе-освободителе... Притом что при его батюшке, Николае I, негодяе-охранителе, параноике и консерваторе, не осчастливившем свою страну ни одной симпатичной реформой, такого и в помине не было! Естественно, это наводит на печальнейшие мысли — не о конкретных представителях династии Романовых, а о России вообще. Что же это за страна такая, где, стоит поя-

виться доброму и либеральному лидеру, желающему её народу большей свободы, тут же этот народ встаёт на дыбы и начинает нешуточно бузить, вплоть до полного устранения этого лидера — а перед мерзавцами, держимордами и диктаторами тот же народ мягко и послушно стелется?? Неужели правы апологеты Сталина или его нынешней карикатуры, Путина, утверждающие, что с русскими по-другому и нельзя, что «чем тяжелей наказание, тем им милей господ» (Некрасов), а свобода для них — хуже палёной водки? Увы, исторический опыт даёт на это, скорее, положительный ответ, хотя и разум мой, и сердце этому противятся.

Для русской молодёжи реформированный пейзаж предоставлял массу новых возможностей: и разночинцы, и даже дворяне из числа не слишком богатых и родовитых могли попробовать себя на новых и весьма привлекательных, поприщах. Вместо типичной карьеры прошлых времён — офицером в армию, приказчиком за прилавок или чиновником в «присутственное место» — они могли стать инженерами, адвокатами, агрономами и даже предпринимателями! Большинство этим с удовольствием воспользовалось, активно включившись в строительство новой капиталистической России. Были ли у них свои организации, кружки и клубы — история умалчивает; скорее всего — нет. Органично вписанные в «позитивную» государственную доктрину, они не требовали дополнительной самоидентификации. Нашумевшие литературные герои того периода — скажем, Раскольников из «Преступления и наказания» или князь Мышкин из «Идиота» — тоже, в отличие от Базарова или героев Чернышевского, не потянули за собой череду подражателей. Хотя субкультура «идиотов» — это было бы весело!

Народники и народолюбцы

И всё же пассионарное меньшинство не исчезло и продолжало раскачивать русскую лодку. Рубеж семидесятых годов передовая молодёжь России встретила в деморализованном состоянии: было очевидно, что «нигилистическая» фаза движения закончилась. Изоляция Чернышевского, безвременный уход Добролюбова и Писарева обезглавили его, а дело Нечаева подорвало репутацию. Как это чаще всего и бывает, маятник помыслов резко качнуло в противоположную сторону — от тотального отрицания «мыслящие реалисты» массово переметнулись к абсолютному «народолюбию». Во многом это было логично: все реформаторские и большинство революционных выступлений в России, начиная с декабристов, происходили в соответствии с принципом «для народа, но без народа». И именно в отрыве от широко и глубоко раскинувшихся народных «корней» и народной мудрости увидело молодое поколение 70-х годов XIX века причину неудач своих предшественников. Новое движение получило название «народники» — но тут необходимо учесть, что это не единая организация, не субкультура (хотя отдельные признаки имеются), а, скорее, «зонтичный бренд», объединяющий множество кружков и направлений. Давайте попробуем разобраться.

По степени радикализма всех народников можно разделить на две группы — умеренную и революционную. К первой относятся «консервативное» направление, вобравшее в себя постславянофилов, в том числе многих литераторов, и призывавшее, в первую очередь, всячески припадать к «корням» и учиться у народа истинной нравственности. Более прагматично — реформистско-либеральное направление, стоявшее, помимо изучения народной мудрости, и за постепенные социально-экономические реформы. Промежуточное положение между умеренными либералами и бунтарями-радикалами занимало либерально-революционное или, как его обычно называли, «пропагандистское» направление народничества, олицетворяемое бородатым и отнюдь не молодым философом и социологом Петром Лавровым. Теоретически они были за революцию, однако считали, что народ к ней ещё не готов, а потому необходимо активно заниматься просвещением и пропагандой силами передовой интеллигенции.

Экстремальными направлениями народничества были «заговорческое» и «анархистское». Первое возглавлял недолгий соратник Нечаева по студенческим беспорядкам Пётр Ткачёв (1844 г. р.); он не очень верил ни в революционный потенциал простого народа, ни в устойчивость самодержавного строя, поэтому пытался создать подпольную организацию для захвата власти и создания государства коммунистического типа. В начале 70-х был арестован, после полутора лет заключения эмигрировал и умер в Париже в 41 год.

Анархистское направление в народничестве, разумеется, — самое колоритное. Сразу оговорюсь, что история анархизма в России в достаточной степени парадоксальна: с одной стороны, оба крупнейших мировых теоретика анархизма — Михаил Бакунин и Пётр Кропоткин — русские дворяне. С другой — оба они почти не жили в России, и влияние их на революционную практику в стране — во всяком случае, в XIX веке — было крайне незначительным. Бакунин родился в 1814 году; в конце 30-х был активным участником протозападнического философского кружка Николая Станкевича, общался с Чаадаевым, Белинским, Пушкиным. В 1840 году уехал в Европу, где принимал участие в нескольких восстаниях и откуда по собственной воле в Россию не возвращался. С 1851 по 1861 год, будучи депортированным из Австрии, был в заключении — сначала в Петропавловской крепости в Петербурге, затем в ссылке в Сибири. Оттуда он совершил побег и — через Японию — вернулся в Европу. Там участвовал ещё в ряде восстаний, был в I Интернационале Маркса и умер в Берне в 1876 году. Интересно, что труды и воззрения Бакунина были мало востребованы в России до появления народников начала 70-х: вероятно, как раз потому, что пионер-анархист, в отличие от большинства радикальных дворян и разночинцев, в народ и его сокрушительную революционную силу всегда верил. Бакунин считал, что русский человек — по инстинкту и призванию своему бунтарь и что в народе живёт, хоть и в дремлющем состоянии, идеал свободы, который надо только растормошить... И тогда вспыхнут крестьянские восстания, которые, в свою очередь, «необходимо слить в общее всепоглощающее пламя крестьянской революции, в огне

Василий Андреев, популяризатор балалайки, 1880-е

которой должно погибнуть государство». Вместо государства, подавляющего личность, должна быть создана федерация крестьянских общин и рабочих артелей. В этом смысле Бакунин пошёл дальше не только большинства народников, но и Чернышевского.

Самый известный последователь Михаила Бакунина — князь Пётр Кропоткин (1842 г. р.), выдающийся учёный-географ, всю жизнь совмещавший науку и политику. В 1872 году он вступил в «Большое общество пропаганды» — ассоциацию кружков народников, известную также как «чайковцы» — по фамилии её координатора Николая Чайковского. Верившие в бунтарские инстинкты крестьян, Кропоткин и товарищи задумали и осуществили главную акцию в истории движения народников: знаменитое «хождение в народ» весной-летом 1874 года. Заключалась она в том, что около трёх тысяч молодых интеллигентов, студентов и даже гимназистов-старшеклассников, переодевшись в простую, как бы «народную» одежду, устремились в деревни Московской, Тверской, Воронежской и Курской губерний. Там они вели агитацию среди крестьян, убеждая их в необходимости поднять бунт и добиться лучшей доли. Главным аргументом пропагандистов была очевидная недостаточность земельной реформы и требование поделить землю «по справедливости» — то есть поровну и без всякого выкупа. Однако народ горько разочаровал: продвижение революционного товара воспринимал скептически, на призывы к восстанию не реагировал. Хуже того, агитаторов — не исключено, что и в результате доносов местного населения — стали в массовом порядке задерживать и изымать агитационную литературу. Знаменитая картина Ильи Репина «Арест пропагандиста» — как раз на эту тему.

Вера Засулич, 1900-е

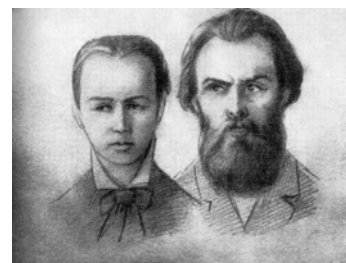
Схваченный бдительными жандармами активист «хождения в народ» одет очень странно для городского жителя — будь то студент, разночинец или тем более дворянин — ярко-красная рубаха навыпуск, мешковатые «портки», заправленные в сапоги. Отчасти эта одежда, типичная для деревень и рабочих пригородов, служила маскировкой и попыткой агитатора-народника сойти «за своего», отчасти — отражала моду на всё крестьянское, исконное и домотканое — примерно в том же духе, что кафтаны и мурмолки славянофила Аксакова. Если говорить о «субкультурном» элементе в движении народников, то страстное, иногда даже навязчивое стремление быть «ближе к народу» — если не в быту, то хотя бы во внешних проявлениях, была «семидесятникам» очень свойственна. Это выражалось не только в манере одеваться и разговаривать («долой французский — ви-ват простонародный русский!»), но и в живописи, и в музыке.

Илья Репин, автор «Ареста пропагандиста», принадлежал к известнейшей группе живописцев «Товарищество художников-передвижников» — фактически, фракции народников в мире изящных искусств. Помимо тематики картин, предельно реалистичных и часто посвящённых сценам жизни крестьян и рабочих (возможно, самая известная работа Репина, да и всей русской живописи того периода — «Бурлаки на Волге»), их версией «хождения в народ» стала организация многочисленных передвижных выставок в провинциальных городах и даже сёлах. Похожее

объединение возникло даже раньше передвижников в среде профессиональных композиторов. Их прозвали «Могучая кучка», что было вполне оправданно, учитывая совокупность талантов. Их «народность» выражалась, прежде всего, в темах опер, где за основу либретто брались русские сказки и былины, события легендарной и трагической истории России. Вопрос о влиянии музыкального фольклора на их творчество — более спорный, однако и тому есть блестящие примеры: скажем, «Половецкие пляски» из оперы «Князь Игорь» Бородина. Гораздо менее известен другой феномен: псевдонародные песни. Шокирующая правда состоит в том, что три самые знаменитые «русские народные песни» — «Калинка», хорошо известная болельщикам «Челси», «Коробейники» (на стихи классика Николая Некрасова) и «Дубинушка» (её развёрнутая версия, прославленная Фёдором Шляпиным) — все были на самом деле сочинены профессиональными авторами в 1870-80 годы. Хуже того, легендарный русский народный инструмент балалайка (треугольный корпус, три струны) был, по сути дела, изобретён — точнее, воссоздан на основе отдалённых прототипов — музыкантами Василием Андреевым и Фёдором Пасербским! Сочувствующая интеллигенция завершала своими руками народные шедевры.

С песней «Дубинушка» связана отдельная история. Боевая народническая молодёжь обожала народные и псевдонародные песни, не особо разбираясь в их аутентичности, и «Дубинушка», несомненно, была хитом «номер один». Старая «работная» песня с припевом «Эй, дуби-и-нушка, ухнем!» в актуальной редакции звучала как революционный призыв. Известная в своё время байка гласит, что когда в 1875 году в Одессе боевик-народник Фёдор Юрковский казнил в саду ресторана шпиона Тавлеева, группа молодёжи, чтобы заглушить шум расправы, во весь голос пела «Дубинушку». Юрковский, по кличке «Сашка-инженер», ныне абсолютно забытый, тогда был легендарной фигурой: один из немногих народников-террористов, он организовал первую в России «революционную экспроприацию» (ограбление банка на нужды революции, проще говоря), совершив подкоп в Херсонское казначейство. Он же стал автором и первым носителем «мундира революционера» — строгого тёмного костюма с заткнутым за пояс кинжалом и револьвером в кармане жилета. Впрочем, таких, как Юрковский, было немного — отношение народников к террористическим акциям было вегетарианским; предпочтение отдавалось просвещению народных масс и революции в перспективе. «Вы, террористы — хуже монархистов!» — заявил однажды будущий царевубийца Андрей Желябов Фёдору Юрковскому... Но времена изменились.

Эпилогом «хождения в народ» и тому подобной просветительской деятельности народников стало печально знаменитое «Дело о пропаганде в Империи», более известное как «Процесс 193-х» (1877-78). Волна арестов — и это при царе-либерале — длилась несколько лет; было арестовано порядка 900 активистов-народников и 8000 «сочувствующих». Большинство быстро отпустили; к дознанию было привлечено 770 человек; из них 47 умерли во время и сразу после следствия, 12 — покончили с собой, 38 — сошли с ума. До суда добралось 193 народника; большинство

СОФЬЯ ПЕРОВСКАЯ (1853 — 1881) И АНДРЕЙ ЖЕЛЯБОВ (1851 — 1881)

Поистине героическая пара террориста и убийцы — русские Бонни и Клайд, но с политической подоплёкой. Она была выходцем из семьи старого дворянского рода и дочерью бывшего губернатора Санкт-Петербурга, он — выходец из семьи крепостных. Они познакомились в тюрьме, когда им было чуть больше двадцати и в 1881 году спланировали убийство Александра II, хотя именно Перовская руководила нападением после того, как Желябова схватили за два дня до этого. Их повесили рядом друг с другом.

«Заговоры в Санкт-Петербурге: нигилисты на эшафоте», *Illustrated London News*. 30 апреля 1881 г.

из них — в возрасте 19-29 лет. Лишь трое из всех согласились сотрудничать со следствием и признали вину; ни один из осуждённых (включая 15 девушек) не попросил о помиловании. Среди полностью оправданных оказались Софья Перовская (25 лет) и Андрей Желябов (27 лет) — главные герои второй части этой главы.

В 1878 году события стали развиваться стремительно, драматично и совсем в другом направлении. «Мягкая» фаза народничества, пламенная агитация и обхаживание пейзажистов после «Процесса 193-х» выглядели если не смешно, то, во всяком случае, недостаточно. Ещё в 1876 году в Москве была создана подпольная молодёжная группа «Земля и воля», к одноимённым народникам-шестидесятникам отношения не имевшая. Построена она была на принципах строгой конспирации, иерархичности, подчинения меньшинства большинству. Состояла из руководящего органа («Администрация») и целевых групп — «рабочей», «деревенской», «дезорганизаторов» (своего рода отряд быстрого реагирования, призванный являться на места народных волнений, усугублять их и мешать правительственным силам). Цель организации — народная революция. Методы: «оседлая пропаганда» (то есть пропагандисты не «ходили в народ», а сами селились среди крестьян) в деревнях, агитация среди рабочих, акты возмездия.

Именно «Земля и воля» провела первую (!) в истории России политическую манифестацию: 6 декабря 1876 года у Казанского собора в Петербурге. Выступал перед собравшимися, в числе прочих, 19-летний на тот момент Георгий Плеханов — в недалёком будущем первый русский марксист и наставник Ленина. Однако это историческое событие не име-

ло и сотой доли того резонанса, что следующее громкое деяние «земле-вольцев» — покушение на петербургского градоначальника Трепова. В феврале 1878 молодая (28 лет) полька Вера Засулич пришла к высокопоставленному чиновнику на приём и тяжело ранила его тремя выстрелами в живот. Трепов выжил; Засулич арестовали и предали суду. Невероятной сенсацией — и в стране, и в мире — стало то, что суд присяжных Веру Засулич оправдал! Кажется, впервые надменный Запад посмотрел на Россию, как на современную цивилизованную страну... Оправдательному приговору были причины: покушение было как раз «актом возмездия» жестокому градоначальнику, который за год до этого незаконно (телесные наказания одним из указов Александра II уже были отменены) отдал приказ выпороть розгами арестованного народника, отказавшегося снять перед ним шапку. Император был крайне недоволен, министр юстиции отправлен в отставку, но Засулич удалось скрыться в Швейцарии до пересмотра дела.

После безрезультатного хождения в сторону народа и особенно громкого дела Веры Засулич настроения в среде радикальной молодёжи заметно изменились. Это великолепно передано на классических полотнах художника-передвижника Николая Ярошенко «Курсистка» и «Студент»; обе датированы 1881 годом. Никаких лёгких фольклорных мотивов: строгие чёрные костюмы, целеустремлённый, настороженный взгляд, решимость в движениях. Особенно выразителен студент — в широкополой шляпе «боливара», способной скрыть лицо почти как нынешние балаклавы, и, вполне возможно, «мундире революционера» под пледом-накидкой.

Покушения — удачные и неудачные — в 1878 году продолжились. От рук стрелков и бомбистов «Земли и воли» погибли генерал-губернатор Харькова, высшие жандармские чины Киева и Петербурга. В то же время продолжалась агитационная работа — выходили журнал и газета «Земля и воля», велась революционная пропаганда среди крестьян и пролетариата. Несомненно, в этом было, выражаясь скучным языком, методологическое противоречие. Оно было констатировано на подпольном съезде «Земли и воли» в Воронеже летом 1879 года, где сторонники просвещения и активисты «прямого действия» так и не смогли найти компромисс, зафиксировав раскол в организации. Спустя месяц после съезда «Земли и воли» не стало. Умеренное крыло противников террора, в которое вошли, помимо прочих, Плеханов и, как это ни странно, Вера Засулич, создали новую организацию, «Чёрный передел», и сфокусировались на образовании крестьянства — выпуская, в частности, новую газету «Зерно». Их оппоненты объединились в союз террористов, которому суждено было стать трагическим и легендарным, и назвали его «Народная воля». А себя — народовольцами.

Спустя век после этих событий хороший советский писатель Юрий Трифонов написал роман о народовольцах; он называется «Нетерпение». Мне кажется, это подходящее слово: не столько нетерпимость — скажем, к угнетению неимущих классов, — а именно нетерпение: «покамест травка подрастёт, лошадка с голоду умрёт», говоря словами принца Гамлета. Так же как декабристы, народовольцы любили народ и бесконечно ему сочувствовали — но не очень-то в него верили. Чем ждать, пока рабочие и кре-

ствия в результате пропагандистской работы коллег дойдут до нужной степени сознательности и восстанут, они предпочли действовать сами — в сугубом меньшинстве и методами весьма спорными, хотя и единственно возможными в предложенной ситуации. Нетерпение — популярное и разительное чувство; если в «Земле и воле» состояло всего около пары сотен человек, то народовольцам удалось создать порядка 80 территориальных ячеек, в которых действовало пять сотен активистов и тысячи сочувствующих. Убийство императора было задачей «номер один»; с осени 1879 года народовольцы совершили пять покушений на него. Происходило всё на фоне крестьянских бунтов, заводских стачек и общего роста недовольства в стране. Глава правительства Валуев писал в своём дневнике: «...Во всех слоях населения проявляется какое-то неопределённое, обуревающее всех неудовольствие. Все на что-то жалуются и как будто желают и ждут перемены». Император же, по наблюдениям того же Валуева, «имеет вид усталый и сам говорит о нервном раздражении... Коронованная полуразвалина». Народовольцы всё-таки убили Александра II; это произошло 1 марта 1881 года.

Организатором удавшегося покушения была Софья Перовская — одна из самых феерических женщин в богатой русской истории. Когда её повесили в апреле 1881-го, ей было 27 лет. А до этого... Дочь губернатора Петербурга (в 60-е годы), правнучка знаменитого графа Разумовского ушла из дома в 17 лет. Участница «хождения в народ»; была оправдана на «процессе 193-х», но вскоре снова арестована; по пути в тюрьму сбежала от жандармов; участвовала в подготовке всех покушений на царя. 1 марта давала команды бомбистам, махая белым платочком. После взрыва, по воспоминаниям подруги, долго находилась в состоянии шока и не могла пошевелиться, однако успела скрыться с места покушения и легко могла сбежать из Петербурга, но осталась в городе, надеясь спасти задержанных товарищей; была опознана и схвачена. На эшафот взойшла вместе со своим гражданским мужем, Андреем Желябовым (29 лет). Желябов, из крепостных крестьян, был арестован за два дня до цареубийства и фактически сам напросился на казнь вместе с четырьмя активистами «Народной воли». Один из них, инженер-изобретатель Николай Кибальчич (27 лет), в тюремной камере за несколько дней до казни начертил проект космической ракеты с реактивным двигателем и просил передать его в Академию Наук (не было выполнено). Бомбист-смертник Игнатий Гриневицкий (24 года), погибший вместе с Александром II, в своём завещании, составленном незадолго до покушения, написал: «Судьба обрекла меня на раннюю гибель, и я не увижу победы, не буду жить ни одного дня, ни часа в светлое время торжества, но считаю, что своей смертью сделаю всё, что должен был сделать...»

Казнь народовольцев состоялась утром 3 апреля 1881 года. К месту повешения пятерых осуждённых (шестой, Гесе Гельфанд, казнь отсрочили ввиду беременности) провезли на двух «позорных повозках» по центру Петербурга. Народу на улицах собралось много; настроения толпы были полными. Одну неизвестную женщину, махнувшую вслед повозкам белым

платком, публика чуть не растерзала. Однако многие были настроены, скорее, сочувственно. Андрей Брейтфус, будущий известный социалист-революционер, а в то время подросток, вспоминал: «В толпе зевак, ожидавших увидеть злодеев с дегенеративными физиономиями и налитыми кровью глазами, слышались оханья и восклицания: „Какие молодые!“, „Какие хорошие лица и такое преступление!“. Большинство глубоко сожалело и недоумевало, что побудило их совершить цареубийство». А известная актриса М. Г. Савина, наблюдавшая за процессией с балкона своей квартиры, утверждала, что «кроме одного из приговорённых, Рысакова, лица остальных влекомых на казнь были светлее и радостнее лиц, их окружавших».

Легко представляю себе строчки из рецензии: «С плохо скрываемой симпатией автор пишет об убийцах и преступниках, будто не отдавая себе отчёта в том, что такое терроризм...» Полагаю, что отдаю, однако рискну высказать неполиткорректный тезис, что терроризм — это не абсолютное зло, а явление, имеющее свои исторические и нравственные нюансы. Репутация современного терроризма максимально омерзительна — но разве можно ставить в один ряд с народовольцами убийцу детей Брейвика или рвущих бомбами сотни невинных людей мусульманских фанатиков? Я не согласен с практикой «Народной воли» — тем более что она не принесла никаких результатов, — но я не могу отказать этим людям в благородстве мотиваций, здравом уме и личном героизме. Да и эмоционально я их понимаю — это нетерпение в тусклой и отчаянной ситуации... Их легко обвинить — и в кровопролитии, и в неэффективности, и в неверной оценке ситуации, — но тут действует иная логика, лучше всего сформулированная в мантре всех революционеров: будьте реалистами — требуйте невозможного!

Марксисты и реакционеры

Долгожданное убийство царя обернулось для народовольцев двойным поражением. С одной стороны, организация оказалась обезглавленной, лишившись двух своих харизматических лидеров, Перовской и Желябова (последнего Ленин называл «русским Робеспьером»). С другой — и вот это было совершенной неожиданностью для заговорщиков — реакция общества оказалась прямо противоположной той, что предполагали революционеры. Реформаторские заслуги царя и конкретные обстоятельства его гибели (первая из брошенных бомб ранила казака-охранника; Александр велел остановить карету и вышел из неё, чтобы помочь лежавшему, и вот, когда он склонился над ним, взорвалась вторая, фатальная бомба) вызвали в массах народа не революционный подъём, а волну сочувствия и, более того, жажду ответной реакции. Это был стратегический просчёт народовольцев: они видели в Александре II лишь символ ненавистой монархии, а народ видел в нём царя-освободителя...

Сразу же после покушения оставшиеся на свободе члены Исполнительного Комитета «Народной воли» выпустили свой ультиматум новому царю и правительству, где, в частности, говорилось: «Если политика пра-

ГЕОРГИЙ ПЛЕХАНОВ
(1856 — 1918)

Первый настоящий русский философ-марксист, один из основателей партии большевиков (хотя и состоял в ней недолго), Плеханов начинал в народнической организации «Земля и воля», но всегда отрицал терроризм в пользу политики и пропаганды. В 24 года, опасаясь ареста и каторги, с помощью поддельных документов эмигрировал, а потом большую часть жизни провёл за границей. У него были сложные отношения с Лениным: он был главным его наставником в философии и политэкономии, но не одобрял его тактику и осудил Октябрьскую революцию как преждевременную и опасную.

вительства не изменится, революция будет неизбежной. Правительство должно выражать народную волю...» В сложившихся обстоятельствах это звучало почти трагикомично. Впрочем, террористическая деятельность разрозненных групп народовольцев продолжалась в затухающем режиме до 1884 года параллельно с их арестами и судебными процессами («Процесс 14-ти», «Процесс 17-ти», «Процесс 20-ти...»). Всего было репрессировано порядка десяти тысяч человек! Оставшиеся на свободе, как правило, эмигрировали; в Европе оказалось большинство лидеров — от юного Плеханова до почтенного Кропоткина (оба, кстати, не возвращались оттуда вплоть до 1917 года). Активная фаза бунта молодых завершилась. И вновь много говорящая иллюстрация Ильи Репина — картина «Сходка» (1883). При свете тусклой лампы в глубоком подполье — группа мрачно спорящих мужчин и женщин, выражение лиц которых весьма далеко от энтузиазма. У этого полотна было ещё одно неофициальное и грустное название — «Министерство безнадёжных дел».

В России воцарился консервативный, но хозяйственный Александр III. Разумеется, все политические круги и кружки самого недалёкого прошлого привлекали теперь лишь весьма незначительное — и даже почти неслышное — меньшинство российской молодёжи. Вопрос: а чем же жило в те годы большинство? Ничего сенсационного: при Александре III в стране бурно развивалась экономика — и промышленность, и банковское дело, и строительство. Поэтому амбиции молодых людей склонялись, скорее, в карьерную сторону. Идеализм и нигилизм разночинцев уступил место прагматизму первых русских яппи — инженеров, юристов, клерков. Для наиболее совестливых и «народолюбивых» из них была в начале 80-х создана известная «теория малых дел». Поскольку то самое «большое дело», о котором говорила Софья Перовская, было сочтено невыполнимым или, по крайней мере, перенесено на неопределённый срок, либералы и пост-народники предложили разменять его на множество «малых». Прогрессивные публицисты предписывали образованным гражданам не забывать о тяготах крестьян и рабочих и помогать им по мере возможностей: учить, лечить, объяснять и приспособлять к сложностям современной жизни. Что-то вроде «хождения в народ», только без всякой политической подоплёки. Это было популярно и находило поддержку даже у такого (очень немолодого, правда) гиганта, как Лев Толстой, который исповедовал доктрину «опрощения» и приближения к народу. С тех пор теория малых дел расцветает в России всегда, когда в стране царит реакция и ничего существенного сделать не удаётся.

Софья Перовская писала: «Мы затеяли большое дело. Быть может, не одному поколению придётся лечь на нём, но сделать его надо». Эти слова могли бы служить эпиграфом ко всему эпическому и романтическому XIX веку, когда молодые люди были альтруистичны, не обременены материальными ценностями и заряжены ощущением собственной миссии. Пусть это было меньшинство, даже ничтожное меньшинство — но оно было! В конце концов, Россия никогда не была демократической страной, и историю в ней всегда творило меньшинство — чаще уродливое, но иногда — прекрасное!

На протяжении большей части XIX века русская культура и молодёжные субкультуры шли рука об руку, периодически являя миру литературно-политические манифесты, философские кружки и организации заговорщиков. В последние десятилетия (фактически после угасания народничества) перед великими потрясениями, постигшими Россию, — Первой мировой войной и революциями 1917 года — эта схема постепенно рассыпалась. Молодёжные движения стали чисто политическими (или скучно-корпоративными), «субкультурный» элемент из них выветрился, а русская культура, хлебнув «заботы о народном благе», пошла своим отдельным путём, исповедуя идеи «чистого искусства» или, грубо говоря, отрыва от не очень вдохновляющей реальности. Интересно, что это «разделение труда» (а, может быть, и не оно...) в любом случае привело к впечатляющим результатам. Русские революционеры впервые в истории одержали победу, а русские мастера искусств прогремели на весь мир.

«Портрет Натальи Гончаровой» Михаил Ларионов, 1915 © Государственная Третьяковская галерея

О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР

Секты, мистицизм и искусство Серебряного века.

1905-1930

Русский XIX век принадлежал романтикам-материалистам. Бурные и часто революционные выступления молодёжи тем не менее никогда не отрывались от земли. И подвижники реформ, и террористы-заговорщики, и писатели с художниками — все они были, помимо всего прочего, реалистами. Век Просвещения создал для этого философскую базу, давшую ростки социализма и марксизма; постепенное, но неуклонное развитие капиталистических отношений создало экономические предпосылки и стиль жизни — разумный и практический. Даже безнадёжный бунт декабристов и самоубийственные акции народо-вольцев были основаны на расчёте (не всегда точном) и имели своей целью конкретное и приземлённое «народное благо». И что в результате? К началу XX века окончательно измотанная материалистическая повестка дня многих разочаровала или просто наскучила. Разуверившись в возможности справедливо преобразовать мир в его видимых проявлениях, часть думающих русских передислоцировалась на духовный фронт. Традиции спиритуального диссидентства в России были, насчитывали более двух веков и имели не только клерикальные, но и протонародные формы.

Секты и мистицизм

Чтобы довершить картину молодёжной жизни накануне грандиозных и трагичных событий, полностью перетряхнувших большую страну, коротко остановлюсь на самом экзотичном: религиозных сектах и эзотерических кружках. Секты — это старинная история; можно сказать, начавшаяся в середине XVII века, когда в русской православной церкви произошёл раскол на официальную ветвь и так называемых староверов. Чуть позже в деревнях появились «хлысты» и «скопцы»; в XVIII веке — духоборы и молокане; в XIX веке — западные разновидности: баптисты, адвентисты.

К 1917 году в России было более одного миллиона сектантов и уже не только в сельской местности. Великий русский философ Николай Бердяев в небольшой работе «Духовное христианство и сектантство в России» утверждает: «Сектант — человек поражённый, раненный неправдой православного быта и церковного строя». Да, репутация попов — греховодников,

Портрет Григория Распутина,
1910-е

пьяниц, чревоугодников, мздоимцев — на Руси испортилась давно, и многих истово верующих это противоречие между проповедью и практикой поражало и возмущало. Но людям нужен был Бог, и находились альтернативы. Бердяев делит все секты на две основные категории: те, что ищут правды и жаждут добрых дел (духоборы, толстовцы), и те, что ищут в вере радости и блаженства (хлысты). В обрядах первых преобладает проповедь и молитва; у вторых — священные ритуалы, часто эротические и имеющие языческие корни (Бердяев называл их «оргастическими»). Государственная Православная церковь вела с сектами непрерывную войну, стремясь превратить их адептов в изгоев общества. Те отвечали неповиновением. Поэтому неудивительно, что одним из первых либеральных распоряжений Николая II в ответ на революционные события начала века стал Указ «О веротерпимости» от апреля 1905 года, восстановивший в правах староверов и других религиозных диссидентов. После этого сектантство расцвело необычайно. Впрочем, усматривать в этом какой-то специфически «молодёжный» элемент я бы не рискнул.

Если христианские секты, цитируя Маркса, были «опиумом народа», то «опиумом интеллигенции» рубежа веков стала мистика и эзотерика. Спиритические кружки и ложи «тайных знаний» стали таким же популярным досугом городской элиты начала XX века, как литературные салоны в начале века XIX. Разочарованная в церковной рутине русская интеллигенция и часть дворянства активно занялась так называемым «богоискательством» — причём в самых экзотических уголках. Если духовные диссиденты XIX века, как правило, предпочитали православие католичество, то новое поколение открыло для себя язычество и, в первую очередь, восточную философию, до тех пор в России практически не известную: буддизм и индуизм. На холодном севере стали обживаться гуру и махатмы.

Культовыми (во всех смыслах) фигурами мистических учений в России почитают Елену Блаватскую, медиума и теософа, автора книг «Тайная доктрина» и «Голос безмолвия», невероятно популярную в 80-90-х годах и повлиявшую на многих современников, от Толстого до Кандинского; и более позднего Георгия Гурджиева, оккультного авантюриста и танцора, автора теории «Четвёртого пути». Впрочем, о том, насколько эзотерика и обскурантизм были в моде, можно судить по феноменальной значимости ещё одной фигуры — Григория Распутина, «божьего человека», предположительно сектанта из «хлыстов» и фаворита царской семьи, серьёзно влиявшего не только на духовную, но и на общественно-политическую ситуацию в стране. Похоже, что русское общество начала XX века действительно было больным обществом. Но «больное» ещё не значит скучное или бездарное — парадоксальная практика России не раз доказывала, что плачевное состояние страны и кризис устоев вдохновляли не только бунтарей, но и художников.

Серебряный век

Русская «культурная революция» конца XIX — начала XX века получила, причём много позже, название «Серебряный век». Революция была абсолютно

бескровной, и её движущими страстями были не забота о народном благе и ненавязчивое желание сменить власть и общественный строй. Слово «свобода» среди мотиваций, впрочем, не только присутствовало, но и играло главенствующую роль. Однако речь шла не о политической или экономической свободе, а о свободе творчества, свободе духовных порывов, свободе личности, в конце концов. Инструментами обретения искомой свободы и билетами на попадание в идеальный новый мир стали не револьверы, митинги и стачки, а перо, холст, образ. «Золотым веком» русской литературы называют первую треть века XIX: Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Карамзин, Гоголь. Звания «Серебряного века» удостоились годы с примерно 1895 по — тут, правда, не очень понятно, — но я дотянул бы этот славный период до 1930 года, и как раз получится тоже треть века. В отличие от чисто литературного «золотого», «серебряный» отмечен удивительными открытиями и даже глобального масштаба достижениями и в иных отраслях искусства: живописи, театре, хореографии, архитектуре, музыке, кино и фотографии.

Деятели Серебряного века не создали — по крайней мере, до 20-х годов XX века — никаких настоящих организаций, оставаясь в рамках рассыпанных по столицам и немногочисленных по составу литературных и художественных кружков. Обладая армией молодых поклонников и поклонниц, они, тем не менее, не зафиксировали какого-либо сформулированного движения — типа, скажем, народников или нигилистов. И тем не менее я рискнул бы предположить, что поэты и художники Серебряного века создали свою субкультуру, носителями которой они сами, в первую очередь, и являлись. Эта субкультура, обычно, описывается в рамках таких популярных терминов, как «модернизм», «декаданс», «авангард». И хотя между поэзией, скажем, Бальмонта и Маяковского, живописью Бенуа и Малевича, музыкой Скрябина и Стравинского нет практически ничего общего, если говорить об эстетической составляющей, все они вписываются в одну культурную нишу. Её основополагающей чертой я назвал бы то, что она радикально порывает с традициями русского искусства XIX века. С одной стороны, противостоя помпезной неоклассической «православно-самодержавно-народной» официозной культуре; с другой — революционно-демократической литературе писателей-реалистов, композиторов «Могучей кучки» и художников-передвижников. При этом нельзя сказать, что декаденты и авангардисты занимали центристскую позицию — нет, они, несомненно, были радикалами, но в совсем иной системе координат.

А теперь — по порядку. В 1892 году ещё молодой литератор, 27-летний Дмитрий Мережковский выпустил сборник стихов под названием «Символы. Песни и поэмы». У того же автора и в том же году вышла сенсационная статья «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Несильно погрешив против истины, можно сказать, что этими событиями было ознаменовано рождение и крещение нового стиля в русской литературе — а позже и в искусстве вообще, — которое получило название «символизм». Крёстный отец Мережковский много позже писал: «Под влиянием Достоевского, а также иностранной литературы, Бодлера и Эдгара По, началось моё увлечение не декадентством, а символизмом. (...)

«Портрет Зинаиды Гиппиус», Леон Бакст, 1906 г. © Государственная Третьяковская галерея

ЗИНАИДА ГИППИУС
(1896 — 1945)

В русской литературы были поэты и получше, но вряд ли были такие колоритные персонажи как Гиппиус, которая была приверженцем символизма, которым, по её собственным словам была «с детства ранена смертью и любовью». Её салон и её открытый брак с писателем и философом Дмитрием Мережковским был в центре литературной жизни почти 50 лет. Будучи бисексуалом, переодеваясь в денди, Гиппиус служила вдохновением как в своё время, так и после.

Сборник стихотворений, изданный в самом начале 90-х годов, я озаглавил „Символы“. Кажется, я раньше всех в русской литературе употребил это слово». В своей статье-манифесте Мережковский описывает символизм как соединение трёх линий: «мистического» содержания, «символического» языка и «импрессионистической» манеры изложения. Нельзя сказать, что новый тренд сразу стал модным: народники и революционеры немедленно отмежевались от символизма как явления асоциального и пахнущего поповщиной. Первыми авторами, нырнувшими в пучину символизма, стали поэты Константин Бальмонт (дебютировал в 27 лет в 1894 году со сборником стихов «Под северным небом») и Валерий Брюсов, который в неполные 20 лет написал в 1893 году драму «Декаденты (Конец столетия)». Кстати, словечко «декаденты», как это не раз бывало, было пущено в оборот неприятелями символистов, критиковавшими их за мрачность и пессимизм; одним символистам (Мережковскому, например) это определение не нравилось, другие, напротив, подняли его, как знамя.

Теперь Зинаида Гиппиус — главный харизматик, скандалист и своего рода символ ранних символистов. Она начала писать стихи ещё будучи тинейджером; в 19 лет вышла замуж за Дмитрия Мережковского, в 27 — выпустила первый сборник прозы «Новые люди» (1896). Название, естественно, отсылает читателя к Чернышевскому — но тогда уж лучше подошло бы «сверхновые», поскольку герои Гиппиус отличаются от персонажей «Что делать?» диаметрально. Вера Павловна и её друзья смотрят в будущее с оптимизмом, видят исключительно материальную сторону бытия, озабочены состоянием общества и все проблемы решают сообща. Люди Гиппиус смотрят в будущее с неверием, если не сказать ужасом, вместо простых осязаемых предметов воспринимают мистические знаки и символы, политикой и общественной жизнью интересуются мало и выборочно, индивидуалисты и эгоцентрики. «Люблю я себя, как Бога», — гласит знаменитая строчка Зинаиды Гиппиус; «Любить надо народ и Отечество, а бога, вполне возможно, и вовсе нет», — ответил бы ей типичный молодой активист уходящего века.

Откуда взялись в России символисты и их «декадентское» мировоззрение? Главное литературное влияние, бесспорно, — сумрачные и болезненные западные авторы второй половины XIX века — Бодлер, Верлен (с которым Брюсов состоял в переписке), Рембо и Готье, Оскар Уайлд. Без устали переводился Эдгар По. Пожалуй, эпиграфом ко всему творчеству символистов могли бы стать поэтические строчки весьма почитаемого ими философа-мистика Владимира Соловьёва:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Похоже написал о творческом методе символистов один из них, Константин Бальмонт: «В то время как поэты-реалисты рассматривают мир наивно, как простые наблюдатели, подчиняясь вещественной его осно-

Валерий Брюсов под столом.
1900-е

ве, поэты-символисты, пересоздавая вещественность сложной своей впечатлительностью, властвуют над миром и проникают в его мистерии». Впечатления, интуиция, озарения легли в основу творческого метода символистов. «Искусство есть постижение мира иными, не рассудочными, путями», — утверждал Брюсов. Он же называл стихи «мистическими ключами тайн». Романтическая идеалистическая философия, в первую очередь, Фридриха Ницше, наряду с французской поэзией, произвела на наших декадентов сильнейшее впечатление. Как с большевистской прямотой сказал, цитируя немецкого философа, Лев Троцкий, в основе мировоззрения декадентов лежит «желание забыться, оказаться по ту сторону добра и зла».

Здесь недалеко и до второго краеугольного камня нервного менталитета «серебряного века»; я назвал бы его апокалиптическим синдромом или тем, что французы определили как трагическое и тревожное ощущение «конца века». Во всём происходящем виделись знаки если не немедленной катастрофы, то стремительного угасания и деградации; прогресс виделся иллюзорным и пошлым; в человеческих отношениях преобладали отчуждение и аморализм. Российская реальность, как правило, безотказно давала поводы для пессимизма и мрачных дум: плохо мотивированная и бездарно проигранная Русско-японская война (1904-5), безрезультатная и отравленная насилием революция 1905-7 годов. К тому же декаданс появился практически синхронно с восхождением на трон последнего из русских царей, Николая II — который своей слабостью, зыбкостью, суеверностью как нельзя лучше соответствовал общей картине упадка Империи.

И ещё две важнейшие черты пионеров Серебряного века, которые помогли им преодолеть имманентное уныние символистов и покорить в скором будущем новые высоты: склонность к экспериментам и... дендизм.

Необычность декадентов проявлялась, в первую очередь, в странном, нереалистичном и нерациональном содержании их творений. Однако и в формальном отношении они, на мой взгляд, сделали кое-какие открытия. Скажем, знаменитое и вызвавшее лавину насмешек и пародий стихотворение Валерия Брюсова, состоявшее из единственной строчки: «О закрой свои бледные ноги». Необычные образы, парадоксальные метафоры, работа с фонетической тканью стиха — всё это, вырвавшееся на простор у футуристов, начинало завариваться уже у символистов. Впрочем, тут я становлюсь на шаткую почву литературоведения, в котором смыслу не больше любо-го простого и благодарного читателя... Лучше о дендизме! Здесь блистала Зинаида Гippiус — бесспорно, русская дама-денди номер один и «мадонна декаданса». Характерные для классических денди яркий индивидуализм и любовь эпатировать были присущи ей в полной мере: первой из русских женщин (хотя и после Жорж Санд) она стала ходить и позировать в мужских нарядах. Среди символистов-мужчин главным щёголем и лидером моды литературных кругов был Михаил Кузмин, хотя и Брюсов, судя по портретам с очаровательной бородкой-эспаньолкой и пышными ухоженными усами, был не чужд изысканной элегантности. Однако и здесь отважные последователи — хотя бы Маяковский с его жёлтой кофтой — пошли несколько дальше.

Вторая волна символизма, значительно более популярная — в том числе и среди широкой публики — пришлась на первые годы XX века. Это было время дебюта поэтов Александра Блока и Андрея Белого, самых значительных публикаций символистов-прозаиков Леонида Андреева и Фёдора Сологуба. Сам символизм тоже слегка мутировал: заниматься «искусством ради искусства» в сложившейся в стране обстановке (война, революция...) было не вполне адекватно, и ужас происходящего не обошёл декадентов стороной. Стоит вспомнить антивоенный «Красный смех» Андреева, социальный сюрреализм «Мелкого беса» (Сологуб) и даже жёсткие «урбанистические» стихи Брюсова. Однако никакой сформулированной политической повестки дня у символистов и в помине не было: если Леонид Андреева ценила революционно-демократическая публика, то Михаил Кузмин, к примеру, — будучи денди и гомосексуалистом! — симпатизировал черносотенцам и даже одно время состоял в ультрашовинистическом «Союзе русского народа». Возможно, эта надменная отстранённость от общественной жизни способствовала постепенному затуханию символизма: их флагманский журнал «Весы» закрылся в 1909 году, и вскоре любители изящной словесности заговорили о новом модном течении — акмеизме.

Акмеисты (от греческого слова акме — высшая степень, вершина чего-либо), с одной стороны, признавали себя последователями символистов и не чурались упаднической философии; с другой — любили жизнь и описывали её конкретные проявления, восторгались сильными чувствами и вообще испытывали слабость к первозданной, «звериной» природе человека. (Иногда акмеисты даже называли себя «адамистами» — в честь первого обитателя райского сада). Предметы и влечения материального мира, которые символисты, по выражению поэта Осипа Мандельштама, «запечатали», превратив в символы, акмеисты «распечатали», вернув их в

реальность. Краски жизни в поэзии акмеистов, несомненно, ярче и сочнее, хотя общее меланхолическое настроение и предельная метафоричность письма роднят их с отцами-основателями русского декаданса. От них же акмеисты унаследовали неприятие социального активизма. Акмеист Николай Гумилёв писал в статье «Наследие символизма и акмеизм»: «Бунтовать же во имя иных условий бытия здесь, где есть смерть, так же странно, как узнику ломать стену, когда перед ним — открытая дверь».

Как и у символистов, стержнем круга акмеистов стала молодая супружеская пара: Николай Гумилёв (родился в 1886 году, дебютировал со сборником «Путь конквистадоров» в 1905-м) и Анна Ахматова (родилась в 1889-м; дебют — сборник стихов «Вечер» в 1912-м). Гумилёв — щёголь, русский мачо, путешественник и охотник; ушёл добровольцем на мировую войну, где проявил себя храбрецом. Ахматова — изысканная красавица-брюнетка, автор чувственной и иногда парадоксальной любовной лирики. О третьем великом акмеисте, Осипе Мандельштаме (родился в 1891-м; первая книга, «Камень», вышла в 1913 году), могу сказать лишь то, что это, пожалуй, мой любимый русский поэт. Акмеизм срезала русская революция 1917-го года. Гумилёва в 1921 году расстреляли как бывшего царского офицера и заговорщика, большевики, — о которых он, знаток Африки, когда-то отозвался: «Большевики — они не опаснее львов!» Ахматова надолго перестала писать стихи. Мандельштам был арестован и умер — предположительно, от тифа — в сталинском лагере на Дальнем Востоке в 1938 году и захоронен в братской могиле неизвестно где.

Анна Ахматова. Фото: Моисей Наппельбаум, 1924

Наряду с поэзией, стержневым направлением искусства Серебряного века была живопись. Слово «декаданс» в её адрес почти не используют, предпочитая термины «модернизм», «русский импрессионизм», а позднее — «авангард». Хотя и тут вначале был символизм: работы Михаила Врубеля, Микалоюса Чюрлёниса и некоторых других художников российского модернизма находились под явным влиянием английских прерафаэлитов, Арнольда Бёклина, скандинавских символистов. Но вскоре начала выстраиваться собственная школа, и катализатором при её создании выступил журнал «Мир искусств» (1898-1904) и его основатель — в то время 26-летний — Сергей Дягилев. Дягилев — бесспорно, лучший и самый успешный антрепренёр/куратор/продюсер (последних двух слов в его эпоху не существовало) в истории русского искусства. Он, конечно, сделал славу русского балета (который поначалу, кстати, совсем не любил), но задолго до легендарных «Русских сезонов» в «Мире искусств» и серии сенсационных выставок он открыл публике живопись русского модернизма: Бенуа, Серова, Бакста, Сомова, Рериха. Как и в случае с поэзией, новая живопись резко контрастировала с доминирующей традицией XIX века — реализмом; тем более с народническим реализмом передвижников. Дягилев писал: «Произведение искусства важно не само по себе, а лишь как выражение личности творца». Картины народной жизни уступили место субъективным экспериментам, общественная польза — индивидуальному самовыражению. Помимо актуальных мировых стилей, в первую очередь, импрессионизма, влияние на мирискусников имели среднеевропейский модернизм в

духе Альфонса Мухи и, как это ни странно, русский фольклор. В начале XX века этот орнаментальный, «декоративный» уклон очень пригодился при создании декораций для дягилевских балетов. «Русские сезоны» начались в Париже в 1907 году и продлились до начала Первой Мировой войны. Это был фантастический плавильный котёл нового русского искусства, смесь хореографии (Фокин, Нижинский, Павлова), живописных декораций (Бакст, Бенуа, Рерих), костюмного дизайна (Гончарова) и музыки (молодые Стравинский и Рахманинов). Позже, после революции, с «Русской балетной труппой» Дягилева, работавшей в эмиграции, сотрудничали и многие западные мастера — от Эрика Сати и Пабло Пикассо до Коко Шанель и Джорджа Баланчина. Возможно, это были первые полноценные русско-европейские культурные проекты в истории.

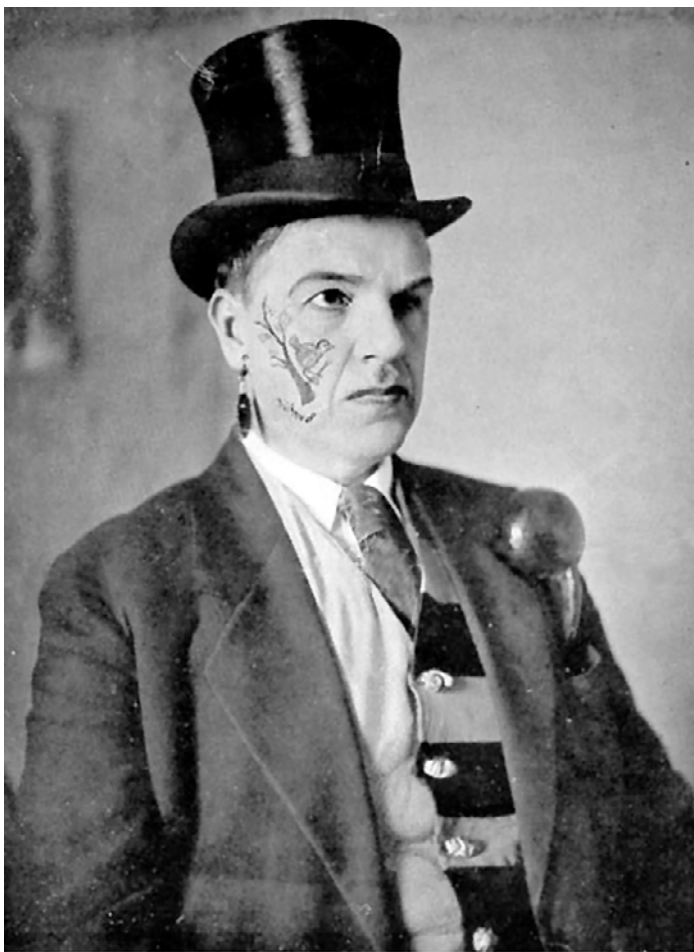
Тем временем в предвоенной России тоже было на что посмотреть. В декабре 1910 года открылась большая выставка нового художественного объединения «Бубновый валет», в которое вошли почти все художники-модернисты страны от постимпрессионистов до кубистов. Годом спустя от них откололась группа молодых радикалов — великолепные Михаил Ларионов и Наталья Гончарова, Казимир Малевич и Марк Шагал, братья Бурлюки. Отринув французские эталоны, они вторглись на совершенно новую территорию, где свободная красочная манера соединилась с наивной живописью, фольклорными мотивами, диковатыми сюжета-

Работы Казимира Малевича на «Последней футуристической выставке картин „0,10“, 1915-1916

ми, абстрактными образами и вообще непонятно чем. Группа получила название «Ослиный хвост» (одна из картин была им написана), и имена многих её участников знает сегодня весь мир. Так появился на свет великий русский авангард. Он распадался на полдюжины групп и течений: «Синий всадник» — с Василием Кандинским! — представлял размашистый экспрессионизм и абстракционизм; пара Гончарова-Ларионов придумала «лучизм»; Казимир Малевич, Александра Экстер, Эль Лисицкий — это уже геометрический и тоже довольно абстрактный супрематизм; Аристарх Лентулов и Любовь Попова — русский кубизм... Все эти художники давно оставили позади символизм и декаданс, с которыми их связывало разве что неприятие реализма. Авангард рвался вперёд, но идеологии у него до поры до времени не было — пока не появился стержень всего движения, и имя ему было — футуризм.

Первые русские футуристы называли себя «будетляне» (от слова «будет»), и мне даже обидно, что за чем-то они позаимствовали термин Томмазо Маринетти из его «Манифеста». Очень молодые, свирепые, полностью отрицающие прошлое и приветствующие будущее — в этом итальянцы и русские были похожи. Будетляне выпустили свой первый сборник стихов, «Садок судей», в 1910 году; в 1911-м поэт Игорь Северянин впервые определил себя как «эго-футуриста»; в конце 1912-го, наконец-то, вышел и русский футу-манифест, названный «Пощёчина общественному вкусу». Приведу его текст почти целиком — тем более что в нём упомянуто много знакомых фамилий:

- Только мы — лицо нашего Времени. (...)
- Прошлое тесно. (...) Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода Современности. (...)
- Кто же, доверчивый, обратит последнюю Любовь к парфюмерному блюду Бальмонта? В ней ли отражение мужественной души сегодняшнего дня? Кто же, трусливый, устрасится стащить бумажные латы с чёрного фрака воина Брюсова? (...)
- Вымойте ваши руки, прикасавшиеся к грязной слизи книг, написанных этими бесчисленными Леонидами Андреевыми. Всем этим Максимумам Горьким, Куприным, Блокам, Сологубам, Аверченко, Чёрным, Кузминым, Буниным и проч. и проч. — Нужна лишь дача на реке. (...)
- С высоты небоскрёбов мы взираем на их ничтожество!
- Мы приказываем чтить права поэтов:
- На увеличение словаря в его объёме произвольными и производными словами (Словоновшество).
- На непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку.
- С ужасом отстранять от гордого чела своего из банных веников сделанный вами Венок грошовой славы.
- Стоять на глыбе слова „мы“ среди моря свиста и негодования.
- И если пока ещё и в наших строках остались грязные клейма ваших „здорового смысла“ и „хорошего вкуса“, то всё же на них уже трепещут впервые зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценного Слова.

Давид Бурлюк, 1928

Нигилисты гордились бы такими потомками, а панки 70-х годов оценили бы степень радикализма. Манифест был написан за один день в номере московской гостиницы четырьмя молодыми людьми: первым «бюджетлянином» Велимиром Хлебниковым (27 лет), Давидом Бурлюком (30 лет), Алексеем Кручёных (26 лет) и Владимиром Маяковским (19 лет). Переводя содержание Манифеста на более понятный язык, основные заповеди русского футуризма (от итальянских они несколько отличались) можно свести к следующему:

- Культ будущего и стремление его приблизить. Будущее виделось в самых общих чертах, но было неизменно светлым и ярким.
- Бунт против настоящего — не столько политический и социальный, сколько культурный, моральный, эстетический.
- Тотальное неприятие художественных догм и достижений прошлого. Их несовместимость с эстетикой сегодняшнего дня и тем более будущего.
- Радикальные эксперименты с формами стихосложения — ритмом, рифмами, пунктуацией, фонетикой: например, отказ некоторых поэтов от знаков препинания или знаменитая ритмическая «лесенка», придуманная Маяковским.
- Стремление изменить сам язык: придумывание новых слов и оборотов речи. Здесь дальше всех пошли Хлебников и особенно Кручёных, фактически создавшие свой автономный язык, обозначенный как «заумь». Вот одно знаменитое стихотворение последнего:

Дыр бул щыл
Убешщур
Скум
Вы со бу
Р л эз

Как утверждал Алексей Кручёных, «В этом пятистишии больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина».

- Любовь к грубому простонародному «антиэстетическому» языку и шокирующим образам. Вот, скажем, известные строчки Давида Бурлюка:

Душа — кабак, а небо — рвань,
Поэзия — истрёпанная девка,
А красота — кощунственная дрянь...

- Склонность к эпатажу — в поведении, одежде, но главным образом — в стихах и публичных высказываниях. Из Бурлюка: «Мне нравится беременный мужчина».

Движение футуристов не было монолитным: помимо стержневой петербургской фракции, ещё называвшейся «кубофутуристами», в которую входили авторы Манифеста, существовало московское поэтическое объединение «Центрифуга», где, в частности, дебютировал в 1913 году юный (23 года) Борис Пастернак, а также группа «эго-футуристов». В последней блистал самопровозглашённый «Король поэтов» Игорь Северянин (1887 года рождения), отличавшийся предельной степенью самолюбования («Я гений — Игорь Северянин!») и крайне вычурным эстетским языком («Шампанского в лилию, шампанского в лилию!»). Живописное подразделение русских футуристов было не таким существенным, как у итальянских соратников. Некоторые поэты (Д. Бурлюк, В. Маяковский) рисовали сами и

*Кабаре «Бродячая собака»,
1911-1915*

выставлялись, но это было, скорее, побочным занятием. Близок к футуристам был кружок художников «Союз молодёжи» (Павел Филонов, Шагал, Татлин), и к тому же у них были гениальные «попутчики» — супрематисты и лучисты. Казимир Малевич в 1913 году оформил футуристическую оперу на стихи Кручёных «Победа над Солнцем»; Филонов тогда же оформил постановку трагедии «Владимир Маяковский» одноимённого автора. Он же иллюстрировал книги Хлебникова. «Будетляне» с их бешеной энергией, оптимизмом и некоторыми организационными способностями стали центром круга всех авангардистов.

Местом встречи футуристов, акмеистов и прочей блестящей молодой богемы Петербурга было подвальное кабаре на Михайловской площади под названием «Бродячая собака». Там читали стихи и показывали театральные скетчи (Всеволод Мейерхольд — один из завсегдатаев), пели удивительные Александр Вертинский и Анастасия Вяльцева, звучала живьём ироничная музыка Михаила Матюшина и Владимира Эренберга. Как бы я хотел там оказаться! Это было невероятное время: если бы меня спросили — какая пятилетка была самой важной и плодотворной в истории русского искусства? — я бы без колебаний ответил «1910-1915 годы». И символично, что завершился праздник «будущего сегодня» самой загадочной

Портрет Осипа Брика, 1924. Фотография: Александр Родченко © архив Александра Родченко и Варвары Степановой

Обложка «Про это» Владимира Маяковского с изображением Лили Брик, 1923. Дизайн Александра Родченко © из архива Александра Родченко и Варвары Степановой

ЛЕФ (1923 — 1929)

Одно из самых выдающихся и влиятельных из множества литературных и художественных объединений, которые существовали в относительной свободе 1920-х. ЛЕФ («Левый фронт искусств») был основан в 1923 году Владимиром Маяковским. В нем объединялись эстетическая философия, выражавшаяся через одноименный журнал, и широкая деятельность, от поэзии до науки, в искренней попытке изобрести культуру коммунистического будущего. Всё было основано на трёх принципах: литература факта, производственное искусство и социальный заказ по решению политических и социальных проблем. Конец второго «ЛЕФа», «Нового ЛЕФа» в 1929 году стал одним из маркеров конца эпохи авангарда.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ (1893 — 1930)

Поэт и провокатор, денди и шоумен Маяковский был иконой для многих поколений радикальных русских художников. Он всегда выходил на передний план в момент стремительного культурного обновления, как хрущевская оттепель или горбачевская перестройка. Красивый хулиган и убежденный футурист, Маяковский был панк-рокером задолго до появления панка, и рока. Его мечта о будущем здесь и сейчас превратилась в кошмар, когда жестокая бюрократическая машина сталинизма принялась беспощадно уничтожать малейшую возможность по воплощению коммунистической утопии.

картиной XX века — «Чёрным квадратом» Малевича. Изначально образ чёрного квадрата возник у художника во время работы над сценографией «Победы над Солнцем», и там он символизировал триумф человеческого творчества над природным началом — солнечным кругом. В дальнейшем интерпретаций было много: от «издевательства над зрителями» до «конца искусства». В любом случае можно согласиться с художником-модернистом Александром Бенуа, писавшим в рецензии на выставку «0,10», где «Квадрат» был впервые выставлен в декабре 1915-го: «Несомненно, это и есть та икона, которую господа футуристы предлагают взамен Мадонн и бесстыжих Венер».

Я не могу точно сказать, что служило источником энергии футуристов и их невероятного творческого тонуса, что подпитывало веру в «победу над Солнцем» — удивительную утопию, не столько даже художественную, сколько «цивилизационную». Банальное объяснение: быстрый капиталистический разгон России при шатающейся монархической властной структуре и возникающий от этого головокружительный «когнитивный диссонанс» архаики и прогресса. «Техническое» объяснение: авангардисты увлекли за собой массу восторженной молодёжи; ни одно культурное движение в стране до тех пор не имело такого резонанса — это был настоящий рок-н-ролл своего времени! Вообще было что-то общее с бурными шестидесятыми и «Эрой Водолея»: дух отречения от прошлого и ощущение, что будущее — совсем рядом. Кстати, и вошедшие в моду морфий с кокаином всей этой химии способствовали... Однако будущее подкралось с неожиданной стороны, и лодка утопии дала течь. В августе 1914 началась Мировая война при активном российском участии; акмеист

Гумилёв и футурист Лившиц отправились добровольцами на фронт; «Бродячая собака» стала пустеть и в 1915-ом после антивоенного выступления Маяковского её закрыли совсем. В 1917-ом грянули дуплетом две русские революции — долгожданная антимонархическая буржуазная в феврале и большевистская, которую не ждали и не знали, чего от неё ждать, — в конце октября. В тёплые месяцы в России революций не бывает.

Как это ни странно, радикальную и роковую перемену судьбы страны авангардно-декадентский бомонд поначалу воспринял с чувством растерянности и стоицизма, то ли притворяясь, то ли искренне считая, что ничего особенного не произошло. Вот роскошное описание писателем Владиславом Ходасевичем светского события в Петербурге спустя два с лишним года после Октябрьской революции: «На святках 1920 года в Институте Истории Искусств устроили бал. Помню: в огромных промёрзших залах зубовского особняка на Исаакиевской площади — скудное освещение и морозный пар. В каминах чадят и тлеют сырые дрова. Весь литературный и художественный Петербург — налицо. Гремит музыка. Люди движутся в полумраке, теснятся к каминам. Боже мой, как одета эта толпа! Валенки, свитеры, потёртые шубы, с которыми невозможно расстаться и в танцевальном зале. И вот с подобающим опозданием является Гумилёв под руку с дамой, дрожащей от холода, в чёрном платье с глубоким вырезом. Прямой и надменный, во фраке, Гумилёв проходит по залам. Он дрогнет от холода, но величественно и любезно раскланивается направо и налево. Беседует со знакомыми в светском тоне. Он играет в бал. Весь вид его говорит: «Ничего не произошло. Революция? Не слыхал». Александр Блок, один из очень немногих символистов, принявших большевистскую революцию, в статье (1918) «Русские денди» с гневом и недоумением описывает свою встречу с 20-летним поэтом Валентином Стеничем, который так отзывался о среде молодых декадентов: «Все мы — наркоманы, опиисты; женщины наши — нимфоманки. Нас — меньшинство, но мы пока распоряжаемся среди молодёжи; мы высмеиваем тех, кто интересуется социализмом, работой, революцией. Мы живём только стихами». Подтверждая слова Стенича, Блок сетует на то, что подобные «денди» встречаются даже в рабоче-крестьянской среде!

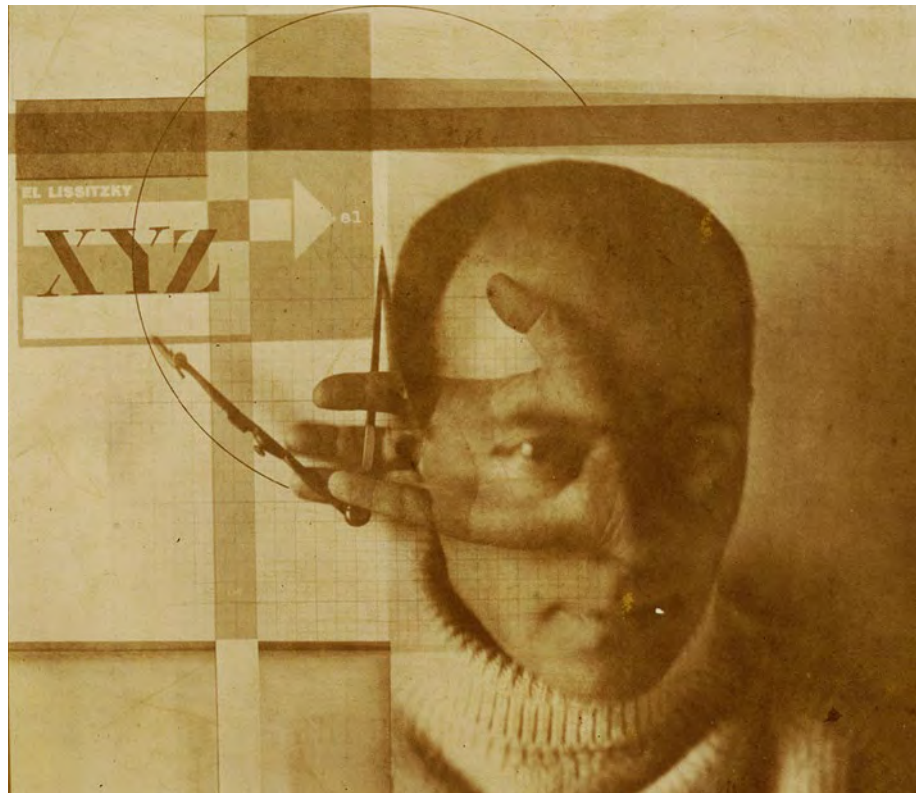
Среди отчуждённого или даже враждебного коммунистическим переменам художественного большинства футуристы, естественно, стояли особняком. Для них революция была далеко не окончательным, но необходимым шагом к разрушению догм прошлого и построению утопического мира солнечного завтра. «Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня и для других москвичей-футуристов не было. Моя революция», — писал Маяковский в своей «Автобиографии». — Пришёл в Смольный (штаб большевиков в Петербурге — А. Т.). Начал работать». Помимо сочинения революционных стихов и воззваний, поэты выпустили в 1918 году единственный номер «Газеты футуристов» с «Декретом о демократизации искусства # 1»; Маяковский создал литературную группу «Комфут» («Коммунистический футуризм», как нетрудно догадаться), а позднее, в 1923-ем, и знаменитое объединение ЛЕФ с одноимённым журналом и

Русский крейсер «Аврора»
25 октября 1917 г. залп холостыми снарядами послужил сигналом для штурма Зимнего дворца и начала революции

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В феврале 1917 года, Россия, столкнувшаяся с неудачами на фронте, экономической катастрофой и слабым правителем, испытала то же самое, что случилось в Англии в семнадцатом веке и во Франции в конце восемнадцатого века — произошла буржуазная революция и падение монархии. Для Ленина это было недостаточно, который в своих знаменитых «Апрельских тезисах» призывал пролетариат взять власть. В конце октября, в течение периода относительной анархии, в Санкт-Петербурге произошла большевистская революция под руководством Льва Троцкого. Александр Керенский, глава Временного правительства сбежал, переодевшись в женское платье. Власть была захвачена большевиками и советами, представлявшие организации рабочих, крестьян и солдат.

«Конструктор. Автопортрет» Эль Лисицкий, 1924 © Getty Images

издательством. Футуристический «мейнстрим» — Маяковский, Бурлюк, Каменский — много гастролировали, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке. (Бурлюк решил не возвращаться и в 1920-ом эмигрировал в Японию, а потом в США). Самый радикальный из группы, Алексей Кручёных, обосновался на Кавказе; самый загадочный (и, возможно, талантливый), Велимир Хлебников, пошёл служить в Красную Армию, заболел тифом и вскоре умер.

Последним всплеском русской литературной вольницы Серебряного века принято считать появление имажинистов. В «Орден», образованный уже после всех революций в 1918 году, вошли 21-летний Анатолий Мариенгоф, 23-летний Сергей Есенин и бывший эго-футурист 25-летний Вадим Шершеневич. Как следует из названия, поэзия имажинистов была подчинена «образу» и отличалась богатой метафористичностью. Не слишком склонные к формальным экспериментам, имажинисты тем не менее оказались не меньшими скандалистами, чем футуристы. Они (особенно Есенин) довольно буйно себя вели, устраивали «суды над литературой» и даже — имея в своём Ордене художественную секцию (Борис Эрдман) — первыми в России стали практиковать искусство граффити! В конце 1925 года недолечившийся от депрессии Сергей Есенин покончил с собой, предварительно написав кровью стихотворение, заканчивающееся строками:

В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Александр Родченко и Варвара Степанова, 1923 © архив Александра Родченко и Варвары Степановой

Анатолий Мариенгоф увлёкся написанием киносценариев и прозы; компания имажинистов распалась. Есенин с его душевной, сентиментально-хулиганской лирикой, остаётся, пожалуй, самым «народным» и почитаемым русским поэтом XX века. Мариенгоф в 1928 году опубликовал блестящий роман «Циники», который Нобелевский лауреат по литературе Иосиф Бродский как-то назвал лучшим русским романом. На родине он был впервые опубликован спустя 60 лет.

Русскую культурную революцию начала XX века накрыла революция социальная, и последствия этой накладки были, мягко говоря, невесёлыми. Очень многие деятели Серебряного века немедленно эмигрировали — в их числе Гиппиус и Мережковский, Дягилев, Стравинский и Рахманинов. Другие поначалу встретили советскую власть не без интереса и даже с одобрением, но в течение нескольких лет растеряли иллюзии и тоже уехали за границу: Бальмонт, Кандинский, Бурлюк, Шагал... Покончили с собой, умерли от болезней или были убиты Есенин, Блок, Гумилёв. Большинство оставшихся в стране авангардистов вступили в Левый Фронт Искусств или сокращённо ЛЕФ. В первое десятилетие советской власти, до наступления полноценной сталинской диктатуры и тотального контроля охранительной коммунистической бюрократии, эксперименты в культуре и искусствах допускались и даже поощрялись — как-никак, новое социалистическое искусство, искусство будущего. Фильмы Дзиги Вертова, фотографии Родченко, плакаты и коллажи Эль Лисицкого, конструктивистская архитектура Татлина и Мельникова, дизайн Варвары Степановой, индустриальная музыка Александра Мосолова... Все эти имена известны и в XXI веке, я периодически вижу реплики их работ на модных майках и обложках рок-альбомов, но в Советской России 20-х годов это было вымирающее племя романтиков нового мира. На смену ему шло тоталитарное барокко и сталинская готика, литература социалистического реализма и

Владимир Татлин перед монументом Третьему интернационалу. 1920 © Getty Images

Постройка монумента Третьему интернационалу («Башни Татлина»), 1920

классический балет. Самоубийство флагмана ЛЕФа, Владимира Маяковского, в 1930 году выглядит в этом контексте довольно логично.

Практика литературных кружков и поэтических орденов тоже ушла в буржуазно-декадентское прошлое. Ей на смену пришли Союзы Советских писателей, композиторов, художников — железные организации, позволявшие власти методом кнута и пряника держать под полным контролем творческую интеллигенцию. Последними адептами свободных нравов Серебряного века были блестящие обэриуты — горстка поэтов и писателей из «Объединения реального искусства», существовавшего с 1927 по 1931 год. Даниил Хармс, Александр Введенский, Николай Олейников, Николай Заболоцкий — всем им было по 20 с небольшим лет. В России со времён самиздата — это культовые авторы; за границей они мало известны и напрасно: их сочинения, исполненные абсурда, чёрного юмора, дадаистической издёвки — невероятно смешны! Под стать «гиньольным» произведениям обэриутов — их жуткая судьба: практически все участники кружка были арестованы; Хармс и Введенский погибли в ГУЛАГе, Олейников расстрелян. В этой связи у нас любят вспоминать одно детское стихотворение Хармса:

Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком
И в дальний путь
И в дальний путь
Отправился пешком
(...)
И вот однажды на заре
Вошёл он в тёмный лес
И с той поры
И с той поры
И с той поры исчез

Их много исчезло в первой половине XX века. Более того, исчезла целая огромная страна. Хуже того, вместе с ней исчезла, скорее всего, целая цивилизация. По крайней мере, культура. Но жизнь продолжалась.

«Женская пирамида». Спортивный парад на Красной площади. 1936 г. Из архива Александра Родченко и Варвары Степановой

ЛЮДИ ПАРТИИ

Комсомол, беспризорники и анти-сталинское подполье. 1930-1956

Тоталитарные режимы всегда безжалостно расправлялись с политической оппозицией, не допускали развитие гражданского общества, давили интеллектуальное инакомыслие, подвергали цензуре свободолобивую культуру. Любые проявления субкультурности также не приветствовались: один вождь, одна нация, один стиль, одна музыка... С футуристами и прочими представителями левого авангардного искусства сталинский режим сыграл очень злую шутку: их искренняя преданность идеалам революции в новой партийно-бюрократической парадигме выглядела нелепо и даже подозрительно (троцкизм?), их эксцентричность, страсть к экспериментам и новациям резко контрастировала с официально одобренной консервативной доктриной социалистического реализма. Советской власти, принципы которой устоялись к началу 30-х годов, нужны были люди послушные и одинаковые; инструментами приготовления этой серой человеческой массы были страх и промывка мозгов. Молодёжи в устройстве этой матрицы отводилось особое место, поскольку это контингент самый мобильный и самый проблемный. С одной стороны, юноши и девушки наиболее внушаемы (что хорошо), с другой — подвержены вольнодумству, всяческим фрустрациям и опасной привычке задавать ненужные вопросы. Фактически с приходом большевиков в Российском государстве (с 1922 года — СССР) впервые стала проводиться целенаправленная молодёжная политика, воспитательная и организующая. Работа велась по трём основным направлениям: верность партии/вождю, труд, милитаризм. В идеальном и законченном виде эта система воплощена в жизнь в сегодняшней Северной Корее, где ходят в униформах и с обязательным значком с изображением вождя; в СССР, особенно в последние десятилетия его существования, это был скорее формат «light» — с некоторой оглядкой на за границу и здравый смысл. И занималась постройкой коммунистической молодёжи организация под названием «комсомол».

До этого самого момента я никогда не задумывался над вопросом: почему появился комсомол? Кому и зачем он был нужен? Могло ли его вообще не быть? Комсомол, если вы не знаете или забыли, — это Коммунистический Союз Молодёжи, в СССР ещё был известен под аббревиатурой ВЛКСМ — монументальная и чудовищная официальная организация, объединявшая в своих бескрайних рядах десятки миллионов советских молодых людей в возрас-

те от 14 до 28 лет. При советской власти комсомол был настолько органичен и вездесущ, что вопросов о его генезисе, природе и смысле существования как-то не возникало... С уверенностью можно сказать о комсомоле следующее: 1) это была самая массовая молодёжная организация в истории России; 2) будучи спущенной «сверху», она имела чисто формальный характер (во всяком случае, начиная с 30-х годов); 3) при том, что комсомольцы носили одинаковые значки, заучивали одинаковые тексты и песни, признаков реальной субкультуры тут не было. Но кому-то он был нужен?

Лидеры большевиков, пришедших к власти в результате Октябрьской революции 1917 года, были уже немолоды (Ленину — 47, Троцкому — 38 лет), однако основная масса их последователей, пушечное мясо революции и последовавшей гражданской войны, представляла собой молодёжь и даже подростков. Характерен и хрестоматиен в этом смысле пример Аркадия Голикова-Гайдара, популярного впоследствии советского писателя, который вступил в Коммунистическую партию и Красную армию в возрасте 14 лет, в 15 уже был командиром, а в 18 (ещё тинейджером!) был исключён из партии и уволен из армии в чине полковника за неоправданную жестокость в процессе массовых убийств мирных жителей в южной Сибири. Естественно, вспоминаются и китайские хунвейбины периода Культурной революции и массовые казни городских жителей в Камбодже времён Пол Пота, которые тоже вершили вчерашние дети.

Вероятно, именно для того, чтобы как-то контролировать и направлять эту неистовую толпу, опьянённую ветром перемен и запахом крови, и была придумана рабоче-крестьянская молодёжная организация. Любопытно, что поначалу речь шла о партии, но большевики мудро решили не создавать самим себе конкурента, идея была признана вредной и, таким образом, в октябре 1918 года возник РКСМ — Российский Коммунистический Союз Молодёжи. Поначалу в нём состояло 22 100 человек. Спустя два года членов было уже 482 000; в это время прошёл знаменитый III Съезд комсомола — единственный, на котором выступил Ленин. Его основополагающую речь, часто называемую «О задачах союза молодёжи», мы учили в школе и полвека спустя. Начал и закончил Ленин тем, что именно молодым предстоит строить коммунистическое общество, а тем, кому сейчас 15 лет — а таких среди делегатов съезда было немало — уже посчастливится в нём пожить. (Оптимистично). Главную задачу юношей и девушек Ленин сформулировал просто и совсем не кровожадно: учиться! Учиться коммунизму, как он выразился. В этой связи даже предостерёг молодых радикалов от пренебрежения буржуазной наукой, культурой и прочей «старой школой», произнес фразу, вскоре растиражированную на миллионах плакатов: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Заметьте: я процитировал это изречение по старой памяти, потом сравнил с оригиналом и обнаружил, что сделал всего одну ошибку, поменяв слова местами... В конце речи, отвечая на вопрос из зала о взаимоотношениях РКСМ с партией коммунистов, Ленин сказал просто: комсомол будет работать под руководством Партии и выполнять её поручения.

ВЛАДИМИР ЛЕНИН (1870 — 1924)

Лидер русской коммунистической революции сегодня несколько подзабыт, особенно после более чем полувека культового обожания. Догматический марксист, ставший профессиональным революционером в 23 года, блестящий политик, полемист и оратор Ленин был, пожалуй, единственным настоящим интеллектуалом, правивших Россией за многие столетия, и одним из нескольких, кто был равнодушен к материальным благам и личной власти. Среди его негативных качеств есть политический оппортунизм граничащий с цинизмом и пренебрежение фанатика к ценности человеческой жизни. В отличие от своего преемника Сталина, которого и сегодня уважают россияне, Ленин никогда не рассматривал кровопролитие как средство или жуткое хобби, а скорее как неизбежный побочный продукт диктатуры пролетариата.

*«Владимир Ленин» Владислав Мамышев-Монро, 1996.
Из серии «Жизнь замечательных Монро». © Aksenov Family Foundation*

Интересно, что нам, юным комсомольцам 70-х годов, никогда не рассказывали об элементарных вроде бы вещах: кто были отцы-основатели комсомола и как звали его первых председателей. Для этого были веские причины: у колыбели Российского Коммунистического Союза Молодёжи стояли два человека — Лазарь Шацкий, которому в 1918 году было 16 лет, и Оскар Рывкин, которому было 19. Мало того, что их имена недвусмысленно выдавали еврейское происхождение (в СССР эпохи государственного антисемитизма это было дурным тоном); оба они к тому же были расстреляны во время главной сталинской чистки 1937-38 годов. Одновременно с ними были арестованы и погибли — в подвалах НКВД или ГУЛАГе — все без исключения (!!) руководители комсомола «раннего» периода — Чаплин, Цейтлин, Смородин. Это было в высшей степени типично: пассионарные романтические юноши с хорошим образованием и лидерскими амбициями никак не вписывались в бюрократическую машину сталинской диктатуры и служили идеальной мишенью для расправ. Что, впрочем, не мешало послушному комсомолу расти и процветать: под руководством новых председателей молодёжь активно участвовала во всех партийных проектах, а в некоторых из них — образовательном, атеистическом, по военной подготовке — даже играла первую скрипку. Конкурентов на ниве молодёжных политических движений у комсомола не было; анархистские и эсеровские ячейки были разгромлены ещё в 20-е годы. После того, как запретили скаутов, в 1922 году была создана и детская коммунистическая организация Юных Пионеров, где игры, походы и ночи у костра сочетались с идеологическим тренингом.

Комсомольская риторика всегда подразумевала высокоидейный, воспитательный и образовательный характер организации. Отсюда — один из главных лозунгов, «учиться, учиться и учиться, как завещал великий Ленин!» Как мантру нас заставляли повторять «пионер — всем ребятам пример!», а плохие оценки в школе становились не только показателем слабо выученных уроков, но и знаком идеологической ущербности — «ты позоришь звание пионера!» Политическая работа велась в школе неустанно: мои личные приключения в этом смысле показательны — меня дважды исключали из пионерской организации! В первый раз в 6-ом классе за музыку: однажды я получил доступ к школьной радиостанции, и, будучи сумасшедшим рок-фэном, стал крутить там во время большой перемены свои любимые синглы — The Beatles, Rolling Stones, Yardbirds, Beach Boys и так далее. Это не понравилось директору, и меня вызвали на комсомольское собрание (такова была регулярная практика во всех местах, от школ до заводов, где имелись комсомольцы и пионеры), где обвинили — ни много ни мало — в идеологической диверсии и «преклонении перед Западом». Я вины не признал, заявив, что рок — это музыка прогрессивной молодёжи, антибуржуазная по сути, и что все мои любимые артисты выступают против войны во Вьетнаме (был конец 1967 года). Каяться отказался и лишился красного пионерского галстука. Спустя год меня исключили (уже в другой школе) за политику: конкретно, за антисоветскую пропаганду! Незадолго до этого я вернулся из Праги и в разговорах с одноклассниками не стеснялся высказывать своё возмущение советской интервенцией августа

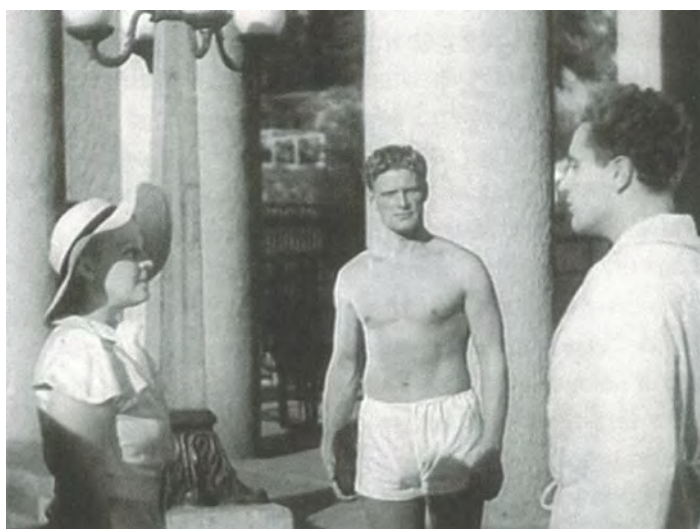
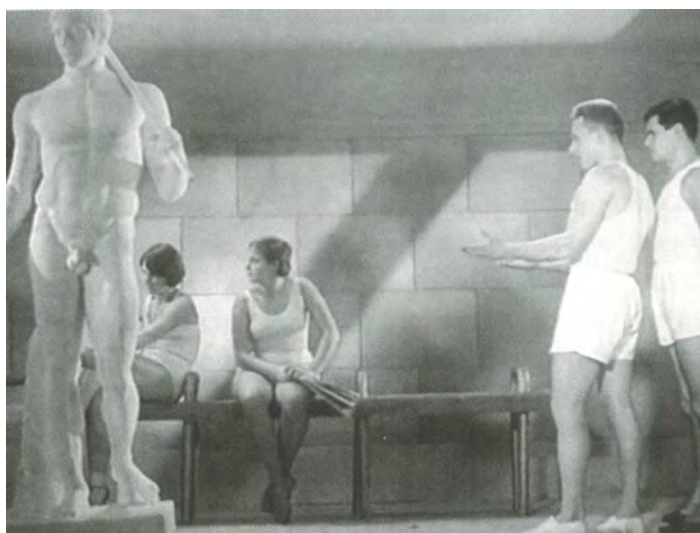
1968 года; кто-то донёс. Мне очень повезло: 13 лет — нежный возраст; будь я на несколько лет старше — вылетел бы с работы или из университета. А тут случилось даже так, что ещё через полтора года меня (уже в третьей школе), несмотря на все прошлые похождения, приняли в комсомол! Хочу я туда или нет, никто не спрашивал — шёл 1970 год, столетний юбилей Владимира Ленина, и в ленинский комсомол забирали всех не глядя.

Здесь, будучи юным антисоветчиком, мне пришлось пойти на позорный компромисс с властью: я собирался поступать в МГУ и понимал, что, не будучи комсомольцем, шансов у меня не было. Не могу сказать, что членство меня сильно тяготило и влияло на образ жизни — даже регулярные комсомольские собрания и политинформации я, как правило, пропускал — и без последствий. Получив диплом бакалавра, я просто перестал платить членские взносы и неслышно из ВЛКСМ убыл... В 70-е это уже было возможно: из идейно заряженной организации молодых энтузиастов и активистов комсомол окончательно деградировал в аморфную и лицемерную бюрократическую контору, послушный и бессловесный придаток КПСС. Польза государству, помимо воспитания конформистов, от комсомола была: в первую очередь, как источника максимально управляемой рабочей силы. На все «прорывные» и самые масштабные проекты — будь то освоение целинных земель, строительство гигантских гидроэлектростанций или сибирских железных дорог — правительство посредством ВЛКСМ направляло по «комсомольской путёвке» десятки и сотни тысяч неукоренённых молодых людей. От рабов ГУЛАГа они отличались тем, что были свободны в передвижениях и личной жизни, получали зарплату, но труд и профессиональная ориентация их направлялись государством.

Если экономический смысл в существовании комсомола был, то в идеологическом я сильно сомневаюсь. Несмотря на все усилия молодёжной пропаганды и «контрпропаганды» (в 70-е годы в СССР выходила 131 комсомольская газета общим тиражом 16 млн экземпляров плюс десятки журналов), комсомол не смог противостоять буржуазной западной заразе: модным «брендовым» шмоткам, поп-музыке, Голливуду и прочим материальным и культурным ценностям коварного и бесконечно загнивающего капитализма. Если в 50-е годы комсомольские патрули отлавливали на улицах косящих под американцев «стиляг» (подробно о них в следующей главе), то в 70-е они уже сами гордо ходили в ботинках на платформе и джинсах, слушали Элтона Джона и курили Marlboro. Как поётся в популярной песне Вадима Степанцова:

Я школу закончил, пошёл в институт
И стал комсомольцем активным я тут:
Наркотики, девки, вино, рок-н-ролл —
Всё это для нас был тогда комсомол!

С помощью комитетов комсомола, руливших тогда всем организованным молодёжным досугом, устраивались подпольные (точнее, неофициальные) рок-концерты и фестивали, дискотеки и выставки. Правда, если

Кадры из фильма «Строгий
юноша» Абрама Роома, 1935

откуда-то возникало бдительное начальство и вообще появлялся фактор риска, комсомольские работники тут же сами всё и запрещали — карьера для них всё же была важнее, чем модные мероприятия, девки и рок-н-ролл.

Впрочем, в советской карьерной иерархии комсомол считался уделом бездарей и неудачников. Существовали «серьёзные» ведомства — КПСС, КГБ, министерства обороны, иностранных дел — и самые амбициозные молодые чиновники стремились туда. Что до «карьерных комсомольцев», то отношение к ним было крайне ироничное: мало того, что они выглядели комично — здоровые дяди и тёти в красных галстуках; считалось, что они пустозвоны и бездельники. Последнее прекрасно иллюстрирует некогда знаменитая в кругу инсайдеров история про одного высокопоставленного работника Центрального Комитета ВЛКСМ, который имел привычку спать в рабочее время в своём кабинете. (Учитывая характерный для комсомольских боссов перманентный похмельный синдром, это было неудивительно). Поскольку изредка к нему мог кто-то заглянуть, он стеснялся располагаться на диване, а спал сидя за столом, положив подбородок на руки. Однажды руки разжались, и бедный начальник сломал себе челюсть... Если память мне не изменяет, ни одного заметного государственного деятеля в советское время из числа комсомольских выдвиженцев не получилось.

Закончился путь комсомола максимально бесславно: организация, обнаружив минимальный резерв живучести, стала разваливаться ещё до падения Советского Союза, в конце 80-х. Юридически её конец был зафиксирован осенью 1991-го и прошёл абсолютно незаметно. Способных наследников тоже не осталось.

Опыт Коммунистического Союза Молодёжи как попытка создания тотальной и монопольной молодёжной организации уникален в истории России. На мой взгляд, опыт негативный: как подтверждают аналогичные истории в странах Восточной Европы, где тоже были свои комсомолы, причисать всю молодёжь под одну гребёнку, внушить ей одинаковые вкусы и идеи — практически невозможно. Если и можно, то ненадолго: более или менее органично комсомол выглядел разве что в 20-е годы, когда он спланировал относительно немногочисленный идейный авангард молодых коммунистов, и в годы войны — по понятным причинам. При моей жизни проблески искренности наблюдались на рубеже 50/60-х годов, во время «оттепели», реальных достижений (спутник, Гагарин) и всплеска энтузиазма по этому поводу. Тогда же были написаны главные песни на комсомольские темы, мелодии которых, наверное, — лучшее, что от этого гигантского проекта сохранилось.

Полярные альтернативы: Беспризорники

Демократии в России не было никогда, если не считать нескольких хаотичных месяцев 1917 года. Но если в монархической империи, особенно после реформ Александра II, некоторая степень свобод допускалась, а в экономической области даже поощрялась, то государство большевиков

принесло с собой новинку — тотальный контроль во всех областях жизни, включая (до известной степени) даже семейную и интимную. Особенно жёстко пресекалось любое инакомыслие, посягательство на господствующую идеологию и государственную монополию на управление и насилие. Жизнь молодёжи регулировалась посредством Комсомола и примыкающим к нему правительственным министерствам и комитетам (образования, обороны, культуры...) Однако до поры до времени в паутине сталинской заботы о новом поколении существовала огромная зияющая дыра, и имя ей было «беспризорники».

На английский русское слово «беспризорники» переводится просто как «street children», «уличные дети» — и это полностью соответствует реальности. Дети без родителей, без дома, без школы, без документов, без грамоты. И в том возрасте, когда они могут самостоятельно выживать — с 6-7 лет. Верхняя граница — на 10 лет больше. Средний возраст — 10-14 лет. Гендерный состав беспризорников — загадка для меня. Теоретически, мальчиков и девочек должно было бы быть примерно поровну, но, судя по сотням фотографий беспризорников, что я видел, и многочисленным описаниям их жизни и быта в очерках репортёров и писателей, мужской контингент преобладал на порядки. Не думаю, что девочки-беспризорницы вели более скрытный образ жизни; скорее, они более охотно уходили в детские дома и приюты, или даже удочерялись семьями. Но они тоже были и жили той же невыносимой жизнью.

Как становились беспризорниками? О, это было совсем нетрудно в то время и при тех обстоятельствах. С 1914 по 1922 год Россия пережила (правильнее сказать, едва пережила) Первую Мировую войну, революцию, кровавую Гражданскую войну, страшный голод 1921-22 годов. Миллионы людей погибли в боях, от эпидемий и голода; эмигрировали и просто бежали от огня, нищеты и насилия из насиженных мест. Дети оставались без родителей и без крыши над головой. Пиковым по числу беспризорников в стране считается 1922 год: «уличных детей» насчитывалось не менее 7 миллионов. Не намного меньше, чем «домашних». Разумеется, это была гигантская социальная проблема: беспризорники не получали медицинской помощи и умирали сотнями тысяч — от болезней, голода и замерзая на улице от мороза. Они активно подпитывали криминальную среду. В конце концов, просто портили картинку «новой жизни», докучали гражданам попрошайничеством и мелким воровством, и отвлекали силовые органы от борьбы с преступностью и недобитой буржуазией. Властями предпринимались меры, и довольно отчаянные: создавались приюты, школы-интернаты, колонии и «коммуны»; организовывались пункты питания, врачебной помощи и «отмывания» чумазных беспризорников. Известный советский апокриф гласит, что председатель ЧК Феликс Дзержинский увидел из окна своего кабинета на Лубянке, как хорошо организованная стая из полусотни беспризорников атаковала колбасный ларёк, перевернула его вместе с продавщицей и мгновенно исчезла со вкусной добычей. После чего «Железный Феликс» всерьёз озабочился проблемой и создал в 1921 году «Деткомиссию» при ВЦИК (тогдашнем главном исполнительном орга-

не). Однако масштабы беспризорничества многократно превышали возможности государства и справиться с проблемой удалось лишь в середине 30-х годов.

Драка беспризорников. 1922 г.

Жили (если можно так сказать) беспризорники в заброшенных домах, в подвалах и на чердаках, в железнодорожных вагонах и на вокзалах. Мусорные ящики тоже использовались. Особенно ценились места, где было тепло — в частности, большие котлы для варки асфальта, не успевавшие остыть за ночь. Там же «дети улицы» проводили свой досуг: играли в карты, пили и курили, нюхали кокаин, который в то время был дешевле алкоголя. Весь день ребята проводили на улице в поисках денег и пропитания. Любимые места: рынки/базары, вокзалы, трамваи — места, где тесно, тепло, много народу и легче что-нибудь своровать. Мелким разбоем беспризорники тоже занимались: собирались в небольшие банды и потрошили одиноких прохожих. Девочки тоже подворовывали, жалобно кланчили и нередко занимались проституцией. В зимний период, спасаясь от холодной смерти, армия беспризорников устремлялась в южном направлении — на Кавказ, в Ташкент и Алма-Ату. Ехали, естественно, без билетов — на крышах вагонов.

Помимо криминального, существовал и «творческий» промысел: попрошайничество. Просто так милостыню народ не давал: у самих денег было мало, а страждущих — уйма! Поэтому надо было стараться: петь, тан-

цевать, декламировать... Первая советская перепись населения прошла в 1926 году, частично охватив и беспризорников. И там, в графе «Род занятий», некоторые беспризорники писали (точнее, писали переписчики под их диктовку) «вор» или «нищий», но многие представлялись, как «певцы», «артисты» и «музыканты». И это главная причина, по которой можно смело отнести беспризорников к разряду настоящих субкультур: они создали свой фольклор! Более того, фольклор жизненный, смелый и действительно «альтернативный» советской показухе!

Беспризорники пели песни, многие из которых сами и сочиняли, поскольку нот не знали и читать, как правило, не умели. Авторы песен не известны; это народное творчество в самом незамутнённом виде. Мелодии почти всегда использовались известные: народные песни, городские романсы, текущие хиты. Аккомпанемент: возможно, самый невероятный в истории музыки — зубы. У ребят не было музыкальных инструментов и денег на их приобретение, поэтому для поддержания ритма и даже воспроизведения мелодии приходилось пользоваться собственным организмом. Конкретно — зубами. Мастера звукоизвлечение назывались «зубарями» или «зубариками». Поначалу я думал, что они громко стучали челюстями, но нет! Вот сведения из авторитетнейшего источника, повести «Республика ШКИД» бывших беспризорников Белых и Пантелеева: «Для зубарей важно было иметь слух и хорошие зубы, остальное приходило само собой. Техника этого дела была такая. Играли на верхних зубах, выщёлкивая мотив ногтями четырёх пальцев, а иногда и восьми пальцев, когда зубрили сразу двумя руками. Рот при этом то открывался широко, то почти совсем закрывался. От этого получались нужной высоты звуки. Спецы по зубарям доходили до такой виртуозности, что могли без запинки сыграть любой самый сложный мотив». В качестве ритм-инструмента часто использовались ложки.

По содержанию репертуар можно разделить на три примерно равные части: песни «жалостливые», «воровские» и «на злобу дня». Звучали они во всех людных местах: в поездах и трамваях, на базарах и вокзалах, в пивных и чайных. Высшим достижением для беспризорников было исполнение песен в кабаках — туда допускали только самых артистичных и голосистых. И относительно прилично одетых. Кстати, о дресс-коде. В каком-то смысле он существовал и назывался «рвань и обноски». Что-то оставалось от старой «домашней» жизни, пока не превращалось в лохмотья, что-то удавалось стащить, что-то приспособливали под одежду сами, проделывая дырки в мешках или наматывая на себя старые одеяла. Даже судя по выцветшим чёрно-белым фотографиям, вид у беспризорников был невероятно запущенный и колоритный одновременно.

Вернёмся к песням. Классикой «жалостливого» стиля является, несомненно, протяжно-заунывная:

По приютам я с детства скитался
Не имея родного угла
Ах зачем я на свет появился
Ах зачем меня мать родила...

Обложка первого издания
«Республики ШКИД» Г. Белых
и Л. Пантелеева, 1927 © Музей
истории ГУЛАГа

Из этой же обоймы песенка, ставшая очень популярной в СССР в конце 60-х годов благодаря фильму «Республика ШКИД» — о питерских беспризорниках начала 20-х:

У кошки четыре ноги
Позади у неё длинный хвост,
Но трогать её не могли! —
За её малый рост, малый ро-ост!

«Воровские» песни были поинтереснее. Почти все они представляли собой баллады, описывавшие похождения и приключения в преступном мире, и заканчивались, обычно, трагически. Знаменитая «Мурка» — из этой серии, хотя типичной для беспризорников она не была. Писатель Николай Шушканов в очерке «Беспризорники» приводит, например, такую характерную балладу:

Когда мне было лет двенадцать,
Когда скончался мой отец,
Не стал я матери бояться
И стал большой руки подлец.
По квартирам я стал шляться
И стал водочку любить,
Воровать я научился
И пошёл по тюрьмам жить...

Известный поэт Вадим Шефнер, сам бывший детдомовец, поделился интересным наблюдением, отмечая то, как по-разному пели песни беспризорники-мальчики и девочки-беспризорницы. «Ребята при пении своих песен всегда интонационно подчёркивали особо важные строчки и слова, а на лицах их и даже в позах вольно или невольно отражалось то, о чём они в это мгновение поют: лихость, озадаченность, уныние. Девочки же каждую песню, какие бы в ней трагические или трогательные события ни происходили, пели от начала до конца, как бы не участвуя в этих событиях, как бы видя их со стороны; пели нарочито равнодушными голосами, сохраняя на лицах заранее заданное сосредоточенно-бесстрастное выражение». Вот одна из таких песен; поётся от лица юной матери-воровки:

Спи, мой маленький малютка,
Баюшки баю!
Подрастёшь — карманник будешь,
Бросишь мать свою.
Ты найдёшь себе девчонку,
Будешь с нею жить,
Воровать для ней ты будешь,
Будешь ей носить...
По ночам по ресторанам
Будешь с ней ходить,

А в другом своём кармане
Кокаин носить.

Ну и самая смелая, весёлая и интересная часть творческого наследия советских беспризорников — песенки на бытовые темы и о текущих событиях. Здесь преобладала выразительная и лаконичная форма частушек, преимущественно похабных — что в детских устах звучало особенно пикантно и непременно вызывало взрывы хохота у слушателей:

Как на Киевском вокзале
Броневик взорвался —
От шофёра Кузмича
Один х... остался!

Колбасу в Рядах купила
И в карман полóжила:
Ох как ента колбасина
Меня растревожила!

Прохожу я мимо МУРа —
Вижу — из окошка х...
Это мой приятель Шура
Шлёт воздушный поцелуй!

Однако не всё было так безобидно, хоть и матерно. Максим Кравчинский в своей книге «Песни и развлечения эпохи НЭПа» приводит отрывок из повести Бориса Солоневича, современника тех событий, сбежавшего из СССР в 1936 году. Речь в нём идёт о концерте двух беспризорников в поезде «Севастополь — Москва». Возможно, история отчасти выдуманная, но репертуар мальчишек наверняка подлинный и слышанный автором в реальной жизни:

«— Митька, а ты не знаешь, чего это в Тифлисе дом с мамкой Сталина так здорово стерегут?
— Не, не знаю... А чего?
В тишину притихшего вагона врезался театральный шёпот:
— А это чтобы, избави бог, она второго Сталина на наше несчастье не родила!..»

Кое-кто фыркнул. Кто-то наверху рассмеялся. А беспризорники уже пели. Частушки у Ваньки и Митьки тоже были крутые:

Калина́, малина́ —
Мы поймаем Сталина,
В ноздрю пороху набьём
И Калинина убьём...

Отбивка между частушками была такая:

Чепуха да чепуха,
Это просто враки!
Сталин едет на свинье,
Ленин на собаке!

Автор отмечает: «Слушатели знали, что только такие вот ребята-беспризорники и могут петь эти песенки: что с них возьмёшь? Голому терять нечего».

Воистину так. Однако до поры до времени борьба с антисоветскими детскими концертами велась кустарно — силами дворников, сторожей, случайных «бдительных граждан» и кондукторов. Беспризорников отлавливали и отправляли в приюты и колонии, где отмывали, дезинфицировали и пытались записать в юные пионеры. Многие беспризорники предпочитали голодную, но свободную уличную жизнь коммунистической дисциплине и бежали на волю. На эту тему тоже была частушка:

У баронского пруда
Стоит красная тюрьма.
Кому некуда деваться,
Тот бежит туда спасаться.

«Тюрьма», ясное дело — это детдом.

Советская власть решительно и кардинально взялась за ликвидацию «суб-класса» беспризорников и его субкультуры в конце 20-х годов, когда началась коллективизация. Сотни тысяч «уличных» мальчиков и девочек насильно депортировали в сельскую местность (это вам не городской приют — к дружкам в сквот не убежишь!), где их определяли в новосоздаваемые колхозы. Колхозам за городских маргиналов ещё и приплачивали. В 1935 году в постановлении Партии и правительства «О ликвидации детской беспризорности» было торжественно заявлено, что с этим пережитком войны и разрухи в стране Советов покончено. В общем и целом, так оно и было. Сколько беспризорников при этом погибло — в том числе и в результате депортаций (вспомните голодомор, сопутствовавший коллективизации) — не уточнялось.

Полярные альтернативы: Антисталинское подполье

Дети из интеллигентных семей, домашние и эрудированные. Наверное, самые внимательные и вдумчивые читатели Маркса и Ленина. Идейные. Они были молодыми и придерживались строго коммунистических убеждений. Но сталинское государство они ненавидели, и оно их уничтожало. Это совсем другая история, не имеющая ничего общего с помпезной летописью советского комсомола. Она крайне малоизвестна, но очень важна. Речь

Плакат Дмитровлага. Константин Соболевский, 1936

Социальный плакат, 1930 г.
Павел Бехметьев

идёт о молодёжном марксистском подполье 30-50-х годов... Давным-давно я читал о нём в «Архипелаге ГУЛАГ» у Солженицына: написано там было вскользь о каких-то совсем молодых ребятах, чуть ли не школьниках, которые разбрасывали антипартийные листовки и за это в подростковом возрасте наравне со взрослыми угодили в лагеря. Потом в конце 80-х, на пике «гласности», прочёл автобиографическую книгу писателя и поэта Анатолия Жигулина «Чёрные камни»: там речь шла о подпольной организации школьников под названием КПМ — Коммунистическая Партия Молодёжи, действовавшей в Воронеже в 1948-1949 годах. Организовали её несколько девятиклассников (!) средней мужской школы во главе с парнем по имени Борис Батуев, сыном второго секретаря Воронежского обкома Партии. За два года КПМ удалось — при полной конспирации — собрать около 60 ровесников-единомышленников. В программе партии значилось изучение идей Ленина и борьба за свержение сталинского режима. Осенью 1949-го, едва коммунисты-подпольщики закончили школу, большинство арестовали. Допрашивали, пытали, судили — и отправили в ГУЛАГ на длительные сроки.

Повесть «Чёрные камни» частично ответила на вопрос, который преследовал меня — тоже, кстати, — со старших классов школы: как люди в СССР могли безмолвно терпеть сталинский террор? Почему они не восставали? Почему никто не прикончил тирана-садиста? Оказывается, со-

Социальный плакат, 1935 г. Виктор Корецкий

ГУЛАГ

Система ГУЛАГа, этого гигантского механизма разрушения и деградации, не содержала в себе лагерь смерти, типа Освенцима, но и в ней был куда проще умереть, нежели чем выжить. Заключённые, мужчины и женщины, находясь на грани истощения, находясь фактически на положении рабов, трудились на стройках или в шахтах, бессмысленно долбля камень или же перетаскивая землю. Настоящие преступники — воры, убийцы и бандиты — в лагерях образовали своего рода элитное меньшинство, большинство же составляли простые советские люди, осуждённые по доносам, из-за неправомерного происхождения или, очень часто, просто так, по вымышленным обвинениям.

Осип Мандельштам, 1934. Фотография сделанная во время его ареста

Всеволод Мейерхольд, 1939. Фотография сделанная во время его ареста

противление было! Но почему столь немногочисленное?? Кроме КПМ я не слышал ни о ком... На самом деле групп, подобной воронежской, было довольно много — уж точно не менее двух десятков! Однако не удивительно, что об антисталинском подполье почти никто не знал, а те, кто знали — не спешили рассказывать. Дело в том, что это движение было очень неудобно — причём всем и по разным причинам. В советское время, включая короткую «оттепель», юные оппозиционеры даже с коммунистическими убеждениями всё равно были диссидентами. К тому же троцкистами — что в советской идеологической догматике считалось едва ли не худшим преступлением, чем буржуазный либерализм. К тому же, многие пункты их критики (фальшивые выборы и отсутствие реального народовластия, диктатура бюрократии, отрыв партийной элиты от народа...) вполне относились и к постсталинской практике в СССР. Для классических советских диссидентов и оракулов времён Ельцина, стоявших, в большинстве своём, на антикоммунистических позициях, левые активисты вообще были чужими и несимпатичными персонажами, только портившими гляцевую картинку «героические либералы против зверей-коммунистов». О нынешнем времени возрождения сталинизма под некоммунистическими лозунгами и говорить нечего... Фактически, только начав работать над этой рукописью, я напал на эту хорошо спрятанную тему и счастлив, что могу вам хоть немного рассказать о школьниках и студентах, которым не повезло жить — а главное, думать и действовать — в самый жуткий и кровавый период всей российской истории.

Первые кружки инакомыслящих студентов левого толка были зафиксированы ещё во времена относительной вольницы 20-х годов: это были анархисты, и они как принципиальные противники большевиков были быстро рассеяны. Марксистов-диссидентов тогда ещё не было по простой причине — в самой коммунистической партии, в том числе самой её верхушке, шли активные дискуссии и сосуществовали разные фракции. По мере того, как партия большевиков под чутким руководством Сталина становилась всё более монолитной, споры стихали, а их зачинщики отправлялись в лучшем случае вдаль за колючую проволоку, а чаще всего — в расход. К концу 30-х годов в ВКП(б) установилось полное единомыслие. Тогда же (1940 год) отмечено появление первой из известных молодёжных антисталинских организаций; она называлась «истинные коммунисты» и состояла из учеников 10 класса средней школы киргизского городка Джелал-Абад. Просуществовала она несколько месяцев — пока лидеры группы, Иван Яцук и Юрий Шокк, не начали распространять листовки. Они получили по 10 лет заключения; остальные трое «истинных» — от 6 до 8-ми лет. Больше о них ничего не известно. В приговоре сказано (цитирую дословно с сохранением стилистики): «Обвиняемые (...) в октябре месяце 1940 года организовали контрреволюционный кружок под названием „Истинных коммунистов“, ставившие своей целью борьбу с мероприятиями партии и Советского правительства. Массовое вовлечение в данный кружок членов из молодёжи из среды морально неустойчивых, чтение антисоветской литературы, агитация среди населения путём выпуска контрреволюционных листовок».

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА (1941 — 1945)

Как нетрудно понять из названия группы, слова «контрреволюционный» и «антисоветский» вряд ли справедливы в этом контексте. Напротив, контрреволюцией истинные коммунисты и все остальные левые молодёжные организации считали политику Сталина, и для этого у них были все основания. Основные тезисы: предательство линии Ленина — в том числе на «сворачивание» государственной машины; забвение принципов демократии — в частности, свободных выборов в Советы; бюрократизация партии и общества; отход от пролетарского интернационализма в сторону великодержавного шовинизма. Во многом эти обвинения совпадали с критикой Троцкого, но от одиозной фамилии юные коммунисты отреклись. Не слышал я, и чтобы они ставили вопросы о сталинском терроре и уничтожении им лидеров революции — Троцкого, Бухарина, Зиновьева и многих других... В принципе, и киргизские истинные коммунисты, и их продолжатели были нормальными, правильно воспитанными советскими детьми. Их отличие от молчаливого большинства состояло в том, что они истово поверили коммунистической теории и, благодаря критичному уму, легко смогли увидеть её абсолютное несоответствие сталинской практике. Да и в чисто эмоциональном плане их акции и конспирация были продолжением детских игр в большевиков-подпольщиков, воспитанных мифологией «юных пионеров». На какое продолжение своей агитационной деятельности рассчитывали ребята в далёком среднеазиатском Джелал-Абаде, сказать трудно — но дух революционной романтики вряд ли предполагал точный ответ на этот вопрос.

Сразу после Второй мировой войны атмосфера в СССР была интересной: задавленный террором 30-х годов народ вернулся домой воодушевлённым победителем. При всех тяготах послевоенной разрухи, настроение в стране было весёлое и полное самоуважения: все, особенно фронтовики, прекрасно понимали, что Гитлера победил не Сталин и не партийное руководство, а сами простые советские люди. Отношение к начальству стало менее запуганным и подобострастным, взгляд на действительность — более критичным. В определённой мере повторился «синдром 1812-1815 годов», когда русская армия, с победой вернувшись из Европы, принесла с собой в качестве одного из трофеев дух свободы и смутное желание изменить что-то в домашнем пейзаже. Сталин и партийная элита были крайне обеспокоены этими симптомами и с 1948 года начали с остервенением закручивать гайки: «борьба с космополитизмом» призвана была вытравить память о союзе с Британией и США, а заодно и вкусе немецких трофеев; массированная антисемитская кампания науськивала народ на нового, хотя и давно испытанного «внутреннего врага».

Эти годы с 1948-го и до смерти Сталина в 1953-ем были ознаменованы удивительным всплеском молодёжного антисталинского движения. Вот что пишут бывшие участники двух подпольных московских организаций, Сусанна Печуро и Виктор Булгаков: «Молодёжь начала создавать подполье так же естественно и с таким же жаром, с каким вступала в комсомол, бежала в Испанию (во время Гражданской войны и Интербригад — А. Т.) или на фронт. Участники подпольных организаций — обычно школьники старших классов или студенты-младшекурсники. Задачи, которые они

На самом деле российская война началась двумя годами ранее, в 1939 году, с пакта Молотова-Риббентропа, военной агрессии в Польшу и нападении на Финляндию, но об этом россияне вспоминать не любят. Война имела ужасные последствия: к концу погибло 30 миллионов советских граждан, умерли практически все мужчины первого поколения родившегося после революции. Несмотря на такие невообразимые жертвы, война, и в особенности победа превратилась из трагедии в патристический фетиш и символ предполагаемого превосходства и непобедимости России, сначала в послевоенном СССР, но в особенности сейчас, при Путине.

Сусанна Печуро, 1955. Из архива Алексея Макарова

Сусанна Печуро готовится к экзаменам после выпускного, 1956. Из архива Алексея Макарова

перед собой ставили, как правило, нисколько не соответствовали их реальным возможностям — ни больше ни меньше как перемена всей государственной политики. Развернуть свою деятельность они не успевали (далее разработки организационных принципов, обсуждения программ и изредка первых листовок дело, сколько мы знаем, не заходило); довольно быстро следовали аресты, жестокие допросы и расправа».

По этой короткой и трагической схеме развивались истории всех без исключения подпольных кружков, от большинства которых не осталось никаких сведений, кроме названия. Вот те названия, что известны мне: Коммунистическая партия молодёжи (Воронеж), Союз борьбы за дело революции (Москва), Армия революции (Москва), Рыцари удачи (Москва, Харьков), Всероссийский демократический союз (Москва, Воронеж), Общество свободы и правды (Москва), Юные ленинцы, Юные коммунисты, Молодая гвардия, Ленинская гвардия. И даже Всесоюзная партия против Сталина (Ульяновск). Были кружки в Ленинграде, Казани, Тбилиси, Челябинске и других городах. Некоторые организации, в частности, группа расстрелянного в 22 года Ростислава Лапицкого из Минска, имели не только левый, но и национально-освободительный характер.

Все подпольные «партии» существовали очень недолго и не столько благодаря умелой работе госбезопасности, сколько в силу того, что доноительство ещё с 30-х годов стало общепринятой нормой в советском обществе. Самым младшим заговорщикам, школьникам, иногда давали «детские» сроки — 3-4 года заключения. Однако, как правило, меры наказания начинались с 10 лет исправительных лагерей — и далее: до 25-ти лет и вплоть до высшей меры... Сусанна Печуро (ей 17-летней дали 25 лет) рассказывает историю про ребят 14-16 лет из «Общества свободы и правды»: «Мальчишки держались стойко. А приходя в общие камеры (в московской тюрьме Бутырка — А. Т.), обращались к находящимся там с вопросом: «А есть здесь учителя? Кто-нибудь может нас учить? А то ведь мы в школу не ходим...»

Самым жестоким образом расправились с «Союзом борьбы за дело революции»: организации, которая просуществовала всего несколько месяцев, приписали намерение покушаться на жизнь одного из видных сталинских прихвостней, Маленкова, и троих её лидеров, студентов 1 курса Слуцкого, Гуревича и Фурмана, в 1952 году расстреляли. Традиционный уже для русских радикалов вопрос о терроризме, действительно, стоял — хотя и в сугубо теоретическом ключе; как и раньше, подталкивала к нему безнадёжность ситуации. По словам одного из участников «Союза борьбы», Михаила Зараева, «всякая оппозиционная деятельность беспощадно каралась, и не существовало каких-либо легальных возможностей обратиться к широким слоям народа. В то же время непропорционально громадную роль в общественно-политической жизни играли фигуры нескольких „вождей“ во главе со Сталиным. Насильственное устранение подобной фигуры, в особенности же самого советского диктатора, могло существенным образом дестабилизировать бюрократический режим».

В марте 1953 года диктатор умер своей смертью (слишком поздно для многих), и режим, действительно, претерпел сильную трансформацию.

*Даниил Хармс, 1931, 1931, 1941.
Фотографии из его секретного
досье: в 1931 году до и во время
его первого ареста и в 1941
году, когда он был арестован
повторно*

Из серии «Stalin Test», Вагрич Бахчанян, 1981. © Pop/off/art gallery, Москва

Спустя ещё три года практически все выжившие подростки-подпольщики были освобождены из лагерей — хотя юридическая реабилитация некоторых из них случилась лишь в конце 80-х... Печально, но никто из этих прекрасных ребят впоследствии не стал видной политической или культурной фигурой; некоторые, правда, отметились в правозащитном движении и обществе «Мемориал». Да, это было «невыгодное» потомкам и, в каком-то смысле, бесплодное движение, и вопрос о его значении для новой российской истории спорен. Один из очень немногих исследователей антисталинского подполья, Вениамин Иофе, утверждал, что оно «оказало подспудное влияние на внутреннюю жизнь СССР»; многие могут возразить, что «детское» подполье (вспоминается «крестовый поход детей» Курта Воннегута) было слишком скоротечным и беспомощным, чтобы на что-то повлиять... Однако это не умаляет личный подвиг отчаянных ребят и только прибавляет ему трагизма. Мы не имеем права их забывать.

Ты помнишь, мой друг, наши споры горячие?
Мы счастье народу найти поклялись!
И кто б мог подумать, что нам предназначено
За это в неволе заканчивать жизнь?!
(...)
Борьба и победа! — наш славный девиз!
Борьба и победа! — слова эти святы!
В тридцатом году мы с тобой родились,
Жить начали в сорок девятом!

*(Анатолий Жигулин, КПМ; январь 1950,
тюрьма Министерства Госбезопасности, камера 2-левая).*

ВСЁ УТРО Я МОЛИЛАСЬ БОГУ,
ЧТОБЫ ДОЖДЬ НЕ ИСПОРИЛ МОЙ ТРАНСПАРАНТ

«Поганки», Кукурыниксы, Юрий
Иванов 1961 © РИА Новости

ЕРЕТИКИ И ЯЗЫЧНИКИ I:

Стиляги и фарцовщики советских шестидесятых

У Тома Стоппарда в пьесе «Рок-н-ролл», где события разворачиваются в тоталитарной Чехословакии 70-х годов, замечательно описаны две противоположные разновидности оппозиционной молодёжи. Одних Стоппард называет «еретиками»: это диссиденты и правозащитники; они стоят в пикетах, пишут письма протеста, раздают листовки, водят за собой шпигов из Госбезопасности. Вторые — «язычники»: хиппи и любители рока, аполитичные и антисоциальные, живущие своей автономной жизнью и никак не вписанные в систему. Вопрос: кто из них, язычники или еретики, более опасны и неприятны для власти? Казалось бы — конечно, первые; они же борцы с режимом! Однако автор словами главного героя приводит сильный контраргумент: да, но еретики и жрецы режима играют на одном поле и говорят на одном языке; более того, наличие еретиков оправдывает и подпитывает ту же службу безопасности! В то время как язычники для тоталитарной системы — «чёрная дыра», иная религия, совершенно непонятная, а оттого проблематичная в плане того, как с ней бороться! Вот и думай, откуда исходит большая угроза для коммунистических устоев...

Советская молодёжная сцена конца 40-х и 50-х годов проиллюстрировала тезис о еретиках и язычниках во всей красе. В качестве первых выступили подпольщики-антисталинисты: настоящие еретики при официальной церкви, своего рода юные «староверы» периода раскола — истовые хранители «истинных» коммунистических традиций. А «язычники» получили название «стиляги», от слова «стиль», и они вообще не интересовались политикой, тем более идеологией, а просто любили до упаду танцевать под нерусскую музыку. По иронии судьбы их субкультура, существовавшая параллельно с героическим подпольем, оказалась гораздо более заметной, влиятельной, долговечной и в итоге более вредоносной для советской системы, чем страстная борьба «еретиков»! Притом, что никаких деструктивных идеологических задач стильяги перед собой и не думали ставить.

Как это ни странно, изначальный импульс у беспечных стильяг и истовых антисталинистов был один и тот же — глоток свободы и самостоятельности первых послевоенных лет. Коктейль новых ощущений включал в себя и культуру, и моду, и всё то, что называется «стилем жизни».

Московские стилиги танцуют
твист, 1980 г. © Валерий Шустов
© МИА «Россия сегодня»

«Трофейная Япония, трофейная Германия —
Пришла страна Лимония, сплошная чемодания»,

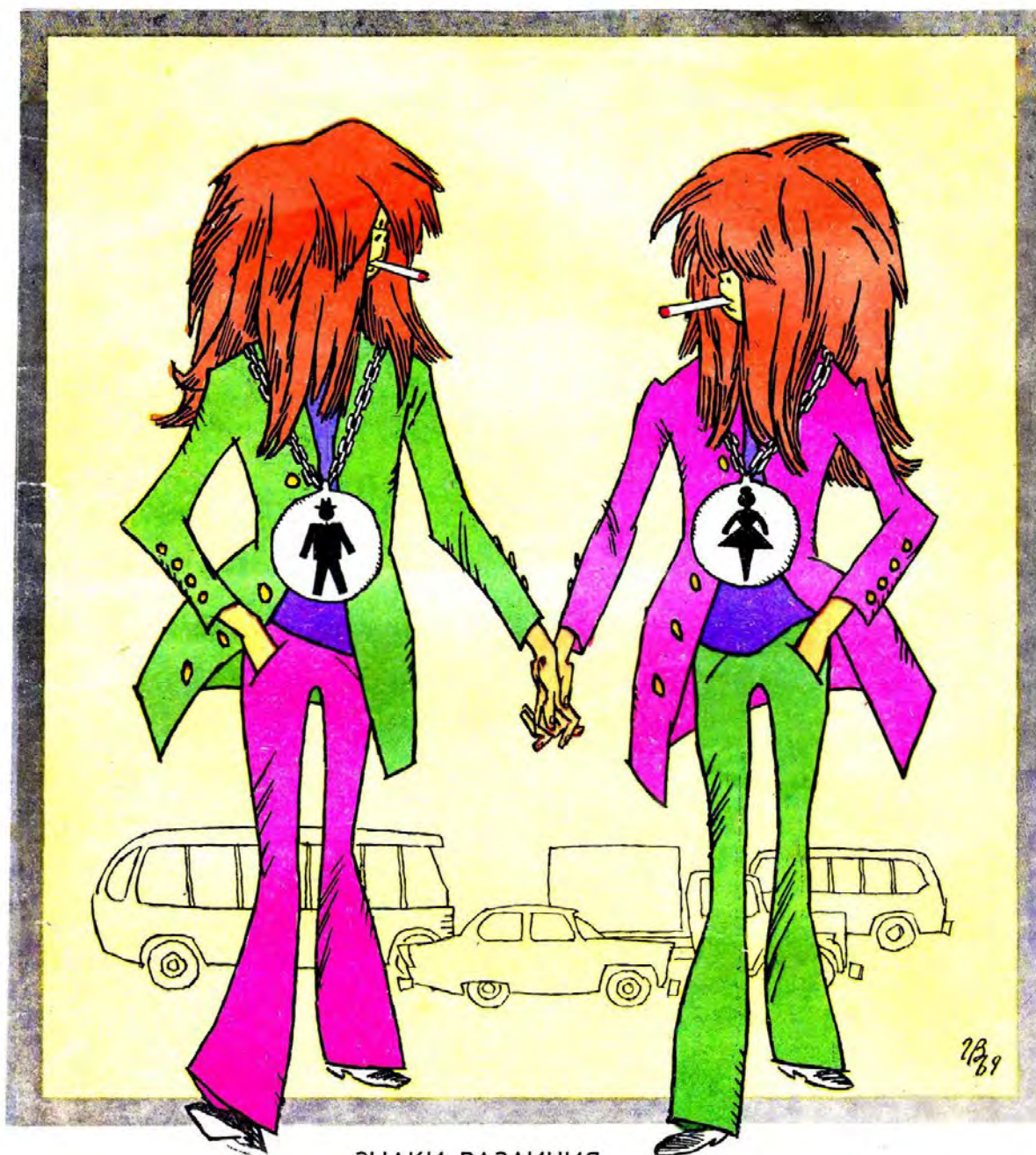
как пел о тех годах великий русский бард Владимир Высоцкий. С запада и с востока вместе с миллионами возвращающихся с войны солдат и офицеров в СССР хлынул поток иностранных вещей, в том числе одежды, граммофонов с пластинками, журналов. В советских кинотеатрах всю показывали голливудские фильмы, в ресторанах свинговали джазовые оркестры. Измученные войной и вдохновлённые победой люди с удовольствием отплясывали под заморские ритмы и выстаивались в очереди на фильмы типа американской «Серенады Солнечной Долины», английского «Джорджа из Динки-джаза» и немецкой трофейной «Девушки моей мечты». А потом это вдруг закончилось в одночасье! Упал Железный занавес, началась Холодная Война. На повседневной жизни городов Советского Союза это отразилось, в первую очередь, как «борьба с космополитизмом»: на всё иностранное, особенно западное, был наложен строгий запрет. Импортные кино и музыка были объявлены американской диверсией и немедленно вычеркнуты из репертуара. Джаз, танго и фокстрот поставлены вне закона. Доходило до полного абсурда: саксофон был осуждён как «буржуазный инструмент» и подлежал сдаче в пункты приёма (как, скажем, оружие). Некоторые умельцы научились распрямлять саксофоны, и их можно было выдать за кларнет... Народ по привычке согнулся под очередным ударом диктатуры, но часть молодёжи хотела продолжения банкета!

«В студенческом клубе был литературный вечер. Когда окончилась деловая часть и объявили танцы, в дверях зала показался юноша. Он имел изумительно нелепый вид: спина куртки ярко-оранжевая, а рукава и полы зелёные; таких широченных штанов канареечно-горохового цвета я не видел даже в годы знаменитого клёша; ботинки на нём представляли собой хитроумную комбинацию из чёрного лака и красной замши. Юноша опёрся о косяк двери и каким-то на редкость развязным движением закинул правую ногу на левую. Обнаружились носки, которые, казалось, сделаны из кусочков американского флага — так они были ярки. Он стоял и презрительно сощуренными глазами оглядывал зал. «А, стилига пожаловал! Почему на доклад опоздал?» — спросил кто-то из нашей компании. (...) «Какой странный юноша, — обратился я к соседу-студенту. — И фамилия странная: Стиляга — впервые такую слышу». Сосед рассмеялся: «А это не фамилия. Стилягами называют себя сами подобные типы на своём птичьем языке. Они, видите ли, выработали свой особый стиль — в одежде, в разговорах, в манерах. Главное в их „стиле“ — не походить на обыкновенных людей».

Эта длинная цитата — из фельетона некоего Д. Беляева «Стиляга», напечатанного в марте 1949 года в главном советском сатирическом журнале «Крокодил» под рубрикой «Типы, уходящие в прошлое». На самом деле, этот возмущённо-саркастический текст если не породил, то, по крайней мере, дал мощный дополнительный импульс целой новой субкультуре, пережившей не только сороковые и пятидесятые, но и сам Советский Союз. Слово «стиляга» если и не придумано автором фельетона (как иногда считают), то именно с его подачи вошло в обиход и стало объединительным термином для нескольких тысяч молодых горожан, стремившихся «не походить на обыкновенных людей». Первые стилиги появились в 1947–48 годах; идентифицировать их было максимально просто: в отличие от молодых подпольщиков, они не пытались конспирироваться, а, напротив, не стеснялись демонстрировать свою «отдельность» в полный рост. Благо, ничего политического в их вызове не было: стилиги были одержимы тремя невинными вещами — музыкой, танцами и одеждой.

Музыка — в первую очередь, американский свинг. Записи оркестров Гленна Миллера, Дюка Эллингтона, Каунта Бэйси. «Chattanooga Choo Choo» Гленна Миллера из спортивной кинокомедии «Серенада Солнечной Долины» считалась чем-то вроде неофициального гимна стилиг; по мнению современных исследователей этой субкультуры, песенка о поезде, уходящем в Чаттанугу, символизировала для стилиг мечту о далёкой и, увы, недоступной для советского человека Америке. Не уверен, что это было так глубоко. Неплохо относились стилиги и к популярным до войны, но запрещённым в сороковые фокстроту, слоу-фоксу, танго. Очень много подобной музыки на грампластинках было привезено из оккупированной Германии.

Танцы — это был любимый досуг стилиг; практиковался как на домашних вечеринках, так и в ресторанах, кафе, студенческих клубах. Некоторые считают, что слово «стиляга» произошло от выражения «танцевать стилем» — в отличие от общепринятых танцев типа польки или вальса. Главными стилями были «канадский», «атомный» и «тройной гамбургский».

ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ

«Знаки различия» Генрих Вальк, 1969

В ГОСТЯХ У ДОЧЕРИ

— Да что ты, мама, это же портрет твоего зятя!
Иван Семенов, 1974

«Бежал стилияга с Сахалина...», Е. Шукаева

Все изображения из Архива
советской карикатуры

«Где ж ты, удал молодецка,
Где ж ты, девичья краса?»
Валерий Мохов, Владимир Мочалов, 1974

В ходу были и американские названия — буги-вуги, джиттербаг, линди-хоп. В конце 50-х, уже на излёте феномена стиляг, появился рок-н-ролл. Я никогда не слышал жалоб, но мне кажется, здесь должна была существовать одна проблема: все танцы были парными, а стиляг-юношей по всем свидетельствам было в разы больше, чем девушек.

Одежда и причёски были не менее важны, чем у денди! Первые стиляги были похожи на персонажа из фельетона: широкие брюки или бриджи, шерстяные куртки — спортивный стиль. Очень ценились и вязанные свитера «с оленями». (Влияние всё той же «Серенады»). В пик движения, однако, вид кардинально поменялся, став очень похожим на английских тедди-боев: яркие длинные пиджаки, часто клетчатые или полосатые, и очень узкие короткие брюки. Плюс ботинки на толстой каучуковой подошве (у стиляг называлось «на манной каше») и длинные разноцветные галстуки. Популярны были и гавайские рубашки с экзотическими орнаментами типа tiki. Причёска — как у Тэдов — напомаженный взбитый кок (quiff), чёткий пробор, узенькие усики. Нетрудно представить, что взрывное обмундирование стиляг максимально и диаметрально контрастировало со стилем одежды нормальных советских людей — всегда серой, чёрной или тёмно-синей. Забавы и одежду стиляг дополнял особый стиль поведения.

Манеры: глядя на карикатуры — коих на стиляг было нарисовано великое множество — сразу обращаешь внимание на две характерные черты. Во-первых, надменно запрокинутая голова и взгляд на окружающих «свысока»; во-вторых, «развинченная» походка — не то танцующая, не то имитирующая проходку по подиуму. Алексей Козлов, известный саксофонист и экс-стиляга, пишет: «У стиляг было такое отработанное бессмысленное выражение глаз. Не потому, что мы придурки. Просто если бы мы обнажили свой взгляд, если бы смотрели, как мы чувствуем, — все бы увидели, как мы их ненавидим. За этот взгляд можно было поплатиться». Поясню, что «они» — это простые советские обыватели; на сленге стиляг — «жлобы». Чтобы минимизировать свои соприкосновения с чуждым миром неинтересных серых людей, стиляги собирались компаниями: на танцах; зимой — на катках (где тоже иногда звучала неплохая музыка); и круглый год — на «Бродвеех». «Бродвеем», или «Бродом» называлась одна излюбленная улица в каждом большом городе (в Москве — улица Горького, в Ленинграде — Невский проспект и так далее), по которой стиляги фланировали, знакомились, обменивались новостями и демонстрировали свои наряды. Шаг вправо, шаг влево с Брода — и ты уже среди жлобов...

Всех стиляг Алексей Козлов делит на три группы:

«Золотая молодёжь» — дети советской партийной, культурной и дипломатической элиты, «неприкасаемые» и имеющие доступ к запретному плоду — иностранным пластинкам, журналам, альбомам. Они же, располагая большими квартирами, постоянно устраивали частные вечеринки.

«Чуваки» — настоящие стиляги, любители музыки и западного шика. Обычно — дети из интеллигентных семей, но были и выходцы из рабочего

класса. Особенно Козлов выделяет «убеждённых чуваков» — стилиг, не заикнувшихся только на джазе, но интересующихся всей запрещённой в то время культурой — от Достоевского до художников-абстракционистов — и презирующих советскую систему.

«Пижоны» — просто модники без всяких убеждений. «Им было всё равно, какая там власть — лишь бы „покадрить чувих“ и провести хорошо время. И они особенно не рисковали», — по словам Алексея Козлова.

Несомненно, история стилиг стала очередной главой в саге о русских денди — хотя сами они вряд ли отдавали себе в этом отчёт. Все главные признаки дендизма были налицо: яркость и умение выделиться на общем унылом фоне, высокомерные и независимые манеры, ориентация на «передовые» иностранные веяния, особое внимание к «стилю» во всём... Однако были тут и новые чёрточки. Во-первых, очевидное: музыка и танцы, которые никогда прежде не становились в России важными элементами субкультур, если не считать популярных в среде молодых революционеров народных песен и революционных гимнов. Во-вторых — совершенно иной социальный и культурный статус послевоенных советских денди. Поясню: денди начала XIX века (и в России, и в Европе) были респектабельнейшими членами общества, любимцами высшего света; иногда они делали блестящую служебную карьеру — и отнюдь не вопреки своим экстравагантным манерам. Российские денди Серебряного века, при всём их эстетическом бунтарстве и жажде эпатировать, были реальными трендсеттерами своего времени: о них взахлёб писали, им подражали, их обожали меценаты и вся «прогрессивная» элита. Стилиги же были настоящими денди-изгоями: официоз их категорически отвергал, а «здоровое большинство» советского общества, включая и комсомольскую молодёжь, относилось к ним презрительно и насмешливо.

Преувеличивать степень риска и представлять стилиг героями антикоммунистического сопротивления — не вполне верно, на мой взгляд. Даже при жизни Сталина молодых людей не арестовывали и не сажали за «нерекомендованные» танцы или вызывающие пиджаки. Тем не менее борьба со стилигами велась — поскольку не могла не вестись в тоталитарном государстве против «инаковыглядающих». Газеты и журналы 50-х годов просто распирали от антистиляжной пропаганды — от насмешливых куплетов («Жора с Фифой на досуге/Лихо пляшут буги-вуги/Этой пляской безобразной/Служат моде буржуазной») до идеологических прокламаций («Последыши буржуазного эстетства утратили свою ответственность перед народом; они являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма»). На практике: известны случаи, когда «убеждённых» стилиг исключали из комсомола и отчисляли из учебных заведений, хотя нельзя сказать, что это было типично. Самым популярным и до сих пор памятным методом были облавы на стилиг силами так называемых «народных дружин». Их начали создавать из активных комсомольцев в начале 50-х для поддержания

Почтовая марка со спутником, 1957 г.

порядка и общественной морали на улицах советских городов; стилиаги нормам, разумеется, не соответствовали — и дружинники начинали их на месте стричь, заломив руки, а также разрезать особо узкие брюки снизу вверх ножницами. Всё прямо на улицах и в парках.

История стилиаг была весёлой и полной приключений, но в 1957 году по ней был нанесён фатальный удар. Тем летом в СССР, едва ставшим открываться для остального мира, прошёл Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. В страну впервые за десятилетия хлынул поток настоящей иностранной молодёжи — и американской в том числе. Для стилиаг это было и сбывшейся мечтой, и крушением иллюзий: оказалось, что они со своими попугайскими костюмами, атомными фокстротами и ритмами биг-бэндов отстали от реальной западной моды на десять с лишним лет! Как говорит в фильме «Стилиаги» (очень рекомендую, кстати) вернувшийся из США молодой человек своему московскому другу-стилиаге — «В Америке нет стилиаг!» Тот отвечает ошарашенно, но достойно: «Но мы-то есть!..» На самом деле к концу 50-х годов стилиаг в СССР практически не стало.

Можно сказать, что стилиаги победили, пересилили советскую власть: сам Хрущёв заявил на очередном пленуме Компартии, что пора нашей текстильной промышленности освоить производство узких брюк — тем более что это экономит материал, а председатель комсомола Шелепин произнёс знаменитую фразу «комсомолец имеет право носить узкие брюки!» Вся молодёжь стала одеваться, как бледные копии стилиаг, и поэтому настоящим стилиагам стало скучно. «Золотая молодёжь» и «пижоны» нашли себе новые моды и увлечения, а «убеждённые чуваки» раскололись на две враждебные фракции — «штатников» и «битников». Штатники остались верны джазу, но переключились на более модные би-боп и cool jazz; они носили двубортные костюмы, плащи и фетровые шляпы. Битники остались верны танцам — но теперь это был рок-н-ролл; а одевались они в голубые джинсы и чёрные водолазки. И тех, и других было настолько мало, что даже саатирики из «Крокодила» их не замечали. А большая часть модной молодёжи подписалась на новый «оттаявший» советский шик — мы запустили спутник и готовились обогнать Америку!

Пожалуй, стилиаги — самая обаятельная из русских субкультур XX века. И самая очевидная. У неё имеются точные аналоги на Западе. С одной стороны, знаменитые немецкие свингеры конца 30-х годов: здесь точнейшее совпадение, вплоть до любимой музыки и тоталитарных гонений. С другой — ранняя американская гей- и диско-культура начала 70-х: изгойская, аполитичная и тоже построенная на танцах и эпатажной одежде. Для России стилиаги важны потому, что они были первыми, и потому, что они оставили после себя ощущение возможности весёлого праздника в мрачное время: если они смогли тогда, то что ж нам унывать сегодня? Ещё они оставили свой сленг (смесь английских слов и еврейского музыкального жаргона), по-прежнему актуальный, хоть и в урезанном виде. А также уникальную подпольную индустрию производства пластинок из рентгеновских снимков — так называемые «диски на костях» или «скелет моей бабушки». И больше, боюсь, они не оставили ничего — ни литературы, ни

живописи, ни — даже! — музыки собственного сочинения. И в этом смысле, увы, нельзя не согласиться с правоверными критиками стиляг, обвинявших их в тотальном эпигонстве; вся культура их была подсмотренной, подслушанной, заимствованной. Почему — не знаю. Хотя, возможно, именно эта поверхностность, очевидная декоративность спасла многих стиляг от арестов, а само движение — от разгрома.

Мои родители (они родились в 1928 году) теоретически могли бы стать стилягами первой волны — но не стали. Они учились на историческом факультете МГУ и не увлекались танцами. «Как вы относились к стилягам?» — спросил я их однажды, когда писал книгу о советской рок-музыке (которая как раз начиналась с главы про стиляг). «Мне они были неинтересны, я их толком и не видел никогда», — ответил отец. «Мы их презирали», — сказала мама. «Почему?» — «Мы считали их пустышками — людьми, вся жизнь которых сводилась к тряпкам и танцам. А как же литература, философия, политика?» Позицию мамы и папы, странным образом совпадающую с официальной, я хорошо понимаю. Но про себя знаю точно: родился я вовремя, был бы стилягой. «Свобода, музыка, тряпки!» — чем не программа? И, кстати, о «пустышках»: бросив танцевать, многие из этих ребят впоследствии стали прекрасными писателями, поэтами, актёрами, музыкантами. Но не политиками, это факт.

VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве, 1957 год. Москва. Делегация Великобритании во время фестивального шествия. Фото Валентина Мاستюкова и Александра Конькова © Фотохроника ТАСС

Чёрный рынок

Подходящий аппендикс к славной теме стилинг — фарцовщики. Тоже, несомненно, своеобразная субкультура — с ярко выраженным коммерческим уклоном. Считается, что русское жаргонное слово «фарцовщик» происходит от английского «for sale». Я сомневаюсь. Первопроходцы фарцовки были стилигами, и они ничего не продавали и не покупали, а старались выменять у редких в то время в СССР иностранцев какие-то интересные для них штучки — предметы одежды, журналы, пластинки. Но очень скоро — с конца 50-х годов — эта практика приобрела иной характер и иной масштаб. С одной стороны, дресс-код молодого советского человека стал намного либеральнее: стилигами-light стали если не все, то большинство. С другой — в приоткрывшейся стране появилось много иностранцев — туристов, студентов, бизнесменов. Спрос породил предложение: возникла частная индустрия по добровольному отъёму модных вещей у иностранцев и перепродаже их (задорого) нашим гражданам. Рисковых работников этой индустрии — подпольной, разумеется, — называли фарцовщиками.

Гражданин США, обвиняющийся в незаконной торговле валютой и краже художественных произведений из ленинградской гостиницы, дает показания во время судебного заседания, 1960-е © РГАКФД

Фарцовщики унаследовали некоторые черты стилинг: они модно одевались и ухоженно выглядели, владели азами иностранных языков и кое-что знали о западной культуре — в основном имена поп-звезд и названия популярных брендов одежды. Но главными их чертами были предприимчивость, меркантильность и необычайная, даже навязчивая, общительность. Трудовой процесс фарцовщика состоял из двух этапов: первый, самый рискованный, назывался «утюжить фирму» и состоял как раз в экспроприации интересных вещей у гостей СССР. Фарцовщики атаковали иностранцев в гостиницах, около туристических автобусов, в барах и даже музеях. Им предлагались фотоаппараты, русские сувениры, меховые изделия, водка и икра, а также нормальные советские деньги — но по курсу гораздо более выгодному, чем в официальных обменниках. Второй этап: продажа добытого на чёрном рынке. Рынка как такового, с прилавками и крышей, естественно, не было — но были перекупщики, страждущие знакомые и даже комиссионные магазины.

Фарцовка имела географическую специфику: в портах (Рига, Таллинн) её главным объектом были моряки; в Ленинграде — финские туристы, приезжавшие в город на дикие уикенды в обход сухого закона; в Москве — дипломаты, корреспонденты, бизнесмены. Со многими иностранцами — особенно студентами, учившимися в СССР, — предприниматели устанавливали постоянную связь, и те привозили «под заказ» вещи совершенно не туристического ассортимента — электронику и пластинки. Я сам был активным игроком музыкального чёрного рынка и могу сказать, что объём контрабанды был впечатляющим: знал я несколько квартир в Москве, которые выглядели, как настоящие магазины с хорошим ассортиментом! Власти пытались бороться с этим и в 70-е годы, разгар «золотой эры» фарцовки: открыли государственную сеть магазинов «Берёзка», где официально за валюту продавали дефицитные импортные товары — но,

«Пластинки на костях», конец
1940-х начало 1950-х © X-Ray
Audio Project
Череп: Tell me girls
Позвоночник: Black Eyes

кажется, это только подхлестнуло интерес к самой криминальной и рискованной разновидности фарцовки — торговле долларами.

Опасности подстерегали фарцовщиков повсюду — в первую очередь, в момент контакта с иностранцами. Вся их деятельность была незаконной и квалифицировалась в советском уголовном кодексе под статьёй «спекуляция». Фарцовщиков ловили сотрудники КГБ, милиционеры, охранники отелей — и... как правило, отпускали. Но не просто так: офицеры Госбезопасности брали у пойманных обязательство пополнить армию осведомителей, а милиционеры просто брали взятки. Так же цинично был устроен бизнес на иностранцах у прекрасной половины — так называемых «путан» или валютных проституток. Они работали в гостиницах, деньги от клиентов получали в валюте (срок заключения — до 17 лет) и были абсолютно уязвимы. Поэтому все они регулярно писали отчёты в КГБ, периодически получали деликатные задания (как правило, скомпрометировать кого-то в целях шантажа), а с гостиничной охраной делились заработком... Не удивительно, что единственный громкий процесс над фарцовщиками-валютчиками, случившийся по личному приказу Хрущёва в 1960-1961 годах (и закончившийся расстрелом), выявил, что из троих осуждённых как минимум двое, включая главу группы, были тайными осведомителями.

Никита Хрущёв выступает
в ООН, 1968 г. © Getty Images

Эта кровавая история заслуживает отдельного упоминания, поскольку стала первым (и последним) случаем в истории, когда тема фарцовки вышла на самый высокий государственный уровень. Считается, что первыми оповестили членов Политбюро о валютчиках американские «друзья СССР», пожаловавшиеся премьеру Анастасу Микояну на модно одетых молодых людей, атаковавших их у отеля «Националь» с предложением обменять доллары на рубли по весьма привлекательному курсу. Но роковой для подпольных бизнесменов час пробил, когда в декабре 1960 года в публичном интервью Никиты Хрущёва в Западном Берлине один из журналистов (по другой версии, американский дипломат) в ответ на критику советским лидером «берлинских спекулянтов» ехидно заметил, что такого гигантского чёрного рынка, как в Москве, нет нигде в Европе. Понятно, почему Хрущёв был так взбешён — наличие чёрного рынка и его жрецов-фарцовщиков не только подрывало экономику СССР, но и — а это уже идеология! — прямо намекало на преимущество западных товаров перед советскими. Вернувшись домой, он немедленно затребовал от шефа КГБ Александра Шелепина отчёта о борьбе с фарцовкой, где обнаружил недавно завершённое дело короля московских валютчиков 33-летнего Яна Рокотова, посаженного вместе с двумя молодыми помощниками на 8 лет. Мягкость наказания вновь возмутила Хрущёва и он, вопреки всем нормам правосудия, добился того, чтобы дело было пересмотрено и приговор доведён до «вышей меры» — расстрела.

Экстремальные меры никак не повлияли на тягу советских людей к контрабанде и валюте, а, следовательно, и чёрному рынку. История расстрелянных валютчиков обросла множеством романтических и апокрифических деталей (от чемодана с 1,5 миллионами долларов, который якобы нашли у Рокотова, до слухов о том, что в Западной Германии его номини-

Магазин «Берёзка», г. Сочи

нировали на Нобелевскую премию по экономике); у гостиниц, общежитий иностранных студентов и посольств встали новые бойцы фронта нелегальной внешней торговли. Наряду с наиболее предприимчивыми карьерными КГБ-шниками и комсомольскими лидерами, крупные фарцовщики стали главной опорой класса новых русских капиталистов. Причём, если первые, пользуясь своими партийными и государственными связями, максимально выгодно (мягко говоря) приватизировали заводы, землю и недвижимость, то вторые использовали знания иностранных языков и навыки реального (в прошлой жизни — нелегального) бизнеса для налаживания контактов в области финансов и торговли. Я лично знаю нескольких крупных российских банкиров, прошедших школу чёрного рынка. Не сомневаюсь, что родился Ян Рокотов на 20-30 лет позже, владел бы он сейчас московским «Динамо», а может быть, и «ФК Барселона». Редкий случай, когда субкультурный бэкграунд помог преуспеть на сугубо материальном поприще.

Фарцовка в Советском Союзе продолжалась вплоть до самого распада империи в 1991 году, когда иностранная валюта стала общедоступной, и в страну хлынул поток импортного всего. Свои субкультурные функции она утратила намного раньше: на моих глазах происходила трансформация кустарной «романтической» фарцовки в обычный гангстерско-ментовской бизнес. Я помню, в начале 70-х «утюгов» (так ещё звали фарцовщиков — в Москве, по крайней мере) среди общей толпы центровых модников и хиппи всегда можно было узнать по тому, как они носят одежду. Они всегда ходили строго, как манекены по подиуму, и очень боялись присесть — чтобы не помять свои джинсы, майки и пиджаки, которые они были готовы в любой момент в ближайшем подъезде снять с себя и продать. Это было очень трогательно. А из фарцовщиков последнего поколения, циничных и коррумпированных, вышли многие российские олигархи и мега-бандиты девяностых и нулевых годов.

Дэвид Боуи в Москве, 1973 г.
Фото: Джеффри Маккормак

«По прибытии в Сибирь, чтобы сесть на Транссибирский экспресс, нам дали список того, что можно и чего нельзя делать, что мы могли и что мы не могли фотографировать, поэтому Дэвид нарушил целый свод правил, снимая это событие, учитывая количество военной техники на параде. Вот почему он выглядит немного скрытным».
Джеффри Маккормак

ЕРЕТИКИ И ЯЗЫЧНИКИ II:

Диссиденты, шестидесятники и музыка за Железным занавесом. 1960-1980

В шестидесятые годы XX века история российских молодёжных движений и культов вступила в новую фазу, которую справедливо можно было бы назвать «глобалистической». Бросим взгляд назад: дендизм, безусловно, был общеевропейским трендом, подхваченным в России. Но всё остальное, что у нас происходило с молодёжью и её увлечениями, было окрашено в цвета национального своеобразия: где ещё вы найдёте народников и разночинцев, большевиков и шестидесятников? Даже стилиаги, при всём их эпигонстве, были детьми Железного занавеса и от своих ровесников на остальной планете отличались довольно основательно. Во время хрущёвской оттепели сверхдержава СССР, хотели того её руководители или нет, стала частью мирового информационного пространства — проблемной, приглушённой, но всё же частью. И главным агентом проникновения в некогда закрытую страну стала, как это ни странно, музыка.

Музыке вообще очень повезло во второй половине XX века: фактически она стала таким же медиумом, энергетической и интеллектуальной (что уж совсем удивительно!) «точкой силы» молодёжной среды, какой в предыдущем веке была литература и поэзия, а сейчас, наверное, стал Интернет. К этому привело счастливое стечение событий и открытий в самых разных сферах: развитие индустрии звукозаписи и изобретение электроинструментов, падение расовых барьеров внутри музыки; талант и отвага молодых артистов и рост молодёжного самосознания. Последнее непосредственно связано с прорывом в экономической (правильнее было бы даже сказать «психоэкономической») сфере: впервые в истории нашей цивилизации возник и громко о себе заявил молодёжно-подростковый (то, что называется словом «teen») рынок! Сначала в богатых США, а вскоре и в Европе молодые люди ощутили себя достаточно финансово самостоятельными, чтобы самим решать — что им покупать, что носить и что слушать. И так получилось, что основная линия разделения на «молодёжное» и «взрослое» (весёлое и скучное, cool и uncool...) прошла по фронтам музыки и одежды. С одной стороны — рок-н-ролл и джинсы, с другой — Синатра и костюмы. В СССР, где всегда особенно гордились монолитностью общества и тем, что «у нас нет проблемы «отцов и детей», раскол поколений с очевидностью обозначился в середине 60-х.

Советские пластинки The Beatles и Middle of Road выпущенные фирмой «Мелодия», 1986

Главными носителями культурной глобализации и катализаторами generation gap в СССР стала английская поп-группа The Beatles, сыгравшая в жизни советской молодёжи не меньшую роль, чем лорд Байрон — в жизни и творчестве романтических русских дворян начала XIX века. Почему именно The Beatles? Прочитую собственную старую книгу «Back in the USSR: The true story of rock in Russia»: «Известная фраза „They must be Russians“ прекрасно подходила бы им, и это доказала феноменальная отзывчивость нашей молодой публики. Счастливые и совершенно натуральные голоса Beatles, слившиеся в гармоничном хоре, оказались именно тем „своим“ голосом, которого так ждало наше мятущееся новое поколение, но не могло само придумать (...) Затем, у Beatles были мелодии. Для русского уха это необходимо. (...) Часто и от разных людей я слышал: Beatles попали в „десятку“! Да, у них было всё, и если вы хотите почувствовать, в чём страшно нуждались миллионы молодых сердец в России, то достаточно послушать „She loves you yeah yeah yeah!“ Радость, ритм, красота, спонтанность... Одним словом, любовь». Поклонников Beatles называли «битломанами»; поначалу казалось, что речь идёт о новой версии стиляг — только с длинными волосами вместо коков и кителями-«битловками» (без лацканов, в индийском стиле) вместо клетчатых пиджаков. Однако вскоре обнаружились две принципиальные разницы: в количестве и качестве. Битломанов было на порядки больше, чем стиляг — счёт шёл на сотни тысяч, а возможно, и миллионы. И им недостаточно было только слушать и танцевать под любимую музыку — они хотели играть и петь сами!

Beat Invasion в СССР проходил массово, но в партизанских условиях. Никакой модной англо-американской музыки — ни Beatles, ни Rolling Stones, ни Beach Boys, никого — в официальных источниках (радио, ТВ, магазины) не существовало. Услышать западных кумиров можно было или на коротких волнах радио («Голос Америки», «Би-би-си» и т. д.), или на пластинках с чёрного рынка, стоивших баснословных денег, или — с магнитофона. Магнитофоны, появившиеся в широкой продаже в начале 60-х, стали вторым, наряду с The Beatles, инструментом музыкальной революции в СССР. Интеллигенция слушала на них «антисоветские» песни бардов Галича, Кима, Высоцкого, а прогрессивная молодёжь — рок-музыку, которую тогда у нас называли «биг-бит». Наверное, если бы советские идеологи и КГБ знали о таких последствиях, производство магнитофонов в стране запретили бы. Но было поздно. Авангард армии битломанов составляли бит-музыканты, и им было труднее всего: электрогитары они сами выпиливали из дерева, а ради всего остального приходилось заниматься вандализмом. Из звуковых систем кинотеатров выламывались динамики для гитарных и вокальных колонок; тысячи роялей подвергались насилию, чтобы достать струны для бас-гитар. Шутка ли — в одном «Московском Бит-клубе» в 1969 году было зарегистрировано 263 группы. Аналогичные процессы происходили в Ленинграде и повсюду.

Бит-группы были преимущественно студенческими, выступали на танцах и вечеринках, властями никак не преследовались, записей после себя

А ТЕПЕРЬ О «ЖУКАХ»

Кто же они, эти загадочные «жуки», имеющие такую фантастическую популярность? — спросит читатель. Увы, это всемирноизвестный английский астрадный ансамбль «Битлз» (жуки), состоящий из четырех человек — Джорджа Харрисона, Пола Маккартни, Джона Леннона и Ринго Старра. Трое с гитарами, один ударник — и все четверо... чуть было не сказал — поют! Трудно себе даже представить, какие звуки издают эти молодые люди под собственный аккомпанемент, какое содержание в этих опусах. Достаточно сказать, что одна из их песенок называется «Катись, Бетховен!».

Когда «битлз» испускают свои тивистовые крики, молодежь начинает визжать от восторга, топтать ногами и свистеть. Тысячи американских подростков так подымают своим любимцам, что тех еле слышно, несмотря на усилители. Поклонницы, сидя в партере, так сильно дергаются в ритме тивиста, что часто впадают в обморочное состояние и просто валятся с кресел.

Обслуживают «жуков» 12 служащих — «пчел», пятеро из них ведут корреспонденцию. Есть пчела-фотограф, есть редактор, выпускающий ежемесячный журнал «Битлз»...

Бедные наивные «жуки»! Вы, на-

верно, твердо уверены в том, что все это — слава, бешеные деньги, рева и визг поклонников, визиты к королям — все это навсегда и по заслугам. Но готов биться об заклад, что пролетят аж еще год-полтора, а потом появятся молодые люди с еще более дурацкими прическами и дикими голосами, и все кончится!..

И придется вам с трудом пристраиваться в маленькие провинциальные кабачки на временную работу или идти «пчелами» к новым «жукам»...

А вот что касается Бетховена, того самого, которого вы в вашей песенке так настойчиво призывали «катиться», то за него, я думаю, можно быть спокойным.

Р. С. Если вы заметили, дорогой читатель, у меня в заголовке к слову «жуки» произвольно добавили эпитет — навозный, но мне почему-то кажется, что вы не осудите меня за эту вольность. Тем более, что по этому поводу мы вам кое-что объяснили.

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

«Жуки» прибыли в Соединенные Штаты. Карикатура из газеты «Нью-Йорк геральд трибюн».

не оставили. И это не беда, поскольку репертуар их состоял почти исключительно из перепевов любимых песен западных артистов; в каком-то смысле, в отсутствие импортных пластинок и дискотек (первую из них я запустил в Москве только в 1972 году), они играли роль живых музыкальных автоматов для страждущей молодёжи. Если не считать впечатляющих масштабов, то всё это очень походило на прямое продолжение эпопеи стиляг: музыка, танцы, веселье, кайф, крутое шмотье... максимум волнующей формы и никакого содержания! Поверьте мне, большинство наших тогдашних бит-групп почти не понимали, о чём они поют: английского языка не знали и песни «снимали» чисто фонетически. Я даже помогал нескольким московским группам — писал для них английские тексты песен русскими буквами... Но вскоре, на рубеже десятилетий, подобие содержания у бит-праздника всё же появилось — синдром стиляг был преодолен! — и оказалось оно ещё более экзотическим, чем форма.

В советской истории 70-е годы считаются классическим периодом «застоя»: стареющее руководство во главе с неинтересным Брежневым; без достижений, но и без провалов; население озабочено поиском дефицитных продуктов и прочих материальных ценностей. Молодёжная жизнь, напротив, была активной и совершенно автономной от «взрослой» повестки дня. Главенствовали два взаимосвязанных фактора: феноменальная популярность западной музыки, где к року добавилась диско-музыка и всякая экзотика вроде итальянской эстрады, и новая альтернативная идеология, которой стал хиппизм.

Фельетон о The Beatles в «Литературной газете», декабрь 1964

Официоз, в первую очередь комсомол и Министерство культуры, всеми силами пытались обуздать музыкальную волну: появился «идеологически правильный» суррогат рок-групп — так называемые ВИА (вокально-инструментальные ансамбли), исполнявшие оптимистичные советские песни, но в модной «электрической» аранжировке. Звукозаписывающая монополия «Мелодия» начала выпускать по лицензии наиболее безобидные западные пластинки (ABBA и т. д.); Клифф Ричард, Boney M и Элтон Джон были допущены на гастроли. Вообще, ставка явно делалась на развлекательные и «позитивные» поп и диско в пику «деструктивному» року. Мощным порождением музыкальной одержимости в СССР стало так называемое «дискотечное движение»: свои дискотеки появились в тысячах Домов культуры, студенческих клубах, даже на заводах и в сёлах. Комсомол быстро взял над ними шефство, ввёл свою цензуру и сделал всё, чтобы записать «новую форму досуга молодёжи» в свой идеологический актив. Типичная советская дискотека выглядела следующим образом: сначала шла «тематическая часть», где диджеи под свою любимую музыку (обычно Pink Floyd или какой-то ещё прог-рок) вели политическую пропаганду в духе «юность обличает империализм» — рассказывали об американской агрессии, английских безработных, французских забастовщиках и показывали слайды с бомбёжками и бездомными. После часа политической информации начинались долгожданные танцы, но и тут всё было не так просто: плейлисты диджеев писались в соответствии с квотами, где львиную долю составляла музыка советская и «братских социалистических стран» и лишь 5-10% репертуара могло приходиться на лакомую западную продукцию... Я побывал на десятках таких грустных вечеринок, собирая материал для своей кандидатской диссертации, которая называлась (сейчас об этом смешно вспоминать, конечно) «Социальная эффективность дискотек».

Парадоксально, но факт: хиппи в СССР появились во многом благодаря государственной пропаганде. Для советских массмедиа американские хиппи были очень выгодным, идеологически рентабельным объектом. С одной стороны, они протестовали против войны во Вьетнаме, сжигали повестки в армию и вообще были настроены против капиталистического истеблишмента; молодцы. С другой, они дико (на вкус наших обозревателей) выглядели, публично употребляли наркотики и предавались разврату — что идеально иллюстрировало процесс разложения западного общества. Соответственно, в конце 60-х в советской прессе и на телевидении стало появляться множество таких «кисло-сладких» репортажей про пугающих западного обывателя бунтарей с волосами до пояса, бусами и антивоенным знаком на груди и косяком во рту. Не предусмотрели довольные агитаторы-международники только одного... Образ хиппи оказался для советской молодёжи невероятно привлекательным и тут же стал образцом для подражания!

Хиппизм был невероятно силён в СССР всю первую половину 70-х годов и постепенно утратил актуальность к началу 80-х. Применительно к Западу часто говорят «движение хиппи»; наши хиппи никуда особо не двигались, больших целей перед собой не ставили — это была субкультура в

Совесткие хиппи, 1978 г. Из «пи-плбука» от Саши Художника, Александра Иосифова. Из архива автора

чистом виде. Несмотря на разительные отличия в антураже, очень много общего было со стилями — не удивительно, что Алексей Козлов, один из самых известных стилистов, с той же истовостью ударился в эстетику хиппи. Главное сходство: провоцировать обывателей-жлобов-совков, радикально выделяться на фоне серой массы. Главное средство: вновь — одежда и музыка (танцы отошли в прошлое). Музыка — исключительно западная (к Северной Америке прибавилась Британия); обмундирование — импортное. И ещё одно сходство: так же, как у стилистов, идеология советских хиппи (по крайней мере, того раннего периода) не имела глубоких гуманитарных корней и была построена почти исключительно на музыкальном фанатизме и шмоточном фетишизме. Я имею в виду то, что имена вроде Тимоти Лири, Кена Кизи или Герберта Маркузе были абсолютно неизвестны нашим хиппи (пожалуй, единственным гуру русских хиппи стал американский поп-мистик Карлос Кастанеда — и то его книги стали проникать в страну лишь в 80-е годы). Вся идейная подоплёка советского хиппизма сводилась к нескольким простым, но сильным постулатам: быть против войны; заниматься любовью много и свободно; балдеть от музыки; одеваться и вести себя так, чтобы простым гражданам было дурно. Про наркотики тоже все слышали, но они были тогда не очень распространены, а самый знаменитый и пресловутый ЛСД и вовсе невозможно было достать. Слэнг хиппи тоже напоминал стилистический, но был обширнее — за счёт большого количества переделанных английских слов. Вместо «чувака» и «чувихи» стали «мэн» и «герла», вместо «Бродвея» — просто «Стрит», вместо «хата» — «флэт». Исключительно популярным стало также слово «фак». В

традиции остались и постоянные места сбора и прогулок с товарищами по культу, только у хиппи их было больше: помимо Стрита, в Москве были ещё Шизовник, Квадрат и Маяк — скверы и площади в центре города, где весь день хиппи сидели, курили, обменивались вещичками и мирно общались.

Было в истории советских хиппи и что-то новое и невиданное. Во-первых, масштаб: пожалуй, из всех «интернациональных» субкультур, в нашу страну когда-либо проникавших, хиппи 70-х были самой многочисленной. Когда Юрий Шевчук с группой ДДТ поёт «У нас в деревне тоже были хиппаны», он не преувеличивает. Конечно, была хипповая элита, так называемые «центровые» или «система»; были даже неформальные вожаки (скажем, Юра Солнце в Москве или Гена Зайцев в Ленинграде); были популярнейшие хиппи-музыканты — но, помимо этой верхушки айсберга, хипповый стиль (волосы, музыка, брюки-клёш, слэнг) проник повсюду. И бороться, как со стилями, с ним было невозможно. Хотя вялое противостояние — аресты за антисоциальное поведение и насильственная стрижка — иногда случалось; в основном в провинции. Далее, хиппи были очень мобильны — особенно в летний период. Популярнейшим спортом был автостоп. Ездили наперегонки большими компаниями в двух направлениях: Прибалтика, где было «западно» (в столице Эстонии, Таллине, находилась культовая «Горка» — зелёный холм в центре города, место сбора хиппи со всей страны) и Крым, где было просто тепло. Следующее отличие: хиппи довольно активно занимались творчеством, хотя ничего выдающегося и не создали. Тысячи групп по всей стране играли Джими Хендрикса, Сантану, Deep Purple и т. д. Было немало хиппи-художников, в основном сюрреалистического уклона — некоторые из них участвовали в знаменитой выставке на открытом воздухе в Измайлове в 1974 году. Но превалировало прикладное искусство: множество хиппи зарабатывало себе на жизнь шитьём модной и шокирующей одежды и изготовлением украшений. Шили и для друзей, и для продажи на рынке. Кстати, в гендерном отношении баланс у хиппи был идеальным: я не припомню ни одной другой субкультуры в России, тем более музыкально-ориентированной, где девушек и юношей было бы примерно поровну.

Отношение хиппи к советской стране и её текущей культуре было или никаким, или презрительно-отрицательным. Существовали исключения, буквально единичные: фильмы Тарковского, проза Аксёнова и Стругацких, Театр на Таганке. Всё остальное отечественного производства, от обыва до искусства, отправлялось «в игнор». Это была внутренняя эмиграция в чистом виде, и нередко она заканчивалась внешней. Я помню, именно тогда, в середине и второй половине 70-х, мои друзья и знакомые, в том числе известные «подпольные» музыканты, начали потихоньку уезжать из страны — некоторые по израильским визам («еврейская жена не роскошь, а средство передвижения»), некоторые — женившись или выйдя замуж за иностранных граждан. Ещё одна формула, переделанная из известного советского литературного лозунга, гласила: «Жизнь даётся человеку один раз, и прожить её надо ТАМ». Впрочем, всё вышесказанное относится к «убеждённым» хиппи, а были ещё и миллионы хиппарей-light, которые по поводу советской власти не переживали и лояльно относились к

Борис Гребенщиков, Ленинград, 1986 г. Фото: Игорь Мухин

«официальным» суррогатам рок-культуры, будь то весёлые ВИА, бит-мультфильм «Бременские музыканты» или отечественные ботинки на платформе — хотя предпочитали всё-таки такие, как у Дэвида Боуи.

Вопрос о влиянии хиппи на русскую жизнь и их вкладе в нашу культуру — спорный. На внутреннюю политику государства наши «хиппаны», в отличие от советских диссидентов и американских хиппи, не повлияли совершенно. Протест их был несформулированным, неорганизованным и для власти непонятным; кроме лёгкого раздражения, ничего не вызывал. В художественном плане ничего выдающегося хиппи 70-х не создали — тысячи кавер-бендов и рукодельные «фенечки» не в счёт. Вспоминаю, разве что, прелестную пьесу Бориса Гребенщикова «В объятиях джинси», сочинённую в 1972 году и юмористически описывающую быт советских хиппи во всём его многообразии, включая стукачей и фарцовщиков. Вообще, если говорить о русской хиппи-культуре, то Гребенщиков (или просто БГ, как его традиционно зовут у нас), блестящий рок-автор и лидер 40-летней группы «Аквариум» — её несомненный и едва ли ни единственный столп. Все остальные творческие хиппи, поэты и художники, боюсь, не вышли за пределы субкультурной маргинальности.

Но это и не так важно! На мой взгляд, самое главное и по-настоящему удивительное в феномене советского хиппизма — то, что вызывающе альтернативная, стопроцентно «языческая», по Стоппарду, субкультура приобрела реально массовый характер и на какое-то время (примерно 1972-1975 годы) стала едва ли не нормой образа жизни самых, что называется, широких слоёв молодёжи! В советской практике это было в первый и последний раз, и то, что такое в принципе стало возможно, очень многое говорит о крайней шаткости моральных и социальных устоев позднесоветского общества, и отчасти объясняет то, с какой лёгкостью и скоростью эти устои обрушились в следующем десятилетии.

Измайловская выставка, 1974 г. Фото: Владимир Сычёв

Шестидесятники и диссиденты

Чисто русское понятие «интеллигенция» западному термину «интеллектуал» тоже не вполне соответствует. Смысл «интеллектуала» довольно прозаичен: высокообразованный человек, занимающийся умственным трудом. «Интеллигент» тоже хорошо образован (в советское время существовало выражение «рабочая интеллигенция», но это была, скорее, журналистская условность), однако это лишь необходимое, но далеко не достаточное условие для получения почётного звания. Помимо знаний и профессиональных навыков, должен быть соблюден и определённый морально-этический кодекс. На повестке дня настоящего интеллигента, будь он правым либералом или левым социалистом, должны быть честность, сочувствие к ближнему, озабоченность (или хотя бы равнодушие) проблемами страны, забота о нравственности и тому подобные характеристики, отличающие его от умных, но бездушных «интеллектуалов». При всём их идеализме, эти качества во многом происходят от демократов-реалистов и их неистребимого рвения о народном благе. Замечу, что власти предрасположены в России, как правило, интеллигенцию тихо или открыто ненавидели, видя в ней пусть и не фатального, но шумного и неприятного врага своих государственных свершений. Цари считали интеллигенцию рассадником всякой смуты; Ленин (сам сертифицированный интеллигент) однажды в сердцах назвал её «говном нации»; Сталин интеллигенцию методично уничтожал; Путин выжимает её в эмиграцию. Пожалуй, только Горбачёв и, отчасти, Ельцин видели в этой совестливой социальной прослойке свою опору.

«Советская интеллигенция»: для кого-то это словосочетание выглядит оксюмороном, но она, несомненно, существовала. Чисто технически/статистически это был подкласс или «прослойка», как тогда говорили, между партийно-государственной элитой и гегемоном-пролетариатом. Понятия «средний класс» тогда в СССР не существовало, но определённое сходство было налицо: речь шла о городских профессионалах с высшим образованием; сюда же относились работники сфер науки, образования и культуры. Внутри «прослойки» существовали подразделения: была своя элита (академики, народные и заслуженные артисты, звёзды кино и эстрады...); имелось разделение на «гуманитариев» и «технарей» или ИТРов — инженерно-технических работников; наконец, существовал неформальный раскол на «истинную» интеллигенцию и так называемую «образованщину». «Образованщиной» называли многочисленных выскочек, как правило, из рабоче-крестьянских семей, получивших высшее образование и соответствующие должности, но сохранивших при этом «примитивные» взгляды, манеры и стиль жизни.

До войны оставшаяся в стране русская интеллигенция жила тихо, без всплесков, приспосабливаясь к варварской власти — хотя это не спасло её от террора 30-х годов. Молодое поколение едва успело встать на ноги, как грянула война, скосившая миллионы. В первые послевоенные годы немногочисленное молодёжное антисталинское подполье было жестоко разгромлено и рассеяно без следа, а шумные весёлые стилиаги хоть

ЮРИЙ ГАГАРИН И КОСМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

Величайший вклад России в современную цивилизацию был, возможно, прорывом в освоении космоса, который произошёл в 1950-е и 1960-е годы. Во главе с гениальным инженером Сергеем Королёвым, который при Сталине сидел в ГУЛАГе, в рамках советской космической программы был запущен первый спутник в октябре 1957 года, а спустя месяц и первое животное, собака Лайка. Высший триумф наступил в 1961 году с успешным космическим полетом Юрия Гагарина в возрасте 27 лет. Красивый, улыбающийся Гагарин, наверное, единственный русский которого мы точно будем помнить вечно.

Жители Манчестера приветствуют Юрия Гагарина, 11 июля 1961 года. Фото: Алексей Стужин (Фотохроника ТАСС)

и происходили, по большей части, из образованной «прослойки», к возвышенным традициям русской интеллигенции отношения не имели. Для того чтобы сквозь асфальт советской власти проросли семена революционно-демократической мысли от разночинцев до футуристов, требовалось не только свежее поколение, но и иной климат в стране. Всё сошлось в 1956-1957 году: в СССР наступила знаменитая Оттепель — до сих пор предмет горячих споров и сладчайшей ностальгии. Главной политической фигурой этой короткой, но невероятно яркой эпохи был немолодой лидер Компартии Никита Хрущёв; материальными символами — Спутник и ракета Юрия Гагарина. А искусство Оттепели и её субкультурный драйв создавали молодые ребята, дети предвоенного бэби-бума — шестидесятники.

«Шестидесятниками» в России называют поколение молодых интеллигентов — гуманитариев и технарей — которые заявили о себе в конце 50-х годов, а полностью развернулись и вошли в силу в начале/середине 60-х. Ещё их часто называют «детьми XX съезда» — поэтому для начала нам надо разобраться, чем был для СССР XX съезд Коммунистической партии и как он повлиял на атмосферу в стране. Как известно, Партия рулила в тоталитарном Советском Союзе всем — не только идеологией, но и экономикой, наукой, культурой и всем остальным. А Партией теоретически должны были рулить регулярные Съезды, на которых избирались Центральный комитет, Политбюро, принимались всякие исторические решения. Поскольку Сталин установил диктатуру личной власти и для принятия решений ему никто особо не был нужен, в какой-то момент съезды прекратились: с 1939 по 1955 прошёл всего один. XX съезд был первым после смерти Сталина; Никита Хрущёв выступил на нём с засекреченным поначалу сообщением для делегатов, где впервые поведал им о культе личности Сталина, совершённых им преступлениях, ГУЛАГе и так далее. Наверняка большинство топ-коммунистов было в курсе этого, а многие в названных преступлениях участвовали — тем не менее эффект был ошеломительным, поскольку означал, что линия Партии круто изменилась. (Скажем, сегодняшняя российская элита и многие простые граждане прекрасно знают, что Путин — гангстер, лжец и коррупционер, но если одно из первых лиц в государстве вдруг заявит об этом на важнейшем форуме — значит, пришла новая власть). Народ и даже интеллигенция восприняли новость по-разному, прокатилась волна самоубийств, но молодёжь преисполнилась энтузиазма. А тут ещё и Всемирный Фестиваль, и Спутник, и великие стройки Сибири! Будущее выглядело светло и привлекательно, как никогда: началась Оттепель в культуре и искусстве, вернулись из-под запрета многие великие имена писателей и поэтов, под носом у Америки случилась Кубинская революция, Юрий Гагарин первым в мире полетел в космос, на XXII съезде Партии было торжественно объявлено, что нынешнее поколение советских людей будет жить при полном коммунизме! Это было, как «Перестройка 50-х» плюс впечатляющие достижения в космосе, которым рукоплескал весь мир. Было от чего зарядиться энтузиазмом.

Нельзя сказать, что шестидесятники были голубоглазыми, розовощёкими, промытыми пропагандой строителями коммунизма. Они были слож-

нее: до хрипоты спорили о Ленине и Сталине, капитализме и социализме, свободе слова и свободе творчества — однако их общий настрой, несомненно, был позитивен. Фактически это было последнее молодое советское поколение, верившее в коммунизм. Их идеология практически полностью совпадала со взглядами ребят из подполья сороковых-пятидесятых: за Ленина, против Сталина; за демократический коммунизм, против бюрократии и диктатуры; за эксперименты, против догматизма. При этом, исходя из классификации Тома Стоппарда, они даже не были еретиками, поскольку находились в мейнстриме Оттепели — но они, несомненно, были романтиками. Фильм-манифест шестидесятников, «Застава Ильича» (1965; название тоже символично) проводит прямую связь между поколениями молодёжи начала 20-х и начала 60-х — продолжатели дела революции... Как говорил поэт и бард Булат Окуджава, задачей их поколения было ни в коем случае не уничтожение коммунистического режима, а «очеловечивание» его.

Прокоммунистические, но демократы; за революцию, но категорически против милитаризма; одержимые идеей видеть Россию/СССР в авангарде всего мира, но начисто лишённые националистических сантиментов — такими были классические шестидесятники. Одни считали такую позицию сотканной из противоречий, другие — хорошо сбалансированной. Мне всегда казалось, что шестидесятники унаследовали по прямой от футуристов: отсюда и культ Маяковского, у памятника которому проходили первые поэтические манифестации, и одержимость будущим, и эксперименты в театре и визуальных искусствах, явно продолжавшие линию агитпропа и конструктивизма. Если говорить об иностранном влиянии, то оно было, на мой взгляд, не столь сильным и исходило опять же в первую очередь от левого, антиимпериалистического, антивоенного и антибуржуазного пласта западной культуры: Бертольд Брехт, Эрнест Хемингуэй, Луи Арагон и Жан-Поль Сартр, итальянский неореализм, английские «сердитые молодые люди», американские певцы протеста и поэты-битники. В отличие от своих непосредственных предшественников, стилияг, и явившихся сразу вслед за ними русских хиппи, шестидесятникам удалось избежать подражательства и создать самостоятельную и во многих проявлениях вполне убедительную культуру. Способствовало этому главным образом то, что Оттепели удалось разбудить (разморозить?) немало по-настоящему крупных талантов.

У шестидесятников был мощный творческий авангард: кинорежиссёры Тарковский, Чухрай, Хуциев; поэты Бродский, Вознесенский, Евтушенко, Рождественский, Ахмадулина; писатели братья Стругацкие, Аксёнов; барды Высоцкий, Галич, Окуджава; театры «На Таганке» и «Современник». Все они были без преувеличения культурными иконами своего времени. Читки стихов проходили на спортивных аренах — как концерты поп-звёзд! Каждого нового романа, поэмы, фильма молодая публика ждала, как откровения; записи бардов переписывались с магнитофона на магнитофон тысячными тиражами. И они были, действительно, хороши — особенно на фоне скучнейшей казённой культуры сталинского периода. Не слишком задевая — хотя и слегка «пробуя на прочность» — идеологические и

Белла Ахмадулина в Доме художника на Кузнецком мосту, 1974. Фото: Игорь Пальмин

Андрей Тарковский, 1949 г.

Грушинский фестиваль бардовской песни. 1970-е. Фото: Владимир Каковкин («Самарский областной клуб имени Валерия Грушина»)

БАРДЫ (1960-е и 1970-е)

Со своей поэтической лирикой, тихо напевавшейся поверх простых мелодий, песни этих спокойных, начитанных людей стали феноменом эпохи Оттепели, который превратился в один из столпов культурной жизни интеллигенции. Ближайшими западными эквивалентами являются фолк Пита Сигера или Боба Дилана, но у советских бардов лирика была ещё более разнообразной, начиная от меланхолических романсов Булата Окуджавы, иронических наблюдений Юрия Кима, политической сатирой Александра Галича и заканчивая самым популярным и влиятельным русским бардом, актером и бонвиваном Владимиром Высоцким, в чьих песнях было всё: ужас, сарказм, любовь и, прежде всего, страстный призыв к свободе. Его похороны в 1980 году (он умер в 43 года) превратились в массовое публичное излияние горя и разочарования.

исторические догмы, искусство шестидесятников во многом вернулось к традиции Серебряного века и ЛЕФа: смелые эксперименты с формой, субъективизм и полемичность содержания. Имена Ахматовой, Гумилёва, Мандельштама, тридцать лет бывшие под запретом, вновь стали актуальны. В театре вспомнили о Мейерхольде, в живописи — о Малевиче и Кандинском. Вообще популярна была формула искусства: «новаторское по форме, социалистическое по содержанию». Не вписывались в неё, пожалуй, лишь два знаменитых шестидесятника: писатель Александр Солженицын и бард/драматург Александр Галич — оба придерживались традиционной формы и были явными антисоветчиками (Солженицына выслали в 1974; Галич тоже в 1974 эмигрировал). При этом оба родились в 1918 году — то есть принадлежали к более зрелому, чем классические «позитивные» шестидесятники, поколению.

Следом за культовыми лидерами бодро шагала армия простых шестидесятников — молодых советских интеллигентов, навсегда открестившихся от сталинского кошмара и глядевших в будущее с несвойственным, в общем-то, для русского человека оптимизмом. Что-то в них было от разночинцев XIX века — энергия, воля к переменам; что-то от стилистов — узкие брюки и интерес к современной западной культуре. Главным танцем вместо буги-вуги стал твист. Были в субкультуре шестидесятников и другие мелкие характерные чёрточки: склонность к бородам и клетчатым рубашкам (ау, хипстеры!), которые назывались «ковбойки»; страсть к туризму и костровым песням под гитару; любимый вид спорта — волейбол; любимый вид литературы — научная фантастика. О последнем надо сказать подробнее. Первые полёты и советско-американская гонка в космосе породили у нас небывалый космический бум: книги, фильмы, культ первых космонавтов. Припев одной из самых популярных песен того времени (на стихи будущего диссидента-эмигранта Владимира Войновича) звучал так:

Я верю, друзья — караваны ракет
Промчатся вперёд, от звезды до звезды.
На пыльных дорожках далёких планет
Останутся наши следы!

Помимо тонн ретро-футуристического китча, мода на научную фантастику оставила после себя, возможно, и лучшую прозу того периода — я имею в виду романы Аркадия и Бориса Стругацких. Их мощная социальная фантастика, предельно нагруженная моральными и этическими головоломками, сейчас, в XXI веке, является, наверное, самой «вспоминаемой» в России литературой того времени и настольным цитатником либеральной интеллигенции.

Разделения на западников и славянофилов, которое то явно, то пунктирно прослеживается на всём пути русской молодёжной (и не только) мысли, у шестидесятников не было. Почти все они (исключение сделаем, опять же, для Солженицына) были «интернационалистами» — отвергая как капитализм, так и русскую архаику. Свято веря в преимущества советско-

Владимир Высоцкий выступает на 15-летию Театра на Таганке. 1979 г. Фото: Игорь Пальмин

Грушинский фестиваль бардовской песни. 1970-е. Фото: Владимир Каковкин («Самарский областной клуб имени Валерия Грушина»)

го пути, они, тем не менее, с большим уважением, если не сказать трепетом, относились к западной культуре. Граница среди шестидесятников проходила в неожиданном месте: между «физиками» и «лириками». Культ космоса, «мирного атома», кибернетики и прочих сенсаций того времени вызвал у советской молодёжи небывалый интерес к точным наукам: портреты Эйнштейна или советского физика-харизматика Льва Ландау украшали иконостас типичного шестидесятника не реже, чем постеры Гагарина или Фиделя Кастро. Популярны были публичные диспуты (напрочь забытая с тех пор форма досуга) на тему: «Что важнее — наука или искусство?» Искусство теряло очки ещё и потому, что сильно дискредитировало себя ложью и подхалимажем в сталинскую эпоху. Скажем, мои родители — настоящие шестидесятники и историки по профессии — убеждённо настаивали на том, чтобы я в университете изучал математику или физику. Аргументация их была такова: литературой или философией ты сможешь заниматься в свободное время, как многие; но чтобы не зависеть от государства, идеологии, и не становиться гуманитарной проституткой — получи настоящую профессию! Ближайшее будущее показало, что во многом они были правы.

Вечеринка шестидесятиничества продолжалась до 1968 года, но в середине десятилетия атмосфера чистого энтузиазма сменилась на что-то менее радостное. В сентябре 1964-го в результате тихого дворцового переворота отправили на пенсию Хрущёва; молодёжь восприняла это вполне лояльно — всё-таки Никита Сергеевич был сталинским реликтом; пришедшие ему на смену были помоложе, а новый премьер Косыгин и во-все имел репутацию экономического реформатора. Однако праздник вместо того, чтобы засверкать новыми красками, начал медленно, но верно сворачиваться. Первым звончком стал громкий судебный процесс двух сорокалетних писателей, Юрия Даниэля и Андрея Синявского, закончившийся в феврале 1966 года сроками (соответственно, 5 и 7 лет исправительных лагерей) за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Вина писателей состояла только в том, что их проза — сатирического, я бы сказал, содержания — выходила несколько лет на Западе под псевдонимами. Процессов такого рода в СССР не было со сталинских времён, и это вызвало острую дискуссию в интеллектуальных кругах: 62 известных деятеля культуры, включая многих шестидесятников (Ахмадулина, Войнович, Окуджава...) подписали опубликованное в «Литературной газете» — тогда это ещё было возможно! — письмо в защиту арестованных. А 5 декабря 1965 года, в День советской Конституции, на Красной площади прошёл небольшой «Митинг гласности» — тоже в поддержку подсудимых писателей; участников задержали, но вскоре отпустили. Похоже, режим — позже обозначенный как «брежневский» — ещё колебался по поводу степени «завинчивания гаек» — однако надлом уже случился.

Пожалуй, нигде этот радикальный поворот в сознании поколения шестидесятых не передан так наглядно, как в двух последовательных фильмах классика Оттепели Марлена Хуциева. «Мне 20 лет» и «Июльский дождь» (многие рецензенты окрестили его «Мне 30 лет») разделяют всего два с половиной года, но герои не только повзрослели, но и совершенно по иному ощущают жизнь и себя в жизни: вместо страстных споров, веры и окончательного оптимизма — разочарование, цинизм, отчуждение. В финале первого фильма — уходящие в туман бойцы 1917 года: романтический символ преемственности революции; в финале второго неожиданно — душевная встреча постаревших ветеранов войны. Как мне представляется, вновь символ, точнее, контрапункт: того, насколько мало в нашей жизни осталось искреннего и настоящего. Ещё один индикатор новой парадигмы — главные литературные события 1966-1967 годов: первые советские издания Франца Кафки и «Над пропастью во ржи» Сэлинджера, журнальная публикация «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова — убийственно глумливого и тёмного романа о советской действительности. Даже Василий Аксёнов, образцовый реалист-романтик Оттепели, шокировал читателей абсурдистской повестью «Затоваренная бочкотара» — откровенно кафкианской сатирой на современный СССР. (Так же, как «Июльский дождь», была гневно осуждена официальной критикой). На повестку дня встало слово «отчуждение», нашей участливой интеллигенции доселе не очень знакомое.

Значок «Юный турист»

Выступление поэта Евгения
Евтушенко, 1976 г. Фото: Вален-
тин Мاستюков, ITAR-TASS

Весной 1968-го, казалось, появился свет в конце тоннеля и назывался он «Пражская весна». Но это оказался, как гласит мрачная шутка, прожектор приближающегося поезда. События в Чехословакии смертельно испугали советскую партийную элиту, наглядно показав, куда может завести излишний либерализм. Военное вторжение в августе 1968 года поставило крест на многом — в том числе, на Оттепели. Шестидесятники в массе своей идею «социализма с человеческим лицом» бурно приветствовали — фактически это была и их мечта! — поэтому лязг танковых гусениц по брусчатке Праги прозвучал для них похоронным звоном. Хрупкий баланс «гуманного коммунизма» оказался окончательно нежизнеспособным... Последний, чисто технический удар был нанесён в 1970 году, когда по распоряжению свыше была разогнана редакция журнала «Новый мир» — главного, наряду с журналом «Юность», печатного органа литературного шестидесятиничества. Снова о шестидесятниках заговорили только в конце 80-х; некоторые из них пережили настоящий ренессанс в период горбачёвской «гласности» — много выступали, публиковались, некоторые даже стали депутатами — и взяли у советской системы реванш (опять же временный, увы!) за поражение в 60-х. Это стало их лебединой песней, но я рад, что она была спета.

Большая часть «массовых шестидесятников», бодрых туристов и любителей фантастики, повзрослела и плавно перетекла в унылую, циничную и нетрезвую категорию людей под названием «советская интеллигенция эпохи Застоя». Между ними и новым поколением — хиппи/рокерами — была пропасть. Публичная «верхушка» шестидесятников распалась на две почти равные части: одни эмигрировали или были высланы из СССР (Солженицын, Аксёнов, Войнович, Тарковский, Любимов, Галич), другие — Окуджа-

ва, Вознесенский, Евтушенко, Хуциев, Стругацкие — остались в стране, но угодили в полуопалу, умерили пыл и ушли в тень. И лишь крошечная часть «армии Оттепели» осталась биться за права, свободы и власть «с человеческим лицом». Это были интеллигенты в классическом понимании слова — совестливые, идеалистичные, бескорыстные. Их политическая и экономическая платформы были максимально размыты (если существовали вообще), что слегка напоминает пёструю компанию народников. Однако к простому советскому народу они были не намного ближе декабристов. Не знаю, с чьей подачи — вполне возможно, какого-нибудь западного журналиста или радиостанции — их стали называть «диссидентами».

Я долго колебался, прежде чем решился писать о диссидентах. Это хорошо известное, в том числе и за границей, и многократно описанное движение, имеющее непосредственное отношение и к «ярости», и к «непохожести», но никак не молодёжное по своей сути и вряд ли содержащее какие-то субкультурные компоненты. Действительно, никакого дресс-кода у диссидентов не было; представить себе танцевальную вечеринку диссидентов вряд ли кто отважится; бардовская песня — особенно сатира Галича и Кима — единственная музыка, которая у меня с диссидентами ассоциируется; литература — сугубо по профилю: немножко политической поэзии и фикшн плюс правозащитный и антисталинский самиздат. (Вообще, самиздат можно, пожалуй, считать единственным материальным символом диссидентского движения). И тем не менее: так же, как фарцовщики стали меркантильным продолжением стилига, диссиденты — политическим и этическим порождением шестидесятников. Их было намного меньше; сколько — трудно сказать. На простой вопрос «сколько было в СССР диссидентов?» Интернет отвечает лишь, что «в период с 1956 по 1987 год по статьям за антисоветизм было осуждено 8145 человек». Полагаю, что далеко не все из них — настоящие диссиденты, да и не все диссиденты были в своё время осуждены. Короче говоря, их было мало, несколько тысяч, а молодых людей и девушек среди них — и того меньше, процентов 20; среди лидеров — почти никого. (В гендерном отношении, кстати — равновесие: пожалуй, ни в одном российском политическом течении процент женщин не был так высок!) Почему молодёжи было мало? Рискну высказать два смелых тезиса: во-первых, в годы наибольшей активности диссидентства у молодого поколения были более сильные точки притяжения, чем политика; во-вторых, в самом диссидентском движении было что-то не скажу «старческое», но — чересчур взрослое, невесёлое.

Хотя начиналось всё очень бодро. Прообразом диссидентского движения можно считать знаменитые «Маяки»: в 1958 году на одной из центральных площадей Москвы установили памятник поэту-футуристу Маяковскому, одному из главных героев шестидесятников, и вскоре у его подножья начались спонтанные поэтические чтения — читали Маяковского и других футуристов, поэтов Серебряного века, свои собственные стихи. После стихов часто возникали стихийные обсуждения, которые всё чаще начали переходить в политические диспуты: о Сталине, революции, роли молодёжи и косности комсомола. Именно там в 1960 году впервые

Советский диссидент Владимир Буковский прибыл в лондонский аэропорт. 4 января 1976 г
© Getty Images

показал себя пламенным оратором будущий enfant terrible советского диссидентства, тогда 18-летний Владимир Буковский. Хотя большинство на дискуссиях составляли молодые люди «прогрессивных» коммунистических убеждений, были там и троцкисты, и анархисты, и либералы-западники — фактически в центре Москвы получился настоящий Гайд-парк! Спецслужбы установили там постоянное наблюдение, и на какое-то время «Маяки» затихли — не без помощи милиции и КГБ. Однако в 1965-ом тот же Буковский в компании с совсем юными (некоторым — по 17-18 лет) поэтами из неофутуристского объединения СМОГ (расшифровывалось как «Смелость Мысль Образ Глубина», но более популярным было толкование «Союз Молодых Гениев») возобновили публичные чтения и митинги в защиту «неофициального» искусства. Эта же молодая компания, поддержанная большой группой студентов МГУ, составила большинство на «Митинге гласности» 5 декабря 1965 года. Вскоре после этого Буковского, а за ним и других молодых протестантов — Галанскова, Делоне, Гинзбурга — впервые арестовали. Также впервые (по крайней мере, в отношении диссидентов) борцы с инакомыслием применили средства печально знаменитой «карательной психиатрии» — того же Буковского объявили невменяемым и поместили на 8 месяцев в психбольницу. Властям это было выгодно, конечно: вместо героических бунтарей диссиденты представлялись простыми «шизиками»; плюс подспудно внушалась мысль, что ненавидеть советскую власть и бороться с ней — это чистое безумие. Последней заметной публичной акцией диссидентов стала знаменитая «Демонстрация восьми» на Красной площади 25 августа 1968 года. Всех арестовали, некоторых при этом избив, а затем посадили: двоих в психлечебницу, пятерых — в лагерь и ссылку. Отпустили только одну 21-летнюю девушку, подругу поэта Делоне. После этого диссидентское движение обрело свою окончательную классическую форму.

Как это ни странно, главным принципом, который лёг в основу практически всей деятельности диссидентов, стало выполнение советских законов. Отец-основатель движения, Александр Есенин-Вольпин (сын поэта-имажиниста) исходил из того, что Советская Конституция и свод законов вполне хороши, и главная проблема состоит в том, что они властью совершенно не выполняются. То, что организованный им «Митинг гласности» состоялся в День Конституции — не символичное совпадение, а осознанный выбор. Соответственно, методы и принципы советских диссидентов — это строгое соблюдение законов, ненасилие, гласность, письма и петиции. Пожалуй, единственное, что выпадало из этого рутинного ряда — это самиздат. И то, если не считать периодического органа диссидентов, «Хроники текущих событий», вся остальная самиздатовская активность была частной инициативой отдельных инакомыслящих... Возвращаясь к образу Стоппарда, можно сказать, что наши диссиденты были не просто еретиками, они были очень дисциплинированными еретиками. И это давало хороший повод для критики. Василе Эрну, молдавский диссидент, писал: «Диссидентство — продукт коллаборационизма между советскостью и антисоветчиной», а остроумные культурологи Вайль и Генис, изучив дисси-

Открытие памятника Маяковскому, 19 июля 1958 года. Архив НИПЦ «Мемориал»

дентские тексты, сделали парадоксальный вывод: «Декларации протеста были фактически списаны с партийных документов — с обратным знаком». Боюсь, что это именно то, что я чуть выше деликатно назвал «излишней взрослостью» и что лично для меня, например, делало движение диссидентов скучным и малопривлекательным. Я несколько раз бывал в компаниях диссидентов и всегда чувствовал там себя чужим: все люди были старше меня; они были очень по-советски одеты; вели себя сумрачно и говорили невесело. Их повестка дня — неприятие советской власти и желание помочь севшим и опальным друзьям — была мне близка, но то, как это было обставлено... напоминало мне какую-то секту обречённых. Я помню, удивляло меня и то, что о ситуации в стране, не говоря уже о международном положении, там ничего интересного не рассказывали: все разговоры кружились вокруг конкретных людей, их поведения, отношений... Права, наверное, Людмила Алексеева, патриарх (или матриарх?) правозащитного движения, когда говорит, что диссидентское движение имело скорее нравственный, чем политический характер.

Это был Ноев Ковчег, где все спасались от советского потопа вне зависимости от веры и идеологии; негативная программа была одна на всех, а позитивные — от анархизма до монархизма. Алексеева в своё время предложила популярную классификацию политического спектра диссидентуры:

- Либерал-демократы — сторонники конвергенции и западного пути развития;
- Левые — коммунисты-реформисты, «еврокоммунисты», «новые левые»;
- Национальные меньшинства (прибалты, украинцы, грузины и т. д.) — борцы за освобождение от имперского владычества;
- Русские националисты — монархисты, борцы с коммунистическим интернационализмом;
- Религиозные диссиденты — православные, баптисты, екуменисты;
- Сионисты и евреи-отказники.

Плюс люди с неясными, но очень антисоветскими взглядами, которых, возможно, было большинство. У меня были близкие знакомые среди «левых» и «православных». Левые, кстати, были ненамного старше 20-летнего меня — я имею в виду кружок «Молодых социалистов», выпускавший в конце 70-х самиздат-журналы «Варианты» и «Левый поворот». Их, поклонников Че Гевары и революционного экзистенциализма, было очень немного, и, наверное, все они бывали у нас дома, потому что мой отец был у них кем-то вроде гуру. В начале 80-х КГБ за них взялось: помню, одного парня, самого активного, по имени Олег, просто убили при загадочных обстоятельствах; остальных задержали и начали допрашивать. Тут, конечно, сказалась моральная деградация русской революционной молодёжи за 100 лет: в отличие от стойких борцов за народное дело XIX века, многие наши современники немедленно стали «колоться», раскаиваться и сдавать всех подряд, включая и моего отца. С «православными» тоже вышла история: знакомый,

который ввёл меня в круги паствы «альтернативных» священников Александра Меня и Дмитрия Дудко, сам же написал на меня по этому поводу донос... Вообще, практика информаторов и дезинформаторов занимала в жизни диссидентов огромное место; я помню одного приятеля, которого однажды застукали с самиздатом и вынудили писать «отчёты» под угрозой исключения из института: так вот, он не без гордости рассказывал мне, что регулярно пишет доносы — но только на тех, кого сам считает стукачами.

Теперь интересный вопрос: что делали диссиденты? Они отбивались от КГБ и помогали попавшим в беду товарищам; они поддерживали связь с западными медиа и правозащитными организациями; они печатали и распространяли — микроскопическими тиражами — правозащитную литературу. Строго говоря, это всё — и в этом чувствуется один странный зияющий изъян, не заметили? Да, советские диссиденты с 1968 года и вплоть до коллапса движения в середине 80-х не занимались публичной агитацией и пропагандой, не стремились расширить свои ряды, не предпринимали даже символических попыток «хождения в народ» и вообще предпочитали этому народу свою блестящую изоляцию. Странно в этом то, что народ, начиная с 70-х годов, разделял большинство диссидентских взглядов, а «мягкий» антисоветизм стал нормой жизни — и не только у молодёжи и городской интеллигенции. Люди уважали диссидентов, слушали про них драматичные истории по «Голосу Америки» и «Би-Би-Си», делали из них героев фольклора и даже сочиняли частушки, вроде этой, знаменитой, про обмен Буковского на секретаря чилийской компартии:

Обменяли хулигана
На Луиса Корвалана.
На кого, е.... мать,
Нам бы Брежнева сменять?

Но диссиденты навстречу народу не шли; возможно, потому, что не очень хорошо его знали и доверия к нему не испытывали.

О значении и наследии диссидентского движения можно много спорить. Я не разделяю циничную точку зрения, провозглашающую диссидентов горсткой полубезумных зануд на содержании западных фондов, единственным влиянием которых на ситуацию в СССР было раздувание штатов КГБ. Нет, это были благородные, жертвенные и бескорыстные люди, прошедшие серьёзные испытания, стоившие многим из них здоровья и жизни. Их роль очага морального сопротивления режиму — пусть скорее символическая, чем практическая — была, на мой взгляд, несомненна. А вот принципиальная установка диссидентов на неукоснительное исполнение советских законов и ведение борьбы по правилам противника представляется мне слабой, компромиссной и вообще ошибочной. К сожалению, эта ущербная доктрина оказалась очень живучей и сильно испортила ДНК российского протестного движения на десятилетия вперёд. Полное поражение антипутинской оппозиции 2011-2012 годов я во многом объясняю тем, что она неукоснительно следовала старым диссидентским заветам.

Первый «Марш рока по Литве». Стадион «Динамо», Вильнюс, 6 июля 1987. Фото: Раймондас Урбакавичюс

ДЕСЯТЬ ЛЕТ, КОТОРЫЕ ПОТРЕЯСЛИ МИР

Перестройка и русский рок. 1981-1991

Существует много версий того, почему в СССР в середине 80-х годов произошли реформы Перестройки, приведшие к коллапсу империи, и кого за это хвалить/винить. Называют Рональда Рейгана, подорвавшего советскую экономику гонкой вооружений; называют Михаила Горбачёва — не то мудреца-стратега, не то западного шпиона; говорят о войне в Афганистане, о диссидентах, о ценах на нефть и хитрых спецслужбах — но моя любимая теория (не берусь утверждать, что самая верная) состоит в том, что свободу в Советский Союз принёс рок-н-ролл! В качестве иллюстрации могу предложить книгу и фильм манкунианца Лесли Вудхеда «How The Beatles Rocked The Kremlin». Если коротко, то я бы сформулировал основной тезис так: именно рок-музыка сформировала сознание и вкусы советского молодого поколения в 60-е, 70-е и 80-е годы, переориентировав их на свободу вместо тоталитарной дисциплины, «мир и любовь» вместо комсомольских догм, яркий Запад вместо серого «совка». В этом смысле прекрасно (уж точно лучше, чем ЦРУ) сработали и битломания, и хиппизм; но главную роль — уже в решающих 80-х — сыграл «русский рок».

Первые рок-группы, которые не только пели по-русски, но и имели смысл, показались только в начале 70-х, и среди них выделялась «Машина времени». Они дебютировали ещё школьниками в 1969 году, а спустя несколько лет уже стали популярны в московской «подпольной» рок-среде. Фронтмен группы, студент-архитектор Андрей Макаревич, стал и первым архитектором стиля, известного в стране как «русский рок». Формула его проста, но, как оказалось, очень эффективна: это традиционный англофильский рок в диапазоне от The Beatles до Led Zeppelin, замешанный на русской литературе и бардовской песне. Макаревич, как и большинство наших рокеров первого поколения, — выходец из типичной семьи интеллигентов-шестидесятников, и, пока папа не привёз ему из заграничной поездки альбом «A hard day's night», слушал сатирические и философские баллады Галича и Окуджавы... Не удивительно, что первый хит «Машины времени» (Макаревичу тогда было 19) был не про девушек, танцы или мотоциклы, а назывался «Битва с дураками», и речь там шла о том, как мало умных и честных людей осталось на планете. Настоящим гимном стала их следующая песня, «Марионетки» (1974) — неприкрытая сатира на тусклых, послушных и бессловесных граждан, управляемых кукловодами сверху.

ПЕРЕСТРОЙКА

К середине 1980-х годов, как это часто случается в истории России, неумелое управление, экономические проблемы и бессмысленные войны (в этот раз в Афганистане) поставили страну в отчаянное положение. Ситуация требовала быстрых и радикальных изменений и Михаил Горбачев, новый, и относительно молодой лидер советского правительства с 1985 года начал проводить реформы. Поначалу это выглядело как повторение оттепели — «социализм с человеческим лицом», большая свобода культуре, заигрывание с Западом — но на этот раз процесс пошел на много дальше: Горбачев провозгласил принцип «открытости», что означало фактическую свободу слова, было разрешено частное предпринимательство и рухнула берлинская Стена. Не менее важно и то, что Коммунистическая партия потеряла свою монополию на идеологию, что только ускорило её распад. К 1990 году Кремль потерял контроль над ситуацией, особенно с движениями за независимость, которые активно набирали силу в Прибалтийских республиках и на Кавказе. Закономерным концом стал крах СССР и, что логично, конец самой перестройке.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ РОК-КЛУБ (1981-91)

Дружная ленинградская рок-сцена наконец-то получила своё собственное место и культурную штаб-квартиру весной 1991 года. Это был первый рок-клуб в стране. Вопреки распространённому мнению, он не был основан КГБ, хотя они постоянно интересовались тем, что происходило на сцене. А то, что там происходило было взрывом разнообразных музыкальных талантов, начиная от фолк-рока до хэви-метала, но с особым упором на новую волну. Ленинградский рок-клуб был колыбелью русского рока, достигнув своего пика около 1986 года, после чего начался долгий и медленный период угасания. Этот феномен помог пробиться такой музыке в мейнстрим.

(Поют, кстати, до сих пор — актуально!) Характерно, впрочем, что ещё лет десять убедительный пример «Машины времени» оставался мало востребованным: группа Макаревича, наряду с ленинградскими «Мифами» и «Санкт-Петербургом», оставались русскоязычными белыми воронами среди сонма дурно певших по-английски копиистов.

В 1979 году «русский рок», наконец-то, совершил прорыв. Это выразилось в двух вещах: во-первых, «Машина времени» и несколько других русскоязычных рок-групп вышли из подполья, получили профессиональный статус и могли теперь выступать официально на больших концертных площадках; во-вторых, пришла долгожданная «новая волна» — русскоязычная, непохожая, с актуальным звуком и в целом ориентированная на панк и ню-вейв. Столицей новой музыки стал Ленинград. Там же возникло замечательное явление, перевернувшее всю практику русского музыкального андеграунда — так называемый «магнитиздат». Домашняя перезапись с магнитофона на магнитофон полюбилась советским людям ещё в 60-е, именно благодаря ей прославились и The Beatles, и Высоцкий — но теперь эта практика поднялась на новую ступень. Рок-группы начали записывать в студийных условиях настоящие альбомы и выпускать их с обложками, списком песен и прочим дизайном: это были настоящие long-players, только выходили они на катушках и кассетах, а не на виниле, и фотографии на коробки музыканты и их друзья приклеивали и вкладывали вручную... По сравнению со знаменитым диссидентским «самиздатом» это был огромный шаг вперёд — в плане не только «художественной» упаковки, но и тиражей, и скорости распространения. Популярные альбомы переписывались десятками тысяч копий и доходили из Ленинграда во Владивосток за сутки. Правда, в отличие от альтруистичного самиздата, тут обычно работала и коммерческая составляющая: профессионалы домашней звукозаписи имели в своих квартирах по дюжине магнитофонов, и те жужжали круглосуточно.

Пионером нелегальной LP-продукции стал звукорежиссёр одного из ленинградских Домов пионеров Андрей Тропилло; к нему в ночную смену проникали «Аквариум», «Кино», Майк Науменко и прочие рок-музыканты, в будущем легендарные. Надо сказать, что их песни заметно отличались от философского и чистого (во всех смыслах) «бард-рока» Андрея Макаревича, в них куда сильнее чувствовалось влияние лирики Лу Рида и Боба Дилана — циничной и приземлённой:

Я сижу в сортире и читаю Rolling Stone,
Венечка на кухне разливает самогон,
Вера спит на чердаке, хотя орёт магнитофон,
Её давно пора будить, но это будет моветон.
Дождь идёт второй день, надо спать, но спать лень.
Хочется курить, но не осталось папирос...

Так начинается «Пригородный блюз» Майка Науменко; так в России молодёжь впервые запела об алкоголе и наркотиках. О сексе тоже запели, но не в этой конкретной песне. Новый ленинградский рок стал главной

сенсацией начала 80-х и тут же обрёл скандальную славу. Отчасти благодаря этому в столице «новой волны» в 1981 году произошло ещё одно примечательное событие: при поддержке КГБ открылся ленинградский рок-клуб, вскоре ставший меккой и мечтой всех русских рокеров. Компетентные органы решили, что так им будет легче контролировать эту безумную и скандальную молодую тусовку. А тусовка просто получила впервые в жизни место, где группы могли регулярно выступать — и это место вскоре оказалось единственным в России.

Брежневская культурная микрооттепель 1979-1981, отчасти вызванная московской Олимпиадой-1980, закончилась, и начались времена максимально мрачные. Война в Афганистане, противостояние с Рейганом, крах экономики и пустые прилавки магазинов... плюс закручивание гаек везде, где можно. Одной из виднейших мишеней оказался рок: видимо, сыграли роль пугающая по масштабам и абсолютно неподконтрольная индустрия подпольной звукозаписи и возмутительные тексты песен. Война против музыки пошла по всем правилам: были составлены обширные чёрные списки артистов; на «неофициальных» концертах начались облавы и аресты; несколько рок-музыкантов (и ещё больше промоутеров) отправились за решётку; в массмедиа было запрещено само слово «рок». Но власти были бессильны против творческого драйва рокеров и энтузиазма их поклонников. Концерты, несмотря на старания стукачей, стали постоянно проходить на частных квартирах и загородных дачах; появилось даже новое слово — «квартирник». И главное: эти несколько лет, 1980-84, стали для русского рока тем же, чем 1965-69 — для западного. То есть львиная доля «золотого фонда», классика жанра была создана именно в те годы, когда многие музыканты даже не могли подключить электрогитару, а барабанщики отбивали ритм на коленках. (Кстати, это многое говорит о природе русского рока...) Главная икона русского рока, сумрачный боец Виктор Цой, гениальный поэт Александр Башлачёв, психоделический юродивый Пётр Мамонов, стилиста с Марса Жанна Агузарова (опередившая Леди Гагу почти на 30 лет), провинциальный проповедник Юрий Шевчук — все они дебютировали и написали многие свои лучшие песни в те отчаянные годы.

Мне кажется, тут совпали две вещи: во-первых, кроме как уходить в подполье, делать амбициозным молодым людям было нечего; это было единственное приключение, доступное тогда в СССР! Всё остальное умирало, было катастрофически скучно и беспросветно. Деньги, карьера — зачем напрягаться, если на деньги всё равно ничего не купишь, а все места заняты стариками? Секс и водка, конечно, работали — но кому-то этого было мало; хотелось действия. А во-вторых, оказавшись в подполье, избежать рока было невозможно — в то время это был главный магнит, притягивавший всех талантливых молодых авантюристов, вне зависимости от их профессий и наклонностей. В Ленинграде фотографы делали группам обложки альбомов; художники (Кирилл Миллер) рисовали декорации для концертов; дизайнеры шили музыкантам костюмы; киношники-«некрореалисты» снимали уморительные панк-фильмы. Или вот две самые яркие и влиятельные фигуры «контркультурного» Питера — Сергей Курёхин,

Авто-портр?????39

пианист-provокатор, и художник Тимур Новиков — первый начал играть в «Аквариуме», второй — аккомпанирует «Кино». В арт-группе «Новые Дикие» (Олег Котельников, Инал Савченко...) все одновременно и буйные живописцы, и панк-рокеры. В Москве радикальные художники-акционисты создали псевдо-рок-группу «Мухомор», за что были сосланы служить в армию, а вернувшись, объединились с художниками-концептуалистами в супергруппе «Средне-Русская Возвышенность». Десятки поэтов и бардов во главе с Алексеем Дидуровым создали рок-кабаре «Кардиограмма», в любительских театрах и даже знаменитой «Таганке» тайком проходили рок-концерты. Обструкция властей только придавала азарта и заставляла придумывать новые трюки; никогда на моей памяти игра в кошки-мышки не была такой захватывающей.

В это же время сформировалась и структурировалась община рок-фанов — в целом, в полном соответствии с западными прототипами. На месте аморфного моря «хиппанов» и сочувствующих возник архипелаг чётко сфокусированных субкультур. Поначалу их было пять. Причём замечу, что в отличие от многих других стран, где принадлежность к тому или иному музыкальному тейбу бывает чётко обусловлена социальными, возрастными или даже географическими параметрами, в России я такого не заметил. Везде было всё, и даже если образовательный ценз «металлистов» мог быть ниже, чем у хиппи, а возраст панков ниже, чем у «русских рокеров», в глаза это не бросалось. Возможно, потому, что рок-музыка в России так и не стала общенародной любимицей, а всегда была музыкой относительного меньшинства, проживающего в больших городах, не бедного и имеющего сносное образование. Итак:

Андрей «Свин» Панов и группа «Автоматические удовлетворители», 1988-89. Из архива автора

Остатки ХИППИ: любители классического западного рока и психоделии, читатели Кастанеды; из русских групп предпочитали «Аквариум». Близки к ним немногочисленные русские РАСТАМАНЫ. Странно, но возрождения движения хиппи в России не случилось ни в 90-е годы, ни позже. Притом, что ностальгия по классическому року 60-70-х очень сильна, особенно в нынешние неовиниловые времена. Может быть, завтра?

ПАНКИ. История их появления в СССР очень напоминает казус с хиппи: влияние государственной пропаганды! Советские газеты писали о Sex Pistols и прочих панк-скандалистах почти столько же, сколько британские таблоиды, и опять же под двумя углами зрения: как о бунтарях, проклинающих «фашистский режим», и как об омерзительных грязных хулиганах, покрытых нацистскими символами. Зеркальный советский ответ не замедлил явиться, разумеется. Как и на Западе, наши панки расположились по всему спектру от анархистов до скинхедов, но музыка их волновала сильнее, чем политика. Главной местной группой были «Автоматические удовлетворители» из Ленинграда, позднее — сибирская «Гражданская оборона». Никакой изобретательности в одежде русские панки не проявили, разве что шарфы и шапки-ушанки зимой: всё, вплоть до символов и надписей, копировалось с англичан. Пели группы, однако, по-русски,

и они были первыми, кто осмелился в России петь матом! Это было сенсационно и способствовало скандальной популярности. Если говорить о музыке, то единственное, что у меня осталось в памяти от бесконечных брутальных аккордов — это удивительные песни сибирской панк-певицы Янки Дягилевой.

МЕТАЛЛИСТЫ — вероятно, самая многочисленная из роковых суб-суб-культур в России. Любители тяжёлой музыки и чёрной кожаной одежды с металлическими аксессуарами — самое герметичное из рок-сообществ; они никак не выходили за пределы территории своих музыкальных интересов и их участие в арт-жизни, не говоря уже о социальной активности и политике, было микроскопично. Внутри своей общины металлисты подразделялись на дюжину кланов — поклонники black metal, doom metal, thrash metal, speed metal и т. д. Слушали в основном иностранные группы — британские, скандинавские, американские, но были и здешние фавориты: «Чёрный кофе», «Ария», «Круиз». На мой вкус, интересы никто из них не представлял: играли технично, но музыка была стандартная, а тексты дурацкие. В отличие от язычников-скандинавов, ничего страшного, свежего и дикого русским метал-группам и их поклонникам придумать не удалось. Близкое к металлистам по любви к чёрной коже и группе Motorhead движение мотоциклистов-байкеров много позже мутировало в патриотическо-православный оплот путинизма.

Янка Дягилева, 1989. Из архива автора

Почитатели РУССКОГО РОКА. Славянофилы среди рок-фанатов; стали заметны ближе к середине 80-х. Тогда я впервые услышал разговоры о том, что западный рок выдохся, а сегодняшние Ленноны и Моррисоны живут и играют в России. Имелись в виду действительно удивительные таланты — Башлачёв, Цой, БГ, Шевчук — так что я даже не спорил. Сам увлёкся. Несомненным достоинством русского рока, как целого субжанра, было великолепное качество поэзии. Если для мировой рок-музыки такие авторы, как Боб Дилан, Джим Моррисон или Ник Кейв — скорее исключение, то в России рокеров, которых можно печатать томами, довольно много. Один из них, Александр Башлачёв — несомненный гений, поэзию которого можно ценить наравне с Пушкиным или Есениным. Хотя рок, конечно, — не литературная песня, и популярность русских групп основывалась на музыке в не меньшей степени, чем на лирике. Эта секция поклонников была самой размытой и, в отличие от остальных, не имела своего дресс-кода и символических вещичек.

Александр Башлачев, 1985. Из архива автора

Самая яркая, но недолговечная группа — НОВЫЕ РОМАНТИКИ, последователи нью-вейва, синти-попа и пост-панка. Слушали Joy Division, Talking Heads и Ultravox; одевались соответственно. Любимые русские группы — «Кино», «Центр». Близки к ним были и неостиляги, вызванные к жизни Stray Cats и блестящей московской рокабилльно-свинговой группой «Браво». Ска и zoot suits они тоже уважали. Это был в чистом виде ревайвл дендизма! Особенно хороши были барабанщик «Кино» Георгий «Густав»

«Портрет Михаила Горбачева». Владислав Мамышев-Монро, 1990. Из коллекции Георгия Гурьянова

Гурьянов, первым в России осмелившийся предъявить публике макияж, бижутерию и прочее андрогинное эстетство, и солистка «Браво» Жанна Агузарова — самая яркая и экстравагантная особа в русской музыке последних десятилетий. Почти всякий раз, когда мне доводится увидеть на Леди Гаге очередной эпатажный наряд за сотни тысяч или безумный мейкап, я вспоминаю: Жанна выглядела точно так же, только 30 лет назад и за пять рублей... Впрочем, она и сейчас не сильно изменилась.

Как говорят в таких случаях, «all dressed up, but nowhere to go» — нарядились все прекрасно, а идти было некуда. Хотя...

От самых разных людей, будь то всемирно известный кинорежиссёр или полубытовой панк-поэт, я слышал в разных формулировках одно и то же утверждение: лучшим временем в современной российской истории было время «перестройки и гласности». 1985-1991. То, что ещё можно назвать «временем Горбачёва». Почему? Ответы предсказуемы: это было время кардинальных перемен, страна открывалась навстречу всему миру и новой жизни, падали оковы насилия и рушились догмы идеологии... Я бы сказал, что помимо этого уникальность периода была и ещё в одном, менее заметном: страна и её культура УЖЕ освободились от тоталитаризма и цензуры, но ЕЩЁ не попали в зависимость от рынка и денег. Поэтому, да — для людей с фантазией более вольготного периода в России не было.

Всё произошло неожиданно и среди кромешного мрака: советская власть, казалось, могла агонизировать ещё долго, но у части элиты всё же сработал инстинкт самосохранения. После того, как с интервалом в один год умерло подряд три Генеральных секретаря Коммунистической партии, в апреле 1985-го было решено поставить на ключевой пост кого-то помоложе и не слишком консервативного... Как события развивались дальше — вы знаете. Я знаком с Михаилом Горбачёвым и несколько раз разговаривал с ним в спокойной обстановке. Однажды, после нескольких рюмок водки с обеих сторон, я решился задать ему вопросы, которые меня всегда очень интересовали. Я спросил: «М. С., когда вы начинали перестройку, у вас было чёткое видение того, чего вы хотите добиться, и поэтапный план, как вы это будете осуществлять?» Ответ: «Видение, несомненно — демократический социализм с эффективной экономикой; план — в самых общих чертах, точного плана не было». Дальше спрашиваю: «М. С., а в 1985 году вы могли бы себе представить, куда ваши реформы приведут?» Здесь ответ дался Горбачёву намного тяжелее (кажется, мы успели пропустить ещё по рюмочке) и был «Нет». Тут, конечно, напрашивался третий вопрос — не жалеет ли бывший генсек и президент СССР о том, как всё вышло? Но задавать его я не стал — и не из деликатности, а потому, что сам твёрдо знаю, что всё было правильно. Заслуга Горбачёва как раз и состоит в том, что он, совершенно не в традициях российских и советских правителей, позволил социальному, политическому и культурному процессу развиваться свободно и естественно, не применяя насилия и не подменяя демократию дворцовыми интригами. К тому же — сейчас это звучит особенно странно — он не был вором и коррупционером.

«Портреты Михаила Горбачёва». Владислав Мамышев-Монро, 1990. Из коллекции Евгения Козлова и Ханнелоре Фобо.

Сергей Курёхин. Фото: Андрей Усов

Молодёжь СССР получила от перестройки много: запретные плоды посыпались, как из рога изобилия. Всё, что десятилетиями было нельзя, стало можно, а те, кто держал жизнь в узде — просто растворились. Комсомол, например, к концу десятилетия практически перестал существовать. Теперь можно было зарабатывать деньги, занимаясь мелким бизнесом; слушать любимую музыку — хоть с пластинки, хоть на стадионе; выезжать за границу (были бы деньги); смотреть секси-фильмы и без проблем покупать модные шмотки. Ещё больше от стремительной демократизации всего и вся выиграли те, кто годами томился в подполье, зарабатывая героическую репутацию: рок-музыканты за два года переквалифицировались с «квартирников» на «стадионники»; они были всё время на ТВ, и все неофициальные гимны перестройки — «Перемен!» («Кино»), «Поезд в огне» («Аквариум»), «Скованные одной цепью» («Наутилус») — звучали в рок-ритмах. Поскольку СССР вдруг стал очень трендовой страной, и в мире свирепствовала «горбимания», к нам хлынули продюсеры и дилеры из Европы и Америки, спеша застолбить hot property из области perest-rock и glasnost-art. Художники-нонконформисты, ещё совсем недавно выставлявшиеся в формате «art-art» (квартирные выставки) и дарившие свои картины направо-налево, удостоились в 1988 году огромного аукциона Sotheby's в Москве. Молодая актриса Наталья Негода, снявшаяся в первом советском секс-бестселлере «Маленькая Вера», тут же оказалась и в Голливуде, и в Playboy. Ладно, чего далеко ходить за примерами: я сам начал писать в Rolling Stone и The Face, а также вести программы на советском радио и телевидении (хотя ещё в 1985-ом я был во всех чёрных списках). Время было головокружительное — казалось, нет ничего невозможного! Плюс это странное, неведомое, но приятное чувство, что ты «совпадаешь» со своим государством — более того, оно тебе даже нравится... Идеальным символом перестроечной культурной оргии для меня остаётся мегаоркестр «Популярная механика» под управлением маниакального дирижёра Сергея Курёхина. Он собирал на одной сцене рок-группы, военный хор, поп-звёзд, народных шаманов, джазовых импровизаторов, авангардных модельеров, живых зверей и прочее, что попадалось под руку, — и устраивал из всего этого безумный карнавал, иногда дико смешной, иногда зловещий. Это было неповторимо; такого не бывало ни до, ни после. И сейчас, вспоминая те годы, я думаю, что это был единственный кусочек моей жизни, который по своей значимости, по масштабу участвовавших в нём личностей приближался к легендарным временам начала века. «Победа над Солнцем», сиквел «Мы вернулись!»

Технически перестройку делала НЕ молодёжь. Она началась сверху, а продолжалась, главным образом, усилиями постаревших шестидесятников. Как бы «отложенная» революция поколения XX съезда. Многие из них вернулись из эмиграции или из ссылки. Некоторые стали депутатами парламента, большими начальниками, главными редакторами и ректорами. А молодёжь тем временем занималась своими делами — ковала железо, пока горячо! Комсомольские боссы мутировали в бизнесменов, артисты пожинали плоды подпольной славы, а простые парни и девушки получали

Концерт «Популярной механики», 1988. Из архива автора

ВИКТОР ЦОЙ (1962 — 1990)

Величайшая икона русского рока родилась в Ленинграде от отца-корейца и мамы-русской. Он стал известен будучи фронтменом и автором песен группы «Кино», которая сочетала в себе звучание пост-панка с образом новых романтиков и простыми, запоминающимися песнями полные движения и стремлений (одна из самых известных песен группы «Мы ждем перемен»). Невероятная популярность группы была недолгой, когда спустя всего несколько месяцев после того, как «Кино» стали выступать перед сотнями тысяч человек, Цой погиб в автокатастрофе в августе 1990 года. Тем не менее музыка и имидж Цоя остаются беспрецедентными и непревзойденными по популярности и влиянию на русскую музыкальную культуру.

Георгий Гурьянов и Виктор Цой, конец 1980-х. Из архива автора

удовольствие от жизни, не опасаясь быть исключёнными из рядов молодых коммунистов. Никаких заметных молодёжных движений в поддержку или против Горбачёва — как неформальных, так и официальных — я не припомню. По телевизору шла популярнейшая программа «Взгляд», которую вели три прогрессивных парня слегка за 20, и это было всё. Я ходил на сотысячные антикоммунистические демонстрации в Москве в 1989 году и могу засвидетельствовать: преобладали на них люди среднего и старшего возраста. (На периферии СССР, в частности, в балтийских республиках, ситуация была иной: там молодёжь очень активно вела себя в движении за национальную независимость). В общем, «Gorby-jugend» не получилось — да никто и не старался! Полагаю, что так произошло вследствие того, что восьмидесятники, в отличие от шестидесятников, вышли из питомника «язычников» («Рок-н-ролл — славное язычество!», — пел Башлачёв), а не «еретиков». Им были совершенно чужды политика, идеология, сбивание в какие-то партии. «Демократия», тем более «плюрализм», «либеральная идея» или «реформы» — таких слов в лексиконе молодых людей не было. Но, с другой стороны, очень существенная часть культурной и эмоциональной подоплёки перестройки была сработана именно новым поколением, и все наши любимые песни — «Выйти из-под контроля!» («Телевизор»), «Дальше действовать будем мы» («Кино»), «Революция» («ДДТ») — останутся, наряду с несколькими сенсационными фильмами и разоблачительными романами, самыми яркими памятниками этой волшебной пятилетки.

...И вот мы делаем шаг на недостроенный мост —
Мы поверили звёздам,
И каждый кричит „Я готов!“
...Мы идём, мы сильны и бодры,
Замёрзшие пальцы ломают спички,
От которых зажгутся костры...

Это из песни Цоя (1986). Мост так и остался недостроенным, некоторые сорвались... Костры вспыхнули и потухли лет через пять. И всё же, вспоминая бодрые годы, мне на ум приходят классически банальные строчки, написанные современником Пушкина Василием Жуковским — правда, про людей, а не про времена: «Не говори с тоской — их нет, а с благодарностию — были». Ведь были, правда?..

В финале этой извилистой главы нам придётся свернуть со столбовой дороги российской истории на одну из боковых тропинок. Помимо эпохальных, в 80-е годы происходили и локальные события, парочка из которых имеет прямое отношение к теме нашей книги.

Мы уже избалованы тем, что все молодёжные движения (ну, кроме комсомола, конечно — но это «официозное» исключение, подтверждающее правило) прогрессивны, альтруистичны и свободолюбивы, а субкультуры составляют просвещённые и творческие молодые люди, выделяющиеся из невыразительной массы. Так и было в России — до конца 70-х годов. Примерно в это время в Москве и окрестностях, а затем и в других городах и городках возникли молодёжные — точнее сказать, подростковые — компании менее приятного типа. Социальная подоплёка тут знакомая: у ребят появились деньги, а значит они стали более независимы от родителей и самостоятельны в выборе своего досуга. Сначала это случилось у более зажиточных детей интеллигенции — стилинг, битников, хиппи, — а потом дело дошло и до бедных окраинных районов, где проживал рабочий класс.

История футбольных хулиганов в Британии и Европе гораздо длиннее и богаче, чем в России. До нас эта эпидемия дошла только в 70-е и тут же сильно шокировала общественность. Дело в том, что традиционно в СССР посещение футбольных матчей считалось чем-то вроде респектабельной формы культурного досуга; не то чтобы поход в театр, но около того. На трибунах, и особенно в ложах, можно было встретить и знаменитых артистов, и высокопоставленных чиновников; многие приходили на матчи всей семьёй. А тут вдруг это... Фанаты ходили большими организованными группами, носили что-то вроде униформы (шапки, куртки, шарфы) цветов своей любимой команды, вели себя громко и вызывающе. Особенно это бросалось в глаза на выездных матчах, когда сплочённые группы иногородних болельщиков выступали против всего стадиона. И хотя фанатов поначалу насчитывалось всего несколько сотен, движение было подвергнуто всяческому порицанию в прессе, а за его лидеров взялось КГБ. Во второй половине 80-х ситуация изменилась: преследования прекратились и сами футбольные клубы начали поддерживать своих болельщиков — в том числе и из коммерческих соображений. Фанаты между тем обнаружили

Любера, 1980-е

Значок люберов

склонность к насилию (некоторые видели в этом «английское влияние»): в 1987 году полтысячи поклонников московского «Спартака» поехали в Киев на игру с местным «Динамо» и устроили там настоящее побоище с большим количеством пострадавших. Впрочем, в отличие от следующих героев моего повествования, гнев футбольных фанатов был обращён только на таких же фанатов соперничающих команд; с представителями других субкультур они жили дружно, а с панками — ещё одной разновидностью англоманов — даже дружили.

Более экзотичны и менее симпатичны были другие обитатели мутных «спальных районов» — любера. Их предыстория началась в 1978-79 годах, когда в преддверии Олимпиады в Москве и вокруг неё построили множество спортивных объектов. В частности, в промышленном и в целом страшноватом подмосковном городе Люберцы оборудовали несколько центров для занятий тяжёлой атлетикой. Местные подростки, которым некуда было деваться в бедной и тоскливой пригородной жизни, начали эти центры — на сленге «качалки», от выражения «качать мускулы», — активно посещать. Поначалу это очень радовало и родителей, и милицию — меньше пьянства и хулиганства, здоровый образ жизни... Но вскоре встал естественный вопрос: а что делать с успешно накаченной мускулатурой, если и Олимпиада давно прошла, и в большой спорт могут попасть только единицы? Как и у кого появился ответ на этот вопрос, история умалчивает, но вскоре банды люберов (так они называли себя сами в честь родного города), поначалу немногочисленные, стали на электричках выезжать в соседнюю Москву с одной заветной целью — наказывать тех, кто им не нравится. Мишенью люберов становились, в основном, молодые люди и подростки, принадлежащие к «богатым» интеллигентским субкультурам — металлисты, панки, хиппи. Вычисляли всех по одежде, что было нетрудно, особенно летом. В отличие от давнишних комсомольцев и дружинников, волосы им не стригли и брюки не расширяли, а просто жестоко, иногда до смерти, били.

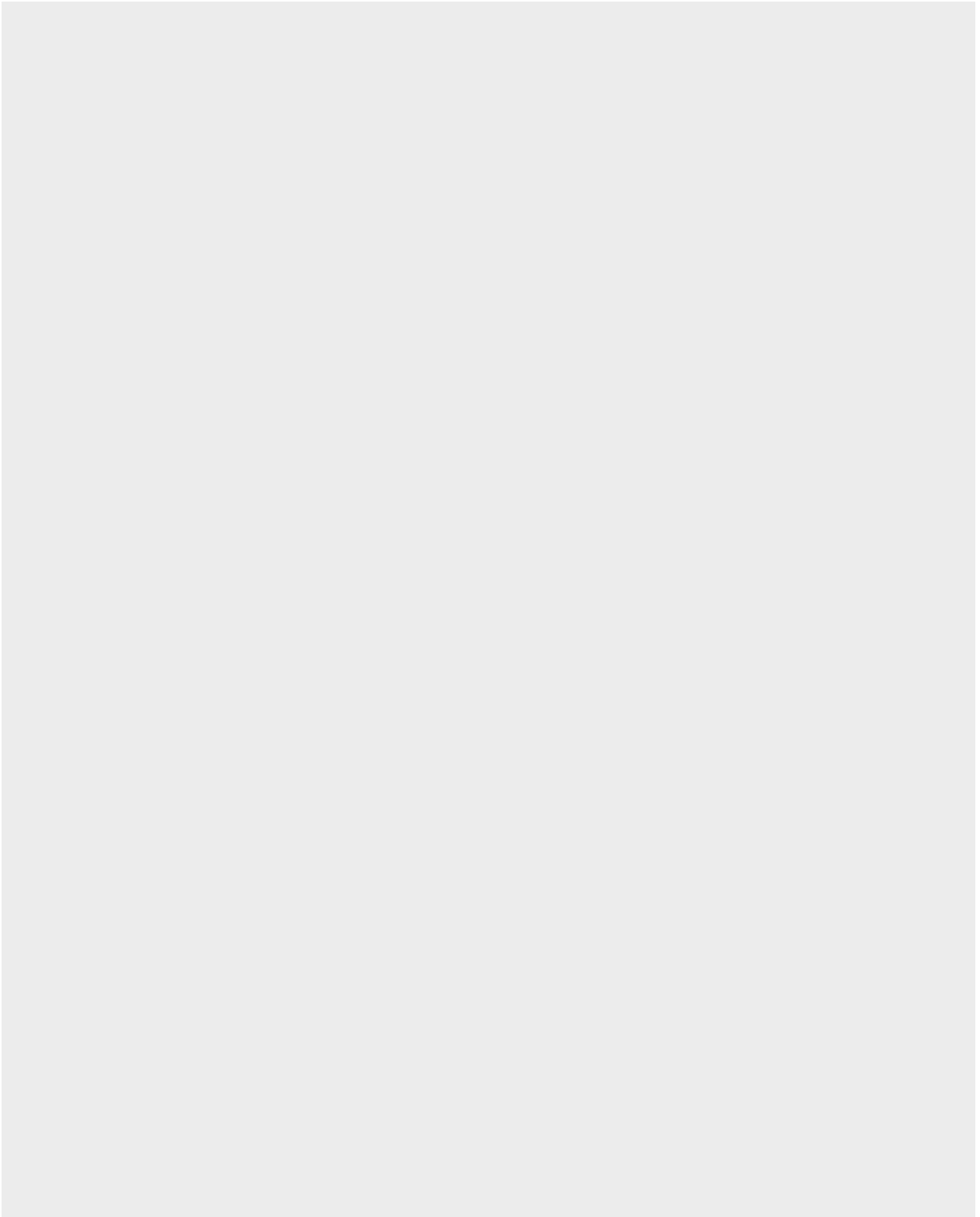
Любера выработали свой дресс-код — не очень элегантный, но эффективный: широкие толстые штаны с подшитыми на коленях металлическими

вставками (помогает в драках), кепка (зимой — вязаная шапочка), белый шарф, кожаная куртка. Что интереснее, у них выработалась мини-идеология: избиения модной молодёжи они называли «чисткой» или «ремонтom» и объясняли, что таким образом они борются с западной гнилью и прочими чуждыми нерусскими влияниями. У люберов был и свой гимн, вот строчки из него:

Родились мы и выросли в Люберцах,
Центре грубой физической силы.
И мы верим, мечта наша сбудется —
Станут Люберцы центром России!
Будь ты чёрен, как антрацит,
Даже ночью не спрячешься ты!
Применяем мы свой геноцид
Против всякой блатной лимиты.

Это подлинный текст, включая слово «геноцид», точное значение которого люберам было вряд ли известно. Я помню, тогда в 80-е считалось, что люберами движут два помысла: чешущиеся кулаки и чисто классовая неприязнь к богатеньким «столичным», смешанная с завистью. Сейчас я думаю немного по-другому: сильнейшей мотивацией окраинных парней была ненависть ко всему «чужому», нерусскому, а значит — вредоносному для наших устоев. И это уже базовая идеология. Именно это чувство, невинно называя его «патриотизмом», с азартом внушают пропагандисты сегодняшней молодёжи. В 80-е это тоже работало. Доподлинно известно, что милиция не только не препятствовала бандам люберов в их рейдах по центру Москвы, но и морально (а может быть, и финансово) их поддерживала. С одной стороны, сказывалась классовая близость, с другой — любера, по замыслу ментов, должны были держать в страхе хипню, панков и прочую «фашистскую нечисть», как однажды сказал мне один милицкий чин. Запугать «субкультурщиков» не вполне удавалось: подраться они тоже любили, и с середины 80-х стычки с люберами стали для металлистов и панков чем-то вроде повседневного развлечения.

В какой-то момент ситуация стала выходить из-под контроля: любера (под другими названиями) стали появляться в других городах и приезжать на гастроли в Москву; подмосковные начали ездить на «чистки» в Ленинград; на люберов пошла в атаку пресса, вскрывая, в числе прочего, их связи с покровителями из Министерства внутренних дел (это уже 1987-88, период «гласности»). Наконец, побоища стали приобретать угрожающий масштаб: летом 1988-го в Москве на Крымском мосту сошлись в бою порядка 3000 люберов и металлистов, были погибшие. Характерно, что как только движение утратило поддержку сверху, оно очень быстро — буквально за год — совершенно сдулось. Точно такая же история когда-то произошла с черносотенцами. Но если свирепую чернь начала века смела война и революция, то любера, за исключением немногих остепенившихся, влились в состав криминальных организаций. Но это уже следующее десятилетие и страна с другим названием.

??????

КАПИТАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Гангстеры, рейверы и «новые русские». 1991-2000

Всё закончилось быстро и практически одновременно: восьмидесятые, перестройка, социализм, Советский Союз, коммунистическая партия, комсомол, КГБ, группа «Кино». Начались: Российская Федерация, Ельцин у власти, капиталистическая экономика, шоковая терапия, танки в центре Москвы, криминальная революция. Судя по всему, 90-е годы тоже стали уникальным и очень чётко очерченным десятилетием в российской истории. Оценивают их не то, что противоречиво, а максимально полярно: от «самого свободного периода в истории России» до «годов смерти и унижений», от обожания до лютой ненависти. Отчасти это зависит от политической конъюнктуры: скажем, путинская пропаганда однозначно обозначает их как «лихие 90-е», время хаоса, насилия и безвластия в стране — с тем, чтобы подчеркнуть, как нынешний президент «навёл порядок» после вечно пьяного Ельцина. Оппозиция, напротив, делает ударение на то, что были «свобода и открытость», которых вскоре и в помине не осталось. Большое, а может быть и решающее значение в восприятии 90-х имеет и сугубо личный опыт: для очень многих это десятилетие стало или триумфом, или полным крахом — причём вне зависимости от политической ориентации... Про 60-е на Западе существует известная шутка: если вы их помните, значит вас там не было. К российским 90-м она имеет самое прямое отношение — время было угарное. Я, как ни странно, помню довольно много и для меня это десятилетие, хотите верьте, хотите нет, хорошо понятно и совершенно очевидно.

Август 1991 года стал пиком восьмидесятых. Напомню: 19 августа в Москве состоялась попытка коммунистического переворота «старой гвардии», направленного против Горбачёва и Ельцина, за возврат к уже слегка подзабытым советским нормам. В ответ сотни тысяч человек вышли на улицы и площади центра Москвы, блокировали войска, защитили Белый Дом, где базировался Ельцин, и спустя два дня с советской властью было де-факто покончено. Я там был повсюду (даже медаль за героизм получил) и могу официально заявить: ночь с 19 на 20 августа, когда всё решалось, была лучшей вечеринкой в моей жизни. Люди строили баррикады, жгли костры, пели песни, передавали новости, приветствовали друзей и встречающихся знаменитостей, говорили о будущем. Процент 90 толпы составляла молодёжь: на каждом шагу я встречал знакомых

музыкантов, журналистов, художников, аполитичных модников... глаза у всех блестели даже в темноте. Или это был отсвет костров. Единственной трагичной новостью той ночи была гибель трёх молодых ребят в тоннеле на Садовом кольце (были задавлены танком); а вообще это был фантастический праздник отваги и солидарности. Куда всё это делось?!?! Такое впечатление, что эти два-три дня и ночи в августе высосали из русских людей, молодых особенно, всю энергию на четверть века вперёд. Всё остальное в России пошло в 90-е (и последующие) годы криво, бездарно и без вдохновения.

На (суб)культурном фронте поначалу было интересно, хотя и печально. «Русский рок» сломался; по крайней мере, 4 обстоятельства подкосили и его, и его аудиторию:

- борцов андеграунда постиг кризис идентичности: они не знали о чём петь, когда всё стало можно;
- все международные проекты закончились фиаско; дальше дебютного альбома ни у одной из наших рок-групп дело на Западе не пошло;
- собственная публика, особенно девушки, попросту устали от интеллектуальных, но не очень сексуальных русских рокеров; захотелось музыки полегче и для танцев;
- многие из лучших артистов погибли (Цой, Майк Науменко, Александр Башлачёв) или эмигрировали в 1990-91 годах.

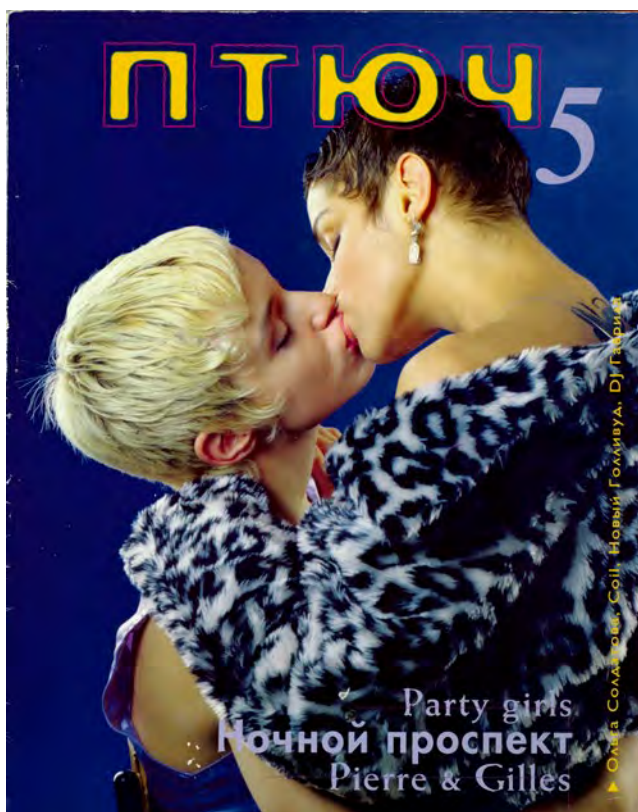
Место главного массового жанра заняла так называемая «попса»: заведомо примитивные танцевальные песенки, записанные на полугрушечных Casio и Yamaha. Лидеры жанра, детдомовский (!) бой-бэнд «Ласковый Май», прославились тем, что, поскольку никто не знал, как они выглядят (их музыка была настолько ужасна, что ТВ не решалось их показывать — и не по идеологическим, а чисто эстетическим причинам...), ушлый продюсер создал 4 параллельных состава, которые одновременно выступали — разумеется, под фонограмму — по всей России. Несбыточная мечта западных создателей Milli Vanilli, Spice Girls и им подобных марионеточных хит-бэндов, надо полагать. Если маленькие девочки бились в истерике на концертах «Ласкового Мая», то парни постарше глушили водку под другую музыкальную новинку — «русский шансон». На самом деле, новым было только название жанра — кстати, идиотское, поскольку к франкофонии эти песни не имели ни малейшего отношения. Фактически речь идёт о старинном русском жанре «блатная песня», уходящем корнями в позапрошлый век. Тюремные песни, воровские баллады, куплеты ГУЛАГа — всё это бытовало в уголовной среде и даже среди диссидентствующей интеллигенции, но на официальном уровне, конечно же, было запрещено. В новые либеральные времена эта заветная культура — так же, как «подпольный» рок — быстро всплыла наверх. Знаменем перестройки она, разумеется, не стала, но в начале 90-х «блатняк» совершил феноменальный скачок в популярности, превратившись фактически в саундтрек российского криминального бума, о котором я расскажу чуть позже. Третий новый тренд

и вдохновлённая им субкультура были предсказуемы и имели импортное происхождение — я имею в виду рэп/хип-хоп. В отличие от рока или диско, этой музыке понадобился десяток лет, чтобы достучаться до русской молодёжи; я был в жюри самого первого в стране хип-хоп-фестиваля (Москва, Парк Горького), и это было лето 1990 года. Рэперов, скейтеров и брейкеров в стране было не так много, но шуму они произвели изрядное количество, выдвинув два самых скандальных проекта начала 90-х. Группа «Мальчишник» была явно вдохновлена Beastie Boys, но пошла значительно дальше: большая часть их текстов была чистой порнографией. И, что самое замечательное, их хиты, в частности, знаменитая «Секс без перерыва» — весёлая ода групповому совокуплению — вовсе звучали в свободном российском эфире. Второй видный рэпер, Богдан Титомир, был одержим «позитивным меседжем» и даже пытался в условиях идеологического вакуума создать что-то вроде нового молодёжного движения, инспирированного танцами, спортом и лёгкими наркотиками. Не получилось.

Если и говорить о каком-то «движении» в 90-е годы, то это, скорее всего, клубное движение. Всё началось в ленинградском планетарии, где местные диджеи и музыканты-электронщики начали проводить рейв-вечеринки для небольшой группы посвящённых. В 1991 году они решили перенести практику в Москву — и тут произошёл «большой взрыв». Первый же большой рейв — легендарная Gagarin Party в павильоне «Космос» на ВДНХ — перевернул московскую ночную жизнь. Оказывается, вот что

Девушки в ночном клубе Москвы. 1992 г. Фото: Georges De Keerle © Getty Images

Обложки журнала «Птюч»,
1995-96. Из архива Игоря
Шулинского

было нужно молодой толпе: музыка техно и аккомпанирующие наркотики! И то, и другое было несложно.

Наркоситуация в России к этому времени разительно изменилась: если в 70-е годы наркотики, за исключением травы конопли, вообще были экзотикой, а в 80-е героиновый траффик шёл почти исключительно из Афганистана (спасибо войне) и Средней Азии, то теперь порт Санкт-Петербурга стал крупнейшим перевалочным пунктом кокаина из Колумбии в Старый Свет. (Некоторые считают, что именно здесь был создан «первоначальный капитал» известных представителей нынешней российской правящей элиты). Тяжёлые наркотики, не говоря уже о таблетках, продавались в клубах практически в открытую; в туалетах были оборудованы кабинки для желающих и даже простые полки, расположенные на такой высоте, чтобы удобно было вдыхать «дорожки» кокаина.

Клубов тут же открылось огромное количество; картина ночной жизни была довольно пёстрой. Богемные подвалы с живой музыкой; гламурные залы (часто — бывшие Дома культуры) для «золотой молодёжи»; первые в истории России гей-клубы. Тут сделаю небольшое, но важное отступление: в СССР гомосексуализм считался уголовным преступлением; гей-культура была глубоко законспирирована, если вообще существовала. Скажем, весь диско-феномен, крайне популярный в Советском Союзе, был начисто лишён «голубых» обертонов. А представить себе coming out публичного человека было и вовсе невозможно — примерно как сейчас, при Путине. Лишь в 1993 году статья «за мужеложество» была отменена и гей-община воспряла: начали выходить гей-журналы, проходить конференции на тему, открылись гей-клубы. Помню, один из них, московский «Три Обезьяны», находился дверь в дверь с местным отделением милиции.

На мой вкус, лучшим в стране клубом был петербургский «Там-Там», бескомпромиссный пост-панковый Вавилон, где часто играла и моя любимая группа начала 90-х, «Химера». Два московских заведения, психоделический «Эрмитаж» и электронный «Птюч», дополняют первую тройку. «Птюч» — так назывался и печатный орган кислотной клубной жизни — культовый ежемесячник ночных безумств. К сожалению, довольно скоро молодых техно-энтузиастов отодвинули в сторону (главного из них, петербуржца Ивана Салмакова, просто убили), и рейв-бизнес, недорогой и эффективный, полностью взяла в свои руки мафия. Мафия — в самом прямом смысле этого слова: наркоторговцы, рэкетеры, убийцы. И это была оборотная сторона блестящей медали 90-х: ассортимент обрётённых свобод включал в себя и полную свободу насилия.

С начала 1992 года политический и экономический хаос, царивший в России, начал приходить в некую систему, которую принято называть «рыночными реформами» в духе «шоковой терапии». Не будучи экономистом, я не стану вдаваться в технические детали (если быть совсем кратким, то речь шла о максимальной либерализации финансов и хозяйства в духе так называемой «Чикагской школы»), а остановлюсь на прямых последствиях для «человека с улицы». Что было хорошо: началась лихорадочная предпринимательская деятельность — каждый мог попробовать стать ка-

питалистом; в магазинах и частных ларьках появились продукты и товары. Что было плохо: далеко не у всех граждан имелись предпринимательские таланты и возможности; на товары и продукты у большинства катастрофически не хватало денег. Начались бешеная инфляция и безработица; циничные реформы в стиле «социального дарвинизма» поставили миллионы человек на грань выживания: профессора работали курьерами, изысканные дамы с высшим образованием торговали на улице пирожками, вчерашняя интеллигентская элита стояла в очередях в ломбарды, а пенсионеры просто тихо умирали.

Безработица среди молодёжи, по неофициальным оценкам, превышала 50%. Но карьерные возможности были — правда, в довольно специфической сфере. Вот статистика; она далеко не полная, но всё равно производит сильное впечатление: общее число осуждённых за различные преступления в возрасте до 30 лет в России с 1990 по 2000 год составило 5 миллионов 576 тысяч человек. И это не учитывая рецидивов. За этот же период число совершивших преступления россиян в возрасте 18-24 года увеличилось в два с половиной раза, достигнув почти полумиллиона, а в возрасте до 30 лет — миллиона молодых людей в 2000 году. Юные криминальные дарования составляли более половины (почти 54%) всех преступников в России. Молодёжных банд в середине 90-х насчитывалось порядка пяти тысяч. По приблизительным оценкам, не менее 6 миллионов россиян в возрасте 14-29 лет, то есть примерно 20% всей молодёжи, было вовлечено в криминальную активность. Сотни тысяч из них погибли. Примерно половина — от наркотиков, вторая половина (порядка 300 тысяч) — в результате жесточайших гангстерских войн и эпизодических схваток с правоохранительными органами. Цифры, повторю, очень приблизительные — возможно, реальность ещё страшнее, — но и они дают представление о масштабе «великой криминальной революции» 90-х. Её социально-экономические предпосылки очевидны, и здесь Россия вряд ли принципиально отличается от Южной Африки, Венесуэлы или даже Америки периода Великой депрессии. Однако национальная специфика и субкультурные нюансы, несомненно, имели место.

Сообщество молодых бандитов называло себя «братва» (не путать с благородным словом «братство»), а каждого отдельного члена — «браток». Над рядовыми братками располагались «авторитеты», «паханы», «воры в законе» — как правило, не такие молодые. Скажу сразу: я всегда ненавидел уголовников и гангстеров, никогда не имел с ними отношений и не могу похвастаться, в отличие от многих журналистов и светских персонажей, не говоря уже о российских политиках, глубокими познаниями в области иерархии, слэнга и кодексов преступного мира. Но видел и слышал я их многократно — это было неизбежно, — поэтому готов представить объективную картинку.

Итак, внешность братка: очень короткая стрижка (часто их называли «бритые затылки»); спортивные брючки («треники»); топ — спортивная куртка или — у особо модных или преуспевших — яркие кашемировые пиджаки (ещё одна кличка — «малиновые пиджаки»). Обилие золотых аксес-

Сергей Братков и Слава Могутин. #5 из серии «Олимпиада в Кабуле», 2001. Публикуется с разрешения Владимира Овчаренко

суаров — массивные золотые цепи, с крестами и без, на груди («цепура»), перстни на пальцах («голда»). Самые уважаемые брэндс: Adidas, Versace. Любимая машина — BMW. Музыка — не слишком важна; под таблетки в клубах — техно и хаус, для души — «русский шансон». Антураж: такие же братки и проститутки («путаны», «шмары») — очень молодые и вульгарные. Досуг: наркотики с танцами в ночных клубах, пьянство в ресторанах, веселье в саунах и массажных салонах. Немного загадочной мне представляется одна сторона жизни братков: с одной стороны, они потребляли тонны наркотиков («треники» — героин; «пиджаки» — кокаин), с другой — исповедовали культ физической силы и спортивной формы (строго говоря, кроме мускулов и оружия предъявить им было нечего...). Каким образом удавалось решать это противоречие, не знаю.

Братки из Ореховской преступной группировки, 1990-е

Исследователи российского криминального бума 90-х отмечают и некоторые психологические особенности братков, отличающие их от традиционного уголовного уклада. Главная — беспощадность и жестокость, часто совершенно неоправданная. В 90-е годы в русском лексиконе появились и стали очень распространёнными два новых слова: «отморозки» и «беспредел». Отморозки — это бандиты или шпана, потерявшие — обычно, под воздействием наркотиков — всякие представления о добре и зле, хладнокровно убивающие и калечащие. Беспредел — результат активности отморозков, циничные, избыточные, часто немотивированные преступления. Скажем, когда рэкетеры приходят «наказать» должника, и заодно с ним убивают его семью, детей и случайных знакомых. Считается, что бандиты «старой школы» такого себе не позволяли. Второе отличие — отчётливый национальный и религиозный сентимент. Многие банды строились по этническому принципу, и тут проявлялось острое противостояние «славянских» и «кавказских» (в первую очередь, чеченских) преступных группировок. Кавказскую тему я трогать вообще не буду — она столь же сложна, сколь мало мне знакома, — а среди славянских гангстеров авторитет православия широко декларировался и практиковался. Довольно своеобразным, на мой взгляд, образом: после убийств братки получали отпущение грехов у прикормленных батюшек; они любили жертвовать кровью заработанные деньги на церковь, а могилы их, polegших в перестрелках или от передоза, сплошь покрыты распятиями и ангелами — будто покоятся там святые... Ну, и третье — страсть к «сладкой жизни» и предметам роскоши; об этом я уже упоминал. Здесь важно подчеркнуть, что в заповедях традиционного русского преступного мира, в частности его элиты, так называемых «воров в законе», проповедовались, напротив, аскеза и воздержание. Противостояние «беспредельщиков» и старой уголовной гвардии стало одной из главных причин кровопролитных «разборок» (ещё одно популярное новое слово) в криминальной среде.

Одержимость шмотками, автомобилями, модными клубами, наркотиками, топ-моделями, глянцевыми журналами и прочим, что получило в русской жизни 90-х обобщающую кличку «гламур», в ещё большей степени, чем неотёсанным браткам, было свойственно главной молодёжной субкультуре того десятилетия — «новым русским». Само словосочетание, судя

по всему, придумали и пустили в оборот иностранные журналисты, в изумлении наблюдавшие за нескончаемой оргией обеспеченной столичной тусовки. Оно тут же было подхвачено — как самими «новыми русскими», так в иронично-издевательском смысле и их ненавистниками. Ненавистников было много — почти вся страна, но в их презрении к молодым выскочкам часто сквозил оттенок не то уважения, не то зависти.

Классовый и профессиональный состав «новых русских» был достаточно однороден. Перескочив в мгновение ока из загнившего «развитого социализма» в дикий капитализм, страна, её экономика, менеджмент, гуманитарная сфера тут же потребовали массы новых институтов и профессий, от биржевых брокеров до рекламных агентов, от PR-консультантов до клубных промоутеров. Вот вся эта масса не пойми откуда взявшихся, но амбициозных, жадных, авантюрных, иногда талантливых молодых акул обоих полов и составила ядро «новых русских». Вокруг ядра вращались, с одной стороны, относительно изысканные братки (вообще, грань между легальным и преступным миром в России весьма условна, а в последние два с половиной десятилетия — особенно), с другой — успешные (что принципиально) молодые артисты, журналисты и интеллектуалы. Пожалуй, ближайшая западная аналогия — это всё же яппи. Но бешеные яппи, одержимые не только карьерой и деньгами, но и тем, как эти деньги максимально эффектно прожигать. Я бы назвал их «excessive yuppies».

Философия «новых русских» была проста и неинтересна: воинствующий материализм, культ успеха и собственной «крутости», модные раз-

Надгробия братков, 1990-е.
«Без названия» (из серии
Essence). Фото: Денис Тарасов

влечения в часы досуга и максимум пренебрежения к «лохам» — людям неудачливым и непреуспевшим. Это характерный напыщенный тип, и про него ходили тысячи анекдотов. Вот один, самый точный: встречаются два «новых русских» и тут же замечают, что у них одинаковые галстуки (естественно, Cartier или Hermes...). Один говорит: «Эксклюзивная вещица — я в фирменном бутике в Париже купил за тысячу долларов!» Второй презрительно отвечает: «Ну ты лузер — я свой брал на Rodeo Drive за три тысячи!» И я бы даже не сказал, что в этой шутке есть какое-то преувеличение. Внешний шик был убийственно важен; большинство «новых русских» приехало в Москву из провинции, и я много раз отмечал, что они живут в ужасающих съёмных квартирах в дурных районах — зато обязательно ездят на Mercedes Benz 600 и носят Hugo Boss и Rolex. Были ли у них какие-то ценности по ту сторону успеха, денег и гедонистического драйва? Сомневаюсь. Соответственно, не было и лидеров — только «ролевые модели» в лице гламурных «звёзд» и их brutальных продюсеров. А была ли у «новых русских» своя культура? Несомненно, и молодой криминалитет, и «новые русские» представляли собой субкультуры, притом очень чётко сформулированные: система ценностей, моральный кодекс, стиль поведения, дресс-код — вплоть до названий «предпочтительных» брендов и цвета обмундирования. Что называется, хороший вопрос.

В нынешнее время, среди мрака путинской реакции, девяностые в России переживают невероятный ностальгический бум: приятно, когда всё нельзя, вспомнить о временах, когда всё было можно. Проходят не только тематические вечеринки в стиле «новых русских», но и выставки, фестивали, телесериалы и даже околонуточные конференции. Боюсь, я считаю себя одной из «икон 90-х» (вёл популярные ТВ- и радиопрограммы, возглавлял мужской глянцевого журнала и модный рекорд-лейбл, устраивал гастролы Дэвида Боуи и бог знает что ещё); поэтому меня постоянно вызывают на откровения: как тогда было в «единственном свободном десятилетии» и каков его вклад в российскую культуру? Что ж, анекдоты про «новую русскую» анархию и полувменяемые приключения той поры можно рассказывать бесконечно, а вот «вклад»... Я не думаю, что гламурные видеоклипы, кислотных диджеев, криминальное чтение, скандальные журналы, поп-песенки, китчевые телешоу, провинциальные подражания Линчу и Тарантино можно серьёзно рассматривать как достижения культуры. Это могло быть забавно, даже в каком-то смысле уникально: скажем, целый поджанр бандитских (в самом прямом смысле слова!) фильмов — когда разбогатевшие «братки» буквально покупали режиссёров и операторов и снимали с их помощью игровые картины по собственным сценариям и со своими друзьями и подругами в главных ролях... Это работало, как документы странной эпохи, но никак не подпадало под графу «искусство».

Наверное, всё тогда происходило слишком быстро и калейдоскопически, поток шальных денег сбивал с ног и сводил с ума, свобода опьяняла — и у художников просто руки не доходили до кропотливой работы и глубокой рефлексии. Культура под дулом пистолета и с включённым счётчиком; срочная, но недолговечная.

Исключения, если говорить о молодых авторах, я сделал бы, не претендуя на объективность, лишь для нескольких, и, скорее, маргинальных представителей тогдашнего андеграунда:

- Владик Монро и его «Пиратское телевидение»: гений трэша, имперсонатор и провокатор; Джефф Кунс, Синди Шерман, Бой Джордж и бог знает кто ещё в одном лице, в своих живых и видеоперформансах он довёл оргию 90-х до уморительного абсурда, оставаясь при этом искренним и трогательным! Помимо всего прочего, сжёг квартиру олигарха Бориса Березовского.
- Евгений Юфит, петербургский экс-панк, отец «некрореализма», а впоследствии кинорежиссёр — автор непостижимых, перенасыщенных чёрным юмором и белым цветом полунемых фильмов; предельный «антигламур», идущий радикально вразрез с доминирующей эстетикой и настроением своего времени.
- Александр Виноградов и Владимир Дубосарский, дуэт «постгламурных» художников, авторов эпических, веселящих и глумливых полотен на темы современной российской жизни; смесь соцреализма, поп-арта и салонной живописи для «новых русских» идеально соответствовала эклектичному духу эпохи.
- Виктор Пелевин, писатель и практический мистик; его роман «Generation П» вышел в 1999 году и фактически подытожил десятилетие свободы, сюрреализма и постмодернизма. Культовость книги обусловлена, скорее всего, тем, что делириум России 90-х не только смачно описан, но и подвергается научному анализу.

А в остальном... Гора кокаина и сопутствующих товаров родила мышь: оказалось, что творческой молодёжи девяностых почти нечего предъявить русской вечности. Вдогонку названному выше могу порекомендовать самую, возможно, популярную песню 90-х, исполненную прелестной брит-поп группой «Мумий Тролль»:

Утекай —
В подворотне нас ждёт маньяк,
Хочет нас посадить на крючок.
Красавицы уже лишились своих чар,
Машины — в парк, все гангстеры спят.
Остались только мы на растерзание уеаh
Парочка простых и молодых ребят.
Утекай...

Не стоит тут искать глубокий скрытый смысл — иногда смысл не имеет смысла.

ВЛАДИМИР СОРОКИН (1955) и ВИКТОР ПЕЛЕВИН (1962)

В России, стране традиционно одержимой литературой, считается, что писатели должны олицетворять свою эпоху. В 1990-х и 2000-х эстафета перешла к Владимиру Сорокину и Виктору Пелевину — возможно не самым лучшим, как скажут некоторые, но без сомнения самым влиятельным писателям своего поколения. И Сорокин, великолепный стилист с почти пророческим предвидением, и Пелевин, тонкий саркастический диагност современной абсурдистской реальности, дают лучшее описание современной России и ее будущего, чем любой политолог.

Кадр из фильма «Весна» Евгения Юфита, 1987. Из архива автора

*«Дорогая, я ещё в офисе»,
Владимир Виноградов
и Александр Дубосар-
ский. 1996. Из коллекции
Михаила Карминского*

«Митьки в Макдоналдсе», Дмитрий Шагин, 2003. Из архива художника

ИГРЫ ПАТРИОТОВ

Митьки, гопники и новый национализм. 2000-2010

Наступление криминального капитализма, безжалостные гангстеры и наглые нувориши — всё это вызвало реакцию общества. Потерявшая привилегии интеллигенция; рабочий класс, превратившийся из «гегемона», пусть и дутого, в толпу нищих; безработная разочарованная молодёжь, большая часть которой не сумела или не захотела вливаться в ряды «братков» или «новых русских» — все откликнулись, кто как мог: эмиграцией, забастовками, голосованием за коммунистов. Со стороны относительно молодого поколения первым и самым симпатичным ответом на новые времена стали «митьки». Вообще-то, эта обаятельная история началась ещё на пике «застоя», в 1984 году, когда 30-летний ленинградский художник Владимир Шинкарёв написал книгу «Митьки», полусказку-полубыль о развесёлой и задумчивой жизни своих молодых и антисоциальных друзей. Главный герой и образцовый «митёк» — Митя Шагин, реальный человек, наивный живописец и принципиальный пьяница. Два основных состояния митька Шинкарёв описывал как «граничащую с идиотизмом ласковость и сентиментальное уныние». В живописном плане этому соответствовала наивная, почти детская манера и сказочные мотивы. Однако в романе автор пошёл гораздо дальше: представил митьков не просто художественной группой, а как полноценную субкультуру, придумав (или додумав) их жаргон, манеру одеваться (смесь моряцкой униформы с одеждой дворника), любимые книги и фильмы (в основном всё светлое советское), манеру поведения (пьяно-галантную) и кодекс чести. Базовые черты каждого митька: доброта и умиление, неамбициозность и неагрессивность; их популярнейший лозунг — «Митьки никого не хотят победить». Отчасти они напоминали мне Платона Каратаева из «Войны и мира» Толстого, но больше всего — настоящих русских национальных хиппи, чья идеология опоздала на 20 лет.

Владимир Шинкарёв писал позже, что сочинял «Митьков» в затхлой атмосфере начала 80-х в терапевтических целях — чтобы «дышать весёлым и свободным воздухом» и показать друзьям, «как избежать посредственности и тоски». Роман вышел в самиздате в 1985 году и прошёл незамеченным — как раз начиналась перестройка и было, чем заняться. Митьки взорвали среду молодой богемы 5-6 лет спустя: повсюду замелькали тельняшки и ватники, зазвучали ласковые митьковские прибаутки.

«Одна тельняшка на всех». Перформанс Митьков. 2005 год. Из архива Дмитрия Шагина

Митьками вдруг стали многие знаменитые музыканты (Макаревич и БГ в том числе), художники, писатели; начали выходить «Митьки-газета», диски с «митьковскими песнями», документальные фильмы о «Движении митьков». И в самом деле — не просто артистичная субкультура, а целое движение — с харизматическим лидером и его апостолами, программой и лозунгами. Тот случай, когда искусство не «отразило», а действительно сформировало реальность — как это стало в прошлом веке с нигилистами или «лишними людьми»; полувиртуальная креатура писателя Шинкарёва, Митя Шагин, оказался в роли Базарова XX века... При всей своей удивительности, история митьков имела железное логическое обоснование: их бескорыстие, мягкость и любвеобильность воспринимались как стопроцентная антитеза предельно прагматичной и жестокой доктрине «новых русских». «Да, мы лузеры, у нас мало денег, нас никто не боится и мы никого не хотим победить — но нам весело, мы всех любим и чувствуем себя гораздо лучше, чем вы, нервные амбициозные хищники!» — как бы провозглашало расслабленное братство в смешных мешковатых одеждах. И, что самое странное, это убеждало!

При всей своей харизматичности, моральной неуязвимости и национальной укоренённости, сентиментальная история митьков как «движения» закруглилась где-то к середине 90-х — полагаю, она просто слегка приелась нашей богеме, а на арт-сцене появились новые лидеры. Но остался брэнд, группа художников в тельняшках и сам Митя Шагин, большой и обаятельный. Популярные в «неформальной» среде, политически

безвредные, тщеславные и падкие до публичных мероприятий митьки стали находкой для городских властей: их всячески обласкали, превратив в петербургский культурный аттракцион, а позже привлекли и к каким-то кремлёвским промокампаниям. Это стало последней каплей для совестливого Владимира Шинкарёва, и он объявил о закрытии славного феномена своего изобретения, написав в 2010 году грустную и горькую книгу под названием «Конец митьков». Заканчивается она фразой: «И за что мне, собственно, любить митьков? У меня митьками друга убило». А Митя жив — видел его совсем недавно — такой же приветливый, но одинокий, грустный и непьющий.

Капиталистическая агрессия и либеральная доктрина вызывали отторжение не только у безобидных митьков; в начале 90-х нонконформистски настроенную молодёжь начали обуревать ультраправые, ультралевые и националистические демоны. Часто все вместе и одновременно. Ну, например: Тимур Новиков, лидер ленинградских художников 80-х, панк и экспрессионист, основал в 1991-ом Новую Академию Изящных Искусств и начал исповедовать консервативнейший неоклассицизм, сильно напоминающий и сталинский ампир, и живопись/скульптуру Третьего рейха. Его соратник, фантастический выдумщик и музыкант-максималист Сергей Курёхин, пошёл ещё дальше: вступил и стал агитировать за «Национал-большевистскую партию» — своего рода постмодернистскую нацистскую организацию с идеологией в виде смеси фашизма и коммунизма, замешанной на русском шовинизме и лозунгом «Россия всё — остальное ничто!» В той же компании оказался ещё один авторитетный среди экстремальной молодёжи человек — сибирский панк Егор Летов из группы «Гражданская Оборона». Мы дружили с Курёхиным и пару раз страстно спорили с ним на эту тему; моя позиция была проста: при всём презрении — политическом и эстетическом — к буржуазному гламуру и либеральной пошлятине (которое я разделял), бросаться в противоположную крайность и дружить с допотопными коммунистами или тем более переходить «красную черту» нацизма — для умного и достойного человека недопустимо. Его аргументация сводилась к оправданию тоталитарных («романтических», в его представлении) теорий ввиду того, что для борьбы с текущей гадостью все средства хороши. Интересно, что мой друг сказал бы сейчас, когда давешняя риторика «национал-большевиков» стала фактически государственной демагогией, воплощением банальности и жлобства, которые он так ненавидел. К сожалению, его уже 20 лет нет в живых.

Тотальный ресентимент, вобравший в себя всё, от имперских комплексов до бедности и зависти, и поначалу обуявший молодых радикалов, к началу нулевых стал настроением мейнстрима. Идеально сформулировала это неприятное чувство гиперпопулярная кинодиалогия Алексея Балабанова «Брат» и «Брат-2» (1997-2000). Строго говоря, как и «Митьки», это было художественное произведение, запустившее мощный процесс в реальной жизни. (В отличие от милейших «Митьков», «Брат» оказался куда долговечнее, и в его бесконечном сиквеле мы в России живём до сих пор). Сюжет прост и напоминает много чего, вплоть до «Рэмбо»: отслужив два года в

армии, молодой парень Данила возвращается в реальную и не очень понятную взрослую жизнь 90-х — бандиты, проститутки, наркотики, коррупция и всё такое. Эта жизнь, лживая и несправедливая, ему не нравится, и Данила начинает наводить в ней порядок с помощью пистолета, из которого очень хорошо стреляет. Под его горячую руку попадают все, от кого действительно страдает бедная и потерянная часть молодёжи — «новые русские», воры и менты, кавказцы и украинцы, торгаши и эксплуататоры, а во второй части, где действие происходит в основном в Чикаго — ещё и американцы, особенно негры. При этом Данила неприкаян, как Джеймс Дин, надёжен, как Джон Уэйн, наивен, как князь Мышкин. И расстреливает всё, что неправильно движется, под девизом «сила, брат — в правде!» Одевается, как гопник (про них — чуть дальше), и слушает исключительно русский рок. Героя Данилу все тут же страшно полюбили — за прямооту, бескорыстие и эффективность. Молодёжь из свежеиспечённых пропутинских движений маршировала под плакатами «Данила — наш брат, Путин — наш президент!» Когда я (возможно, первым) предположил в разговоре с талантливым режиссёром Балабановым, что он, возможно, снял фашистский фильм, Алексей так удивился, что не знал, как ответить.

Да, вирус национализма, расизма, нацизма стал распространяться в нулевые со скоростью пандемии: если в 90-е существовало 2-3 заметные ультранационалистические организации (Русское Национальное Единство, Национал-большевистская партия и партия Жириновского), то к середине нулевых их был уже десяток. Катализаторами процесса стали наплыв в относительно богатую (как раз цены на нефть пошли вверх!) Россию мигрантов из обнищавших азиатских республик бывшего СССР, кровавые чеченские теракты, а также медленно, но верно нарастающая волна официальной имперской риторики на фоне ухудшающихся отношений с дерзкими соседями — странами Балтии, Грузией, Украиной. Среди нескольких разновидностей ультраправых доминировали открытые неонацисты и близкие к ним скинхеды (Национал-социалистическое общество — НСО, Шульц-88, Mad Crowd, Общество Белых-88, Линкольн-88, Боевая организация русских националистов — БОРН). Обогаатели Гитлера (отсюда 88 — Neil Hitler), они убивали направо и налево — азиатов, негров, евреев, антифашистов. У одного НСО на счету 27 убийств за один 2008 год. И это были единственные из ультрас, кто имел серьёзные проблемы с властями — большинство активистов сейчас или сидит, или застрелено. Но даже здесь были исключения: БОРН, члены которой убили в Москве адвоката Станислава Маркелова и журналистку Анастасию Бабурову, как выяснилось позднее, имели «куратора» в Администрации президента. Затем появилось некоторое количество националистических молодёжных сообществ с оккультно-эзотерическим уклоном — язычники (Круг языческой традиции, Союз общин славянской родной веры, Национально-демократический альянс), евразийцы (Евразийский союз молодёжи) и даже что-то вроде русского Ку-клукс-клана под названием «Общество Нави». Довершают пейзаж разношёрстные организации традиционного черносотенного плана — от «Православных хоругвеносцев» и «Русских» до «Движения

Делегаты первого конгресса движения Русского Национального Единства (РНЕ). 1997. Александр Поляков/МИА «Россия Сегодня»

против нелегальной иммиграции (ДПНИ)». Элемент субкультуры, как правило, присутствовал в нарядах и ритуалах; даже свои рок-группы — обычно «металлического» направления — у нацистов были. И то и другое представляет интерес только с одной точки зрения: насколько всё везде одинаково! Нелегко было отличить русского нациста 90-х от немецкого эсесовца 30-х: чёрная псевдовоенная форма, нарукавная повязка с эмблемой, очень похожей на свастику, узкий галстук. Похоже, безымянные дизайнеры Третьего рейха создали оптимальный дресс-код для фашистов на все времена. С музыкой забавно: русские наци предпочитают немецкий Rammstein и словенский Laibach — притом что обе группы используют тоталитарные клише с огромной иронией. Словенцы рассказывали мне как анекдот, что на их концерте в Москве прямо перед сценой выстроилась шеренга молодых людей в тёмных костюмах, периодически вскидывавших руки в нацистском приветствии. Девушек-наци я тоже видел: они носили чёрные кожаные юбки и ботсы Dr. Martens.

На противоположном фланге расположены, что логично, антифашисты (у нас их называют «антифа»), ультраправые и анархисты. Численность их, как мне представляется, в нулевые примерно соответствовала численности разнообразных фашистов и фашистоидов. Организаций и конспирации, правда, было меньше: КРАС-МАТ и «Автономное действие» у анархистов, «Авангард красной молодёжи» и «Левый фронт» у коммунистов. Легальные методы — марши, концерты, пикеты — сочетались с криминальными: избиениями и убийствами оппонентов-фашистов. Самой громкой акцией левых стал флешмоб человек на 150-200 анархистов, антифа и экологов у здания администрации подмосковного города Химки в 2010 году; полиция тогда позорно бежала от весёлой толпы, дом закидали краской и разбили окна. Идеология молодых русских левых была значительно менее экзотична, чем у правых, и в целом совпадала с мировой левизной: социальная справедли-

«Москва без чурок!» Из серии
«Хроники сопротивления».
Виктория Ломаско, 2011-12. Из
архива автора

вость, толерантность, неприятие шовинизма и империализма. С официальной парламентской Коммунистической партией отношения неприязненные. Свои рок-группы тоже были — преимущественно в стилях панк и ска. Также популярны: длинные волосы, курение травы, анархопанковые майки, кроссовки, куртки с капюшоном. Боюсь, я плохо стал различать нюансы молодёжных стилей одежды и вряд ли отличу антифа от хип-хопера, панка или даже растамана.

Из вышесказанного может сложиться впечатление, что в нулевые годы российская молодёжь серьёзно интересовалась политикой и группировалась по идеологическим признакам — но это совсем не так. Вся деятельность такого рода практически ограничивалась двумя крупнейшими городами, да и в Москве с Петербургом число вовлечённых в правое-левое противостояние вряд ли превышало несколько тысяч. Для огромного большинства молодых русских политические и социальные проблемы вообще не стояли на повестке дня: бешеные цены на нефть, державшиеся почти все нулевые годы, наводнили страну деньгами — даже того, что оставалось после оргии воровства и коррупции «в верхах», вполне хватало для беспрецедентно благополучной жизни основной массы и роста среднего класса. Жизнь молодых людей проходила под знаком карьеризма и потребительства: некоторые называют эту молодёжь «попсовой» (в честь весёлого и бездумного музыкального стиля), я предпочитаю эпитет

«нулевая». Спорт и фитнес, лёгкий алкоголь и лёгкие наркотики, телевизор и социальные сети, оптимизм и мобильность. Из бермудского треугольника «офис (университет) — шоппинг-молл — ночной клуб» в нулевые годы выходили очень немногие. Да и увлечения этих немногих носили очень инфантильный, на мой вкус, характер: исторические реконструкции и ролевые игры, «косплей» и японские аниме, толкиенисты, киберготы, эмо и любители адреналиновых видов спорта. Среди последних, помимо международных скейтеров, диггеров, руферов и прочих паркуристов, стоит отметить единственную чисто российскую породу — «зацеперов». Это ребята, которые «цепляются» за крыши вагонов метро и так ездят, снимая себя на видео и иногда разбиваясь... Не спрашивайте меня, зачем.

По понятным политическим причинам сейчас в России принято чётко и принципиально разделять девяностые и нулевые годы: «при Ельцине» и «при Путине». По официальной версии, в первом случае имели место хаос и обнищание, а во втором — порядок и процветание; по оппозиционной — соответственно, свобода была и свободы не стало. Я не склонен проводить такой явной границы; многие гадости, типичные для режима Путина (как и он сам, в качестве карьерного чиновника), начались в 90-е: насилие над оппозицией (Белый дом, 1993), грязная война (Чечня, 1994-99), фальшивые выборы (1996), а о преступности и коррупции и говорить нечего. Путин был приведён к власти Ельциным, и нулевые органично и логично выросли из девяностых. Отличия начали проступать и всё более рельефно к 2003-2004 годам. Всё больше власти и влияния концентрировалось у президента, его аппарата и «силовиков»; всё уже становилось пространство свободы слова; после двух десятилетий тотальной «деидеологизации» снова зашевелились жрецы государственной промывки мозгов. Последнее имело прямое отношение и к молодёжной политике.

Попытки реанимировать комсомол связаны в основном с активностью некоего Василия Якеменко, молодого (1971 г. р.) сотрудника путинской администрации, создавшего в 2001 году организацию «Идущие вместе». Проект провалился: название его издевательски пародировали, а самая громкая акция вызвала критику даже у лояльных медиа, поскольку речь шла о публичном сожжении «вредной» литературы, включая книги популярных Пелевина и Сорокина. Спустя три года тот же неугомонный функционер инициировал очередное «молодёжное движение» — на этот раз под лаконичным названием «Наши». В числе целей движения было записано: «искоренение олигархов и антисемитов, нацистов и либералов» — чтобы никому не было обидно, надо полагать. На практике все искусственные ячейки Путин-Jugend (имелись ещё какие-то «Местные», «Хрюши» и т. п.) были слишком трусливы и малочисленны, чтобы искоренить даже мелких наркодилеров. Однажды в 2007-м они напали на женщину-посла Эстонии Марину Кальюранд, а так в основном ходили в майках с Путиным и радостными физиономиями по государственным праздникам и учились патриотизму в летних лагерях. Однажды я имел беседу с функционером-нашистом, неглупым амбициозным пареньком, кажется, из Сибири, и на мой прямой вопрос — зачем он вляпался в эту организацию? — он с

простодушным цинизмом ответил: «У меня не было другой возможности сделать карьеру и попасть в Москву». Во время недолгого президентства Дмитрия Медведева (2008-2012) «Наши» стали быстро погибать: новое, более модное начальство явно не очень благоволило к этой убогой комсомольской мутации. Выяснилось, что из государственного бюджета эти дети за 4 года высосали не менее 450 миллионов рублей; их основателя и идеолога Якеменко обвинили в педофилии; большую часть программ и их комиссаров сократили — и вскоре «Наши» отправились в небытие, как и все их предшественники.

Одной из популярных унижительных кличек президентского молодёжного движения, наряду с «нашистами» и «путин-югенд», была «ликующая гопота». И, в отличие от «Наших», эта гопота никуда не делась. О чём или о ком идёт речь?

Впервые я услышал слово «гопник» в Ленинграде в 1984 году. Откуда оно взялось, неизвестно. Мне оно явилось из великолепной песни Майка Науменко, которая так и называлась — «Гопники».

Кто хлещет в жару портвейн, кто не греет пиво зимой,
Кто плюётся, как верблюд, кто смеётся, как козодой?
Кто гадит в наших парадных, кто блюёт в вагонах метро,
Кто всегда готов подбить нам глаз и всадить вам в бок перо?
Это гопники! Это гопники!
Они мешают нам жить.
Их называют гопники,
Их называют жлобы,
Их называют урлой,
А также лохами,
Иногда — шпаной,
Их называют и хамами,
Но имя им — гопники!
Имя им легион...

Майк даёт полезный для исследователей проблемы список синонимов, а последняя строчка означает, что гопников очень и очень много...

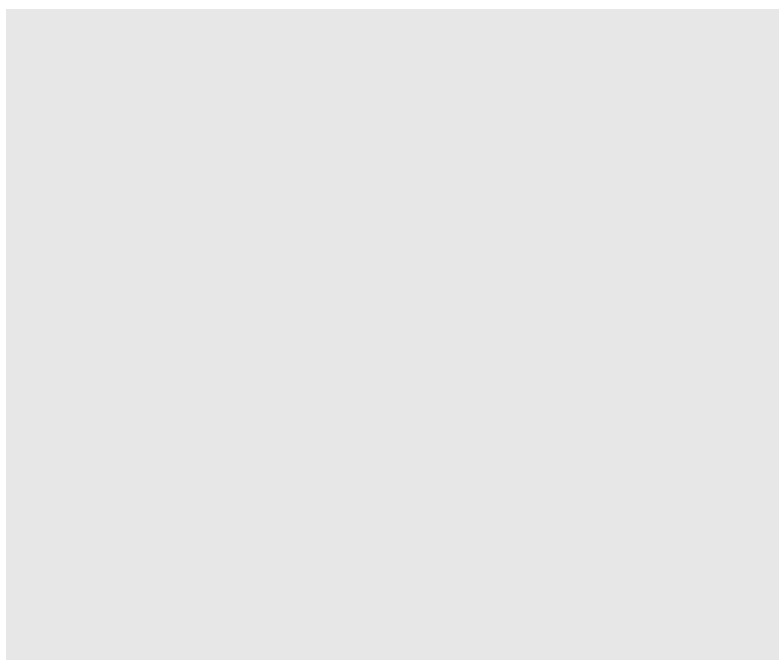
Их было много всегда; я дрался с ними, ещё когда учился в школе в старших классах. Мы тогда звали их (Майк прав) «шпана». Туповатые, плохо образованные, агрессивные, часто пьяные, ненавидящие не таких, как они. Из их среды вышли любера и футбольные хулиганы. В 90-е они стали пушечным мясом криминального бума. Но только в нулевые гопники, или гопота, обрели не только окончательное название, но и чувство общности, ощутили себя субкультурой — пусть слово «культура» им и не очень по душе. Они почувствовали себя силой и стали наглее; из гонимых молодых отбросов превратились в хозяев «на районе». Почему? Во-первых, наверное, рост благосостояния — теперь можно было купить не только сигареты и банку пива, но и наркотики, и травматический пистолет. Во-вторых — это уже моё интуитивное предположение — то, что называ-

Гопники. 2000-е

ется zeitgeist: гопники соответствовали духу времени. Путин — типичный питерский гопник (из тех, о ком пел Майк): невзрачный, злой и обиженный от рождения. Наступили их времена, и логично, что третья по величине политическая партия в России, ЛДПР Владимира Жириновского, сделала ставку на гопников как свой «ядерный» электорат! Вот что говорил глава московского отделения ЛДПР Лавров: «Мы считаем, что гопники — самая могущественная в России политическая сила. Люди над нами смеются, называют нас партией маргиналов: гопников, воров, бродяг и пьяниц. Но понимаете — это всё люди, чьи интересы никто больше не представляет. Мы создали наши пункты на железнодорожных вокзалах, и одно время у нас был миллион членов! Когда мы выдвинули Малышкина (водителя-охранника лидера партии Жириновского — А. Т.) кандидатом в президенты на выборах 2004 года, люди были в шоке. Ну да, он, конечно, не интеллект — но гопники за него проголосуют». В принципе, расчёт грамотный — ведь гопники, по оценкам социологов, составляют не менее 25% всей российской молодёжи. Только вот я с трудом представляю себе их на избирательных участках.

Образ жизни гопника можно определить как «агрессивное безделье»: они собираются компаниями в скверах, возле станций метро и автобусных остановок, сидят на корточках, пьют, курят, лузгают семечки и задирают проходящих мимо. В жертвы предусмотрительно выбирают тех, кто слабее их — школьников, одиноких прохожих. Отбирают деньги и мобильные телефоны. Отмечено, что для гопника важно не только и даже не столько пожить мелочью, сколько унижить жертву, почувствовать свою власть над ней. Форма одежды — спортивная; причёска — бритая голова, иногда — чубчик или «ёжик». Музыка — «русский шансон» (вообще, к преступникам как к высшей касте — полный респект) и русский рэп. В почёте — дешёвые наркотики: от клея до китайских «курительных сме-

сей». Есть и девушки-гопницы, они очень ярко красятся. По гуманитарной части гопников отличают поголовная ксенофобия, гомофобия, уважение к понятиям воровского мира и зоны (куда они нередко попадают), патриотизм и православие без фанатизма. В общем и целом, джентльменский набор русского молодёжного «нижнего класса». Кстати, «гопниками» они себя сами никогда не называют; предпочитают слово «пацаны» часто с приставкой «чёткие». В отличие от люберов, не испытывают острой классовой ненависти к другим субкультурам и не придерживаются здорового образа жизни. Передние зубы часто отсутствуют — не то из-за драк, не то от любви к семечкам.

Малосимпатичные, но довольно колоритные гопники поначалу вызвали у прогрессивной молодёжи чувство исключительного презрения, но со временем стали объектом сначала пародирования, а потом и какого-то художественного осмысления. Всё-таки при всей неаппетитности, они были не так банальны, как «попсовое» большинство! Появились, что было предсказуемо, художники в стиле «гоп-арт», фэшн-дизайнеры «gor-style» (спортивная одежда, майки, кепочки), гопники-рэперы, комедийные телесериалы про «чётких пацанов». Самая яркая русская музыкальная группа нулевых «Ленинград» явно эксплуатировала гопническую «низовую» энергетику — и с очень забавным, неглупым результатом... В конце концов, что ещё могла Россия предложить оригинального?! Я слышал, что в Финляндии даже появились местные подражатели гопникам. В таком случае, это был наш второй по значению молодёжно-культурный экспорт после дуэта TATU.

Так, под самый конец главы, мы неожиданно уткнулись в «хороший вопрос»: а как вообще обстояли в нулевые годы дела с «молодёжной

культурой»? Ответ: извините, никак. Более «нулевого» — бесплодного и незначительного — десятилетия я у нас не припомню. Арт-рынок и музыкальный бизнес относительно процветали, родились русский комикс и видеоарт, но, как я ни напрягаю память, ничего по-настоящему важного нашими молодыми дарованиями за эти годы создано не было! Среди достойного упоминания могу назвать разве что новое поколение «русского рэпа» («Каста», «Кровосток», «Ноггано») — своего рода коктейль из американского гангаста-рэпа и местной гоп-братковской субкультуры, отмеченный передозом по насилию и наркотикам. Любопытен охват аудитории: от гопоты до преуспевающих молодых бизнесменов и клерков... Захотелось приключений в нефтегазовой благодати? В этом же «чернушном» духе несколько хороших дебютных фильмов молодых и резких режиссёров (Сигарев, Вырыпаев, Хомерики) плюс появление Андрея Звягинцева. Общий тренд: растущее влияние Интернета и появление множества культ-товаров, нацеленных на глобальный рынок от англоязычных инди-групп до компьютерных игр. Ну, а если спросить народ, то главным триумфом России большинство, наверное, назовёт победу в 2008 году на конкурсе Евровидения. Попса Über Alles! Не в первый раз натываюсь на этот жестокий парадокс: даже относительные достаток и стабильность в России неизбежно приводят к скуке. А недостаток и нестабильность... Как пел Александр Башлачёв, здесь «по утрам очень скучно, а по вечерам очень страшно». Как раз наступал вечер.

«Пусть все услышат моё молчание». Тимофей Радя, 2012, Москва

МОЛОДЫМ ТУТ НЕ МЕСТО

Апатия и протест. 2010-2016

Нет, не прав был Френсис Фукуяма про «конец истории» — ни в глобальном смысле, ни в локальном. Так же, как на Западе в 90-е годы, у нас в России в нулевые тоже казалось, что движение закончилось и достигнут определённый статус-кво — далёкий от идеала, но с небольшими оговорками устраивающий практически всех. Да, режим был авторитарный, демократия — условная, коррупция — рекордная, но: людям явно жилось лучше! Для среднего класса были гарантированы отпуск в Турции и новый Hyundai; для «выше среднего» — квартира в Испании и Mercedes Benz; для работников культуры и искусства — относительная свобода творчества и невиданные прежде зарплаты; для молодёжи — исполнение всех капризов: интернет, секс, наркотики, культура (и массовая, и «деликатесная»), гаджеты, поездки за границу — всё в свободном доступе! Фактически власти и население заключили негласный пакт: народ закрывает глаза на беспредельное воровство и коррумпированность начальства, а то, в свою очередь, позволяет народу резвиться в своё удовольствие, ловя крошки с барского стола. На языке путинских лозунгов это называлось «стабильность».

Единственный «секретный протокол» этого пакта, маленькая «фаустовская» уловка, адресованная, в первую очередь, бизнесменам и творческой интеллигенции, гласила: не лезть в политику и не совать свой нос в дела правящей элиты. За нарушение этого параграфа бизнесмен Ходорковский поплатился 10 годами свободы, а журналистка Анна Политковская и некоторые её коллеги — жизнью. Оппозиция режиму существовала; это была небольшая коалиция из старых диссидентов-правозащитников, отставленных чиновников-либералов ельцинского призыва и небольших, в основном молодёжных групп левого и ультранационалистического толка. Борьба оппозиции и властей носила по преимуществу ритуальный характер. Например, каждое 31-е число (то есть, 7 раз в году) на Триумфальной площади в Москве проходил митинг в защиту 31-й Статьи российской Конституции, провозглашавшей свободу собраний. Я сходил на эту акцию один раз — Борис Немцов вытащил меня из дома; отказываться было невозможно — и она показалась мне абсолютно бессмысленной. Две-три сотни бессловесных протестующих топчут асфальт; сотня журналистов; около тысячи омоновцев. Все стоят, милиция просит разойтись. Минут через 40 — расходят-

ся. Весь представленный action — арест лидеров оппозиции под камеры и вспышки. И так — каждый раз. Но я больше туда не ходил.

И, тем не менее, исподволь в комфортабельной берлоге «стабильности» шёл процесс. Подрастало «непоротое поколение». Первое в России за сто лет.

Я начал замечать этих непохожих молодых людей уже в конце нулевых — среди своих студентов, музыкантов, детей своих знакомых. Первое, что бросалось в глаза — у них не было русских комплексов. Как правило, все «передовые» молодые русские во все времена старались быть похожими на иностранцев — европейцев в XIX веке, американцев — в XX-ом. Но именно «старались» — и эти старания, подчас очень неуклюжие, вызывали снисходительную улыбку. А эти ребята были абсолютно легки и органичны в своём космополитизме: Россия не была для них ни гордостью, ни обузой — а просто страной, в которой они жили. Они общались по Интернету со всем миром, на скопленные деньги не покупали новые дорогие шмотки, жетоны в казино или кокаин, а летели в Лондон или Берлин, где ходили на выставки, лекции и концерты. Вообще они ценили искусство (именно искусство, а не развлечения!) и образование. По-английски говорили свободно и без показухи. Когда я попадал в маленькие клубы на выступления The Jack Wood или Scofferlane, фестивали стрит-арта или выставки комиксов в сквотах, у меня возникало ощущение сдвига времени и пространства — не то я в Манчестере в 1979-ом, не то в Мельбурне в 1981-ом, не то на Lower East Side в Нью-Йорке. Да, это было довольно вторично — но вместе с тем естественно и убедительно — настоящие «западники»!

Не сказал бы, что это была единая субкультура — среди «непоротых» были и бородатые хипстеры, увлечённые стрит-фудом и артхаусным кино, и «зелёные», озабоченные всем органическим и экологичным, и «гики» с их электроникой, роботами и прочими футуристическими железяками. Помню, последние особенно поразили: однажды меня пригласили прочесть лекцию на «Гик-пикнике» в Петербурге; я весь день бродил по большой парковой территории, уставленной стендами с компьютерными новинками и гаджетами от изделий в эстетике стимпанка до автомобиля Tesla. Народу было много — тысяч десять молодых людей. Имелся и фудкорт, где в числе прочего продавался и алкоголь... И вот к чему я всё это перечисляю: за весь день я не заметил на «Гик-пикнике» НИ ОДНОГО пьяного. Это было шокирующе; это было совсем не по-нашему. Возможно, это была вся умная молодёжь города Питера — но всё равно она была удивительная и её было много.

В целом русское субкультурное поле периода «стабильности» середины нулевых я бы разделил на такие рядки:

- Конфронтационные субкультуры — «правые» (нацисты, национал-большевики, скины) и «левые» (анархисты, ЛГБТ, панки, антифа, младокоммунисты).
- Конформистские субкультуры («Наши», «Молодая гвардия», «Соколы Жириновского»).
- Эскапистские субкультуры (большинство музыкальных и спортивных

культов, хиппи, киберготы, стимпанки, любители японских аниме, костюмированных игр и прочие).

- Гедонистические субкультуры (хипстеры, яппи, «золотая молодёжь/мажоры»).
- Технократические субкультуры («гики», хакеры, «виртуальщики»).
- Овощные субкультуры (гопники; попса + пиво). Где-то посередине — футбольные фанаты.
- Криминальные субкультуры.
- Музыкальные субкультуры (хип-хоперы, металлисты, панки, киноманы...)

Последние два пункта стоит уточнить.

В сегменте криминальных субкультур появилось загадочное детско-подростковое движение АУЕ — «Арестантский Уклад Един». Я назвал бы его «пост-беспризорническим» — тем более, что в шоковые 90-е, впервые с конца мировой войны, в России вновь появились миллионы «уличных детей». Движение возникло в колониях для несовершеннолетних и детских домах в Сибири и на Урале. Оно, судя по весьма скудным свидетельствам в масс-медиа, проповедует культ «взрослого» преступного мира со всеми его атрибутами, внутренними и внешними — от уголовных татуировок до ненависти к ментам и разбоя. В десятые годы АУЕ расплодилось по всей России, задев и обычные школы. Сам видел в Москве граффити с этой аббревиатурой. Считается, что малолетние АУЕшники вовлечены не только в уличную преступность (им инкриминируют даже убийства), но и используются взрослыми бандами. О каком-то специфическом фольклоре, как это было у беспризорников 20-х, ничего не известно. Могу предположить, что тематически и лексически этим ребятам ближе всего русский «гангстерский» рэп.

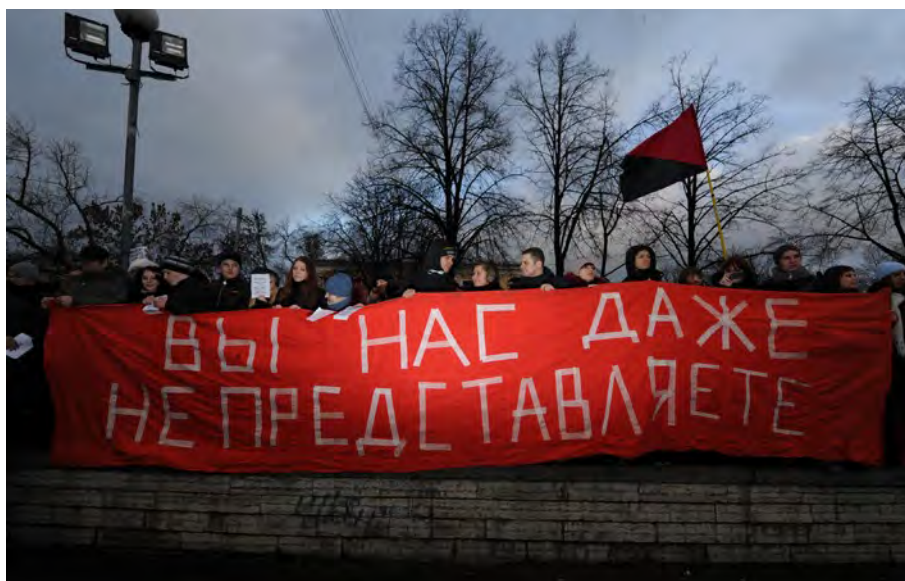
Музыкальные культы стали более персонифицированы. Так, своя икона появилась у русских панков: Егор Летов, лидер омской группы ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА, умерший в 2008 году от пьянства. Проповедник отчаяния и саморазрушения, метавшийся между анархизмом и национал-большевизмом, он никогда не шёл на компромиссы ни с властью, ни с шоу-бизнесом, за что заслуженно почитаем любителями экзистенциального мрака и безнадёги, каковых в России на удивление много. Однако самый монументальный культ личности среди молодёжи, проживающей на территории от Тихого океана до Балтийского моря — Виктор Цой. После гибели в автокатастрофе летом 1990 года слава фронтмена группы КИНО только расла, прирастая мифами и апокрифами. По стати и образу — Джим Моррисон, по мифологичности — Элвис, по «хитовости» — The Beatles. Это звучит невероятно, но если вдуматься и сравнить, то получается, что Виктор Цой — единственный настоящий молодёжный супергерой России. Советская пропаганда навязывала подрастающим поколениям кумиров типа юного мученика Павлика Морозова и отважных комсомольцев — героев войны; индустрия развлечений раскручивала поп-звёзд и теле/кино-любимчиков — но все они быстро сходили на нет. Кто остался в «сухом остатке»? Космонавт Гагарин, бард Высоцкий, поп-дива Пугачёва, рок-идол Цой. Ярким «молодёжным» характером из них обладает только Цой. Единственный, кто одинаково близок и

Шуточные обложки несуществующих журналов

«Вы нас даже не представляете», Павел Арсеньев.

Протесты против результатов парламентских выборов в Санкт-Петербурге. Фото: ИТАР-ТАСС/ Руслан Шамуков, 2011

людям его поколения (сейчас Цою было бы 57 лет), и сегодняшним тинейджерам. В отличие от истеричного Летова, отстранённого БГ, доброго Шевчука, Цой — стоик и борец. Значит, этих качеств больше всего и не хватает.

По сравнению с 90-ми ситуация стала интереснее и разнообразнее: «братки» почти сошли на нет; на пике моды оказались космополиты-хипстеры; набрали обороты всевозможные технари. Политизированная молодёжь как бы замерла в ожидании.

Стояло ли за новым поколением нечто большее, чем просто культурно-технологические увлечения? Сменился ли *zeitgeist* во втором десятилетии XXI века? Я не знал, но часть ответа получил 22 августа 2010 года. Экологические активисты во главе с молодой мамой Женей Чириковой анонсировали в Москве на Пушкинской площади митинг в защиту Химкинского леса (старинный дубовый лес должны были уничтожить, чтобы проложить многополосную автомагистраль); знаменитый рок-автор Юрий Шевчук согласился спеть на митинге, а я должен был его вести. Мы ожидали, что придёт, как обычно, 200-300 человек; приехали с Юрой на метро — чтобы не задержали по дороге. Поднявшись из подземки на площадь, я не мог поверить своим глазам — всё пространство было заполнено людьми! И этот народ — тысяч восемь-десять человек — стоял вокруг все три часа, пока мы кричали в мегафон и пели песни; это была самая большая демонстрация в Москве с 1993 года, и совершенно неожиданная. Я помню, как выкрикнул тогда в толпу: «Всё, ребята — сегодня нулевые годы закончились! Началось новое десятилетие! Нулевые были, как семидесятые — ничего не происходило; а что пришло после семидесятых? Восьмидесятые! И новое десятилетие будет, как восьмидесятые! Всё изменится!!!» (Отчасти я угадал, хотя не уверен, что этому стоит радоваться).

11 декабря того же 2010 года на другой центральной площади Москвы, Манежной, произошла вторая важная манифестация и гораздо менее миролюбивая. Накануне в стычке между русскими и кавказцами на севере

Москвы был застрелен один из лидеров футбольных фанатов, 28-летний Егор Свиридов. Милиционеры (предположительно, за взятку, что является обычной практикой) отпустили убийц. В знак протеста 5000 хорошо организованных фанатов и примкнувших к ним националистов собрались под стенами Кремля, произошли столкновения с милицией, пострадало несколько десятков человек с обеих сторон. Пытавшийся утихомирить толпу начальник московской милиции пообещал, что виновные будут арестованы... Теперь, возвращаясь к изначальному вопросу о переменах в «духе времени»: да, новое поколение начало проявлять характер и показало, что, получив вдоволь хлеба и зрелищ, оно рискнуло покуситься на нечто большее: потребовало УВАЖЕНИЯ к себе, захотело, чтобы с ним считались.

Власти, привыкшие к бессловесному подчинению и уверовавшие в незыблемость «пакта», новую тенденцию не заметили или недооценили — и 24 сентября 2011 года поставили россиян перед замечательным фактом: президент Медведев уходит в премьеры, а президентом у нас опять будет Путин. Пассивное большинство, давно усвоившее, что от народа в России никогда ничего не зависит, эта новость оставила равнодушной. Активное меньшинство (10-15% населения) ситуация разозлила и встревожила. Во-первых, потому что обставлена «рокировка» была предельно нагло и цинично, без тени того самого уважения — ни к народу, ни к конституции. Во-вторых, перспектива возвращения блеклого КГБ-шника с повадками гопника вызывала смутные опасения — просвещённая публика уже привыкла к улыбчивому «айфончику» Медведеву с его неустанными разговорами о модернизации, и он её в целом устраивал. Вскоре, в начале декабря, состоялись парламентские выборы; результаты были с очевидностью сфальсифицированы в пользу партии Путина-Медведева «Единая Россия» — и неожиданно грянул гром! Сотни тысяч людей вышли на площади Москвы, Петербурга и других больших городов на митинги протеста.

Состав «новых декабристов» был неоднородным — и социально, и политически. Активисты представляли весь оппозиционный спектр — левых, националистов, либералов, — удивительным образом сплотившихся перед лицом подлой власти. Однако огромное большинство митингующих, и это было главным сюрпризом, — составляли люди вообще аполитичные, в партиях и движениях отродясь не бывавшие! Обычно их обозначают туманным термином «креативный класс»; возможно, это и так, но я хотел бы конкретизировать. Не менее половины демонстрантов составляла та самая «непоротая молодёжь» — хипстеры, гики и прочие «продвинутые» городские любознательные. Помимо понятных гражданских чувств — возмущения бесчестными властями и нежелания возвращаться назад к Путину — их выводил на улицу и элементарный молодёжный драйв: протестовать стало модно, весело и креативно! Зимние митинги в Москве превратились в своего рода арт-парады со множеством смешных лозунгов, рисованных плакатов и даже целых переносных арт-объектов. Плечом к плечу с хипстерами выступали интеллигенция и средний класс, от интеллектуалов до бизнесменов, в том числе многие эволюционировавшие «новые русские». Ими двигали скорее идеологические мотивы и чистая

прагматика — боязно было за либеральное и европейское будущее России. Провластные массмедиа, желая представить «молчаливому большинству» протестующих как «бесконечно далёких от народа» (сочувственное, но безнадёжное выражение Ленина в адрес декабристов) богатых отщепенцев, пустило в ход мем «норковая оппозиция» — имея в виду дорогие шубы митингующих. Доля правды в этом была: в отличие от гремевших в то же время «Occupy Wall Street» и «Арабской весны», российские протесты 2011-2012 не имели ни малейшей экономической подоплёки. Среди многих сотен плакатов я не видел ни одного, касавшегося безработицы, увольнений или низких зарплат. Речь шла исключительно о честности, свободе и достоинстве. Благородно, но насколько практично? Вероятно, отсутствие «шкурной» повестки дня и пренебрежение интересами «простых людей» и вправду было одной из слабостей движения.

Атака непоротых и креативных захлебнулась — во многом по нашей собственной вине. В декабре 2011 власть была деморализована и напугана демонстрациями. 24 числа состоялась крупнейшая из них — стотысячная на проспекте Академика Сахарова. Под конец гигантской акции лидеры оппозиции, стоявшие на сцене, дружно поздравили уходящую за горизонт толпу с Рождеством и Новым годом, призвали всех хорошо отдохнуть и встретиться снова в феврале. Я, ей-богу, не поверил своим ушам: что за бред? Революция уходит на каникулы?? Бросился к ведущим митинга (я тоже выступал и был там же, за кулисами): какой к чёрту февраль? Мы только что набрали ход и необходимо развивать успех, идти захватывать ЦИК (Центральный Избирательный Комитет) и пересчитывать поддельные результаты выборов! А там и Кремль недалеко! В ответ услышал без тени смущения или раскаяния: «Старик, я завтра улетаю в Штаты»... «Нет, я на Новый Год в Дубай...» и так далее. Тут я понял, что революция, как минимум, откладывается, а скорее всего и вовсе отменяется — поскольку самовозглашённые лидеры относятся к ней сугубо несерьёзно.

Проще всего сказать, что либеральные вожаки среднего возраста предали радикальную молодёжь: «революция» в их устах звучала исключительно как ругательное слово и, подобно советским диссидентам, бесконечно апеллировавшим к «Конституции СССР», они панически боялись отойти от «законных» — то есть предписанных авторитарным государством — методов борьбы. Скучная компания. Однако и молодёжь была хоть и веселее, но столь же беспомощна и ещё более инфантильна. Протесты шли по принципу «клёво потусовались, поглумились над „ворами и жуликами“ и разошлись» — о каких-то жертвах и вообще серьёзных намерениях (что такое «серьёзные намерения» протестующих мы увидели только в 2013-2014 — и то на Майдане в Киеве) речи не шло. Прошло ещё несколько милейших «креативных» акций разной степени массовости, но ничего конкретного сделано не было — поэтому при том же ЦИКе Путин легко выиграл президентские выборы. А за день до его инаугурации, 6 мая 2012 года, несколько десятков тысяч человек, в основном молодёжи, пришло на любимую оппозиционерами Болотную площадь. Но власть была уже не та, что полгода назад: эти ребята времени как раз не теряли! Демонстрантов

встретили вооружённые ОМОНовцы, людей жестоко избивали и арестовывали, многих потом судили и посадили за «сопротивление полиции». Мифы о протестах как лёгкой прогулке и смене власти без насилия были развеяны; гражданское движение стремительно покатило под горку.

Всё, что происходило и происходит в России с 2012 года, хорошо описывается английским выражением «from bad to worse». Завинчивание гаек политических репрессий и сжимающееся пространство свободы слова, возведение в статус государственной политики имперского национализма и православного мракобесия. Ксенофобия, гомофобия, культ личности Путина — как ежедневный образ жизни. Плюс никуда не девшиеся воровство, коррупция, избирательное правосудие и бездарный менеджмент. Пожалуй, ключевые слова для описания атмосферы 10-х годов в России — одолжены у Хантера С. Томпсона — страх и ненависть. Если 90-е были отчаянными и авантюрными, 00-е — сытыми и туповатыми, то в этом десятилетии впервые за 30 лет в стране поселились страх и безнадёжность. У многих, правда, они окрасились редкой вспышкой эйфории по случаю захвата Крыма, но генеральное настроение — несомненно, зыбкость и депрессия. От путинской «стабильности» не осталось ничего, кроме самого Путина.

Молодёжь в этой новой парадигме выглядит довольно жалко: не то потерянная, не то спрятавшаяся (скорее всего, и то и другое) — но в любом случае малозаметная. Если не считать отдельных героических исключений — о них я ещё расскажу — молодое поколение в России перестало быть ньюсмейкером! Сейчас чаще пишут о военных, о бастующих шофёрах-дальнобойщиках, о циничных медиавампирах и идиотах-депутатах — но молодых

«Одежда для демонстрации против фальсификационных выборов Владимира Путина 2011-2015», Глюкля (Наталья Першина-Якиманская). Инсталляция. 56-я биеннале в Венеции, 2015. Из архива художницы и AKINCI, Амстердам

Рисунок из серии «Хроника сопротивления». Виктория Ломаско, 2011- 2012. Из архива художницы

людей среди них нет. Массовое антивоенное движение в связи с агрессией на Украине? Увы, нет; скорее наоборот: сотни радикально настроенных парней, ультралевых и ультраправых, поехали добровольцами и наёмниками «бить укропов». Даже производившие шум в недалёком прошлом «Наши» и прочий путин-югенд сошли на нет — видимо, у увязшего в рецессии и войнах государства кончились средства на их финансовую поддержку. Единственный взрыв публикаций на молодёжную тему в последнее время связан с самоубийством 18-летнего Влада Колесникова, которого сверстники затравили за политический нонконформизм, в частности, поддержку Украины. Из статей я выяснил, что Россия занимает первое место в Европе и четвёртое в мире по количеству подростковых суицидов... Перефразируя название фильма братьев Коэнов, «молодым здесь не место». И это не случайность, а результат конкретной государственной установки, девизом которой могло бы быть нигилистическое панковское *нет будущего*.

Имеется популярное клише: путинская Россия — это реставрация СССР. Если говорить об империалистических амбициях и возвращении к тоталитаризму — это справедливо. Но в одном отношении ситуация прямо противоположная: Советский Союз был страной «про будущее»; оно всегда было светлым, коммунистическим и лучшим, чем настоящее. Оно было фетишем — и в первую очередь фетишем молодёжным. Отсюда — и комсомол с его созидательным энтузиазмом, и культ образования, и космическая программа. Сегодняшняя Россия, напротив — страна, целиком повернутая в прошлое! И это даже логично: феодальное экономическое и политическое устройство влечёт за собой весь набор средневековых ценностей — иконостас великих воинов и тиранов (Сталина, в первую очередь); священный культ прошлых побед; фанатичное православие, нетерпимость к любым ересям и прочим отклонениям; пренебрежение, если не сказать фобия, к науке и образованию; подозрительность и враждебность ко всему «чужому» и психология осаждённой крепости. Повесть Владими-

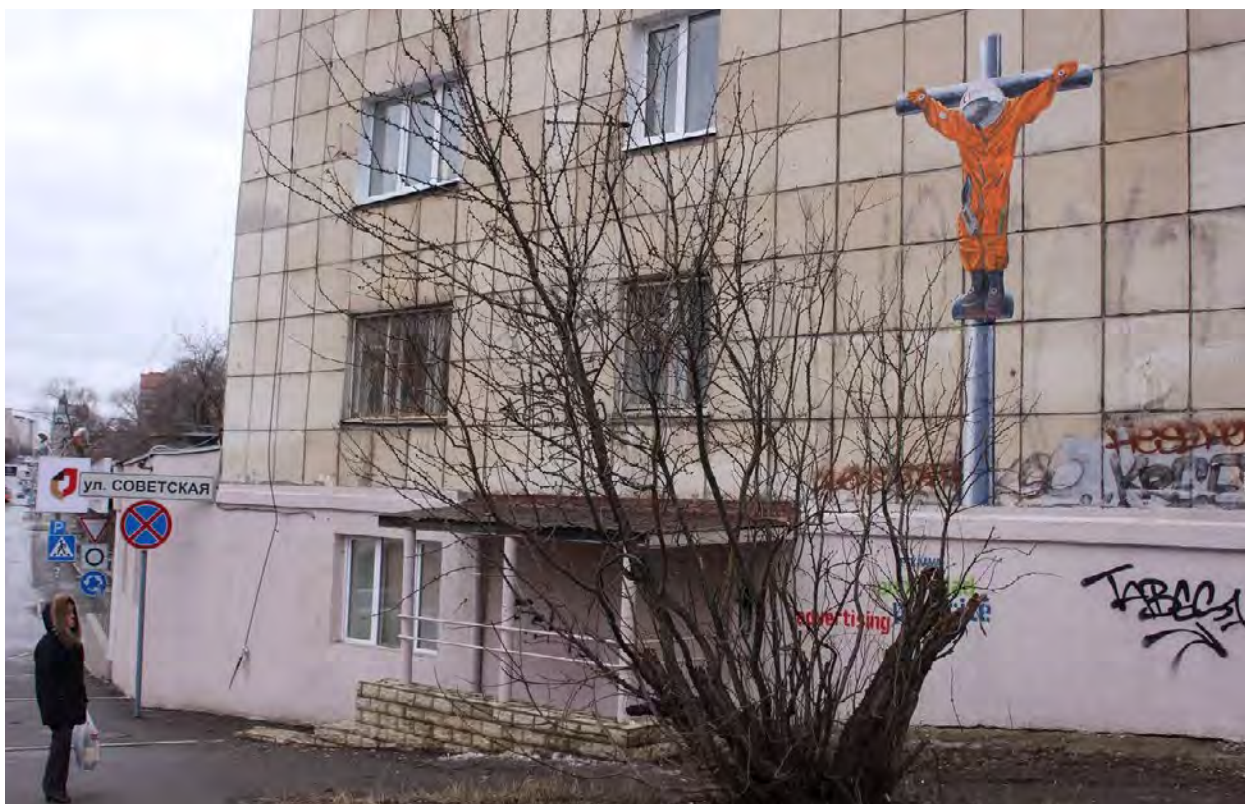
ра Сорокина «День опричника» (всем рекомендую!), описывающая Россию конца XXI как копию царства Ивана Грозного, только с лимузинами и мобильными телефонами, и казавшаяся в нулевые годы сатирической антиутопией, стала пророческой даже во многих деталях. Иностранному туристу, заехавшему к нам на неделю посмотреть Эрмитаж и Красную площадь (и сопутствующие Macdonalds, Zara и Hyatt), может решить, что я преувеличиваю. К сожалению, нет. Я бы сказал, что сам по себе молодёжный менталитет, для которого характерны непочтительность, любопытство, открытость — в сегодняшней России как-то... неуместен.

У рефлексирующей молодёжи в России осталось не так много вариантов. Первый и, боюсь, самый популярный — эмиграция. Пару лет назад придумали даже новое слово — «поравализм», от выражения «пора валить». Я провёл собственный опрос и мини-калькуляцию: среди 19 детей моих друзей и знакомых в возрасте от 16 до 28 лет только четверо хотят остаться жить в России; остальные 15 — или уже уехали, или серьёзно к этому готовятся. Для интеллигентской околоопозиционной среды это, я полагаю, репрезентативная статистика. Хотя я сам никогда не хотел эмигрировать из СССР (мне там было интересно), сегодняшних юношей и девушек хорошо понимаю: если умный россиянин не хочет быть вором, опричником или жертвой первых и вторых, ему в стране делать почти нечего. Вторая опция — «внутренняя эмиграция». Она не так востребована, как в 70/80-е годы: во-первых, границы всё ещё открыты; во-вторых... нелегко сформулировать, но я сказал бы так — андеграунд и автономия были намного привлекательнее в советские времена, когда всё западное было запретным плодом, а вкус свободы не отдавал горечью поражения. Тем не менее, «новое подполье» заметно растёт — особенно, в провинции. Из этой же серии — бешеная ностальгия по недавним 90-м, возродившиеся «квартирники», бум частных лекций и салонов. Возникли маленькие театры, возродилась возвышенная традиция поэтических вечеров. Юные рок-группы, что меня особенно радует, вспомнили родной язык и запели песни о реальной жизни. К тому же на дворе новый век и, наряду с реальными кружками, процветают сетевые виртуальные. Нынешний внесистемный и неполитический активизм очень похож на ещё одно изобретение из прошлого — «теорию малых дел». Конец XIX века, помните?

Лучшим проявлением этого, да и вообще лучшим, что случилось с российской молодёжью в последнее время, стало так называемое «волонтёрское движение». Недавний Нобелевский лауреат Светлана Алексиевич сказала в интервью: «Мы надеялись на непоротое поколение. Ну вот они вышли в 2011 на Болотную — и государство с ними обошлось жестоко. И всё, что осталось от их драйва, ушло в волонтёрство». Волонтёрское движение существует во всём мире; принципиальных отличий у нас нет, но существуют любопытные нюансы. Главный: движение, вяло протекавшее с 80-х, обрело характер и масштаб абсолютно спонтанно, и не столько от жажды приключений и альтруизма, сколько по причине полной неэффективности и бездействия государства. Первый мощный всплеск волонтёрства относится к 2010 году, когда из-за жары во многих районах России

начались сильные лесные пожары, и беспомощность официальных структур подтолкнула тысячи городских молодых людей к тому, чтобы встать на защиту деревень и их жителей. Спустя два года страшное наводнение на Кубани привлекло к спасательным работам порядка 2500 волонтеров со всей России — причём под огнём критики вновь оказались местные власти, не предупредившие жителей о приближающемся бедствии и сами тихо сбежавшие... Соответственно, отношение государства к волонтерам — «кисло-сладкое»: конечно же, оно не может осуждать, тем более пресекать их благородные акции, но классовый инстинкт чиновников видит в них врага, как во всяком проявлении самостоятельности. Естественно, делаются попытки поставить движение под контроль: принимаются законы, создаются искусственные организации и зонтичные структуры — например, на Олимпиаду в Сочи в 2014 было свезено 25 тысяч (вместо запланированных 75-ти) волонтеров. Тем не менее, пока движение сохраняет относительную самоуправляемость, залогом чего — политическая нейтральность. Как и положено «малым делам», в реестр которых сегодня входят спасение при стихийных бедствиях, помощь инвалидам, больным и сиротам, поиск пропавших людей, защита животных и окружающей среды. Выступают ли волонтеры в современной России как «агенты перемен»? Разумеется, пользы стране от них больше, чем от утекающих эмигрантов. Но сольются ли сотни «малых дел» в одно-два больших — сказать пока трудно.

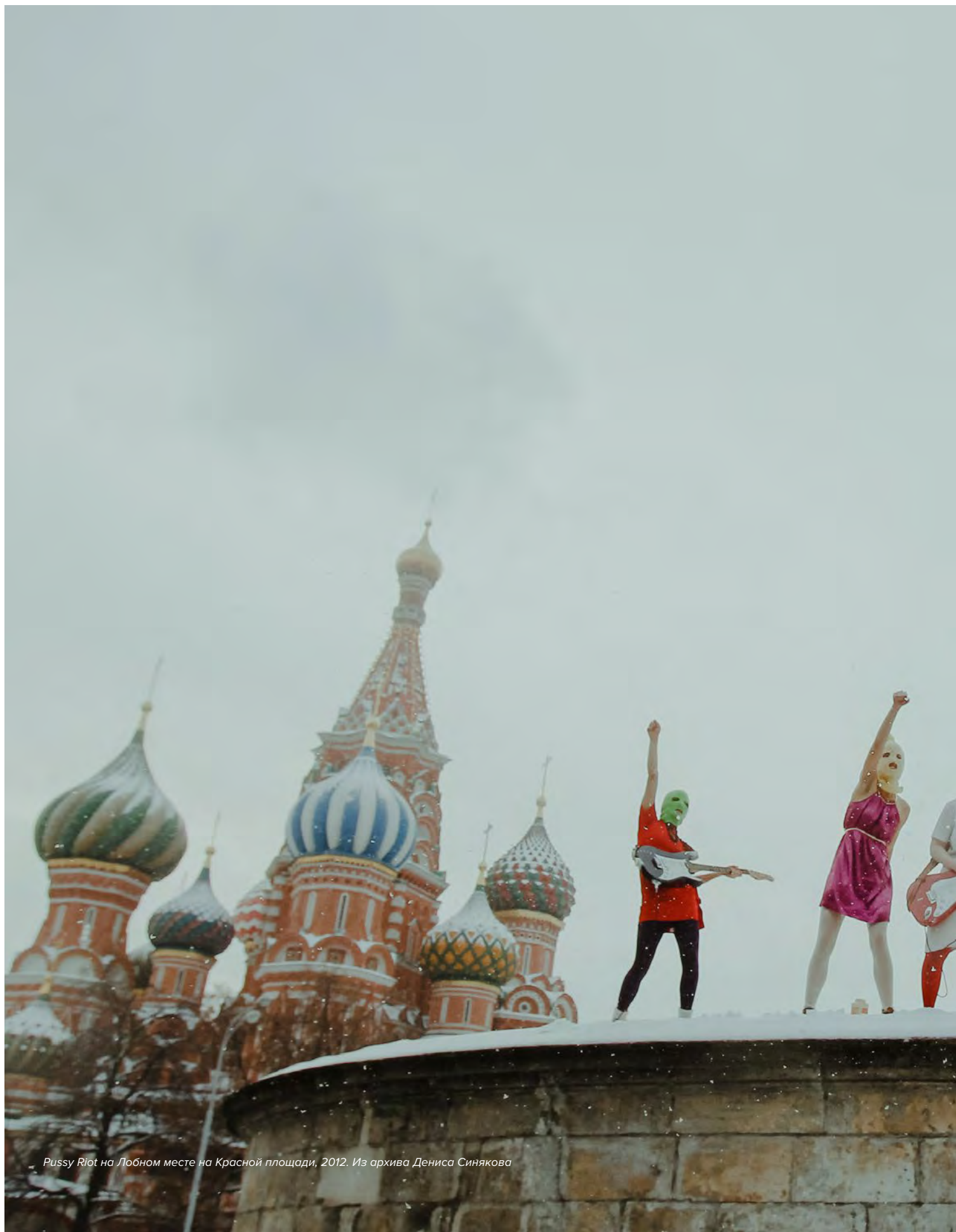
Если вернуться к картинке субкультурного поля, приведённой выше, то грядки его к середине десятых претерпели изменения. Появилась и набрала размах новая разновидность, о которой мы только что говорили; я бы назвал её «субкультуры доброй воли» — волонтеры, множество благотворительных организаций разного профиля и масштаба, охрана природы и памятников старины от алчных девелоперов и прочие «малые дела». «Конформистские» субкультуры, как это ни странно, практически сошли на нет, частично трансформировавшись в патриотические «конфронтационные» (Национально-освободительное движение, казаки) — но тоже на внешнем финансировании. «Гедонистов» стало чуть меньше — экономический кризис! — зато «эскапистов» прибавилось, равно как и «виртуальщиков». Социальные сети (Facebook и её местный аналог, ВКонтакте — была запущена в 2007 году) перевели общение молодых людей, особенно тинейджеров, в цифровое пространство — что сильно запутало всю ситуацию, в том числе и субкультурную. Впрочем, на «овощной» грядке без перемен, я полагаю — гопничество в России вечно. Гораздо заметнее и отчётливее стала мусульманская молодёжь — она герметична, со славянской практически не ассимилируется, часто ей враждебна. Это история, требующая отдельного изучения. Провластный фланг «конфронтационных» пополнился за счёт православных фундаменталистов («Божья воля» 27-летнего Дмитрия Энтео) и нескольких организаций, возникших на волне патриотической истерии, спровоцированной войной с Украиной («Анти-Майдан», «Новороссия»). Что до милых моему сердцу любителей свободы, то их ряды, к сожалению, сильно поредели, выкошенные арестами, запугиванием, вынужденной эмиграцией.

В последний раз я был на митинге оппозиции (и это, строго говоря, был последний большой митинг оппозиции на момент написания этих строк) 20 сентября 2015 года. Спальный район Марьино вдали от центра столицы; примерно 10 тысяч человек. Прекрасные, добрые и улыбчивые люди — возможно, лучшие люди Москвы. Тех, кто помоложе, было около половины: хакеры из Фонда Борьбы с Коррупцией, ребята из «Движения в поддержку узников 6 мая», безвестные «сетевые хомячки» с политическим уклоном, которых завсегдатаи Интернета не без иронии называют «борцунами»... Мало, конечно. Публичных людей почти совсем нет — раз уж меня, стареющего бонвивана и давно закатившуюся телезвезду, останавливают на каждом шагу и приветствуют: «Спасибо, что вы с нами!» И уж совсем ничтожно мало среди антисистемных активистов молодых знаменитостей — а те единицы, что есть, вызывают больше споров, чем признания. Одних вы знаете наверняка — Pussy Riot.

Часть московской фракции группы радикальных акционистов «Война», перемешавшись с воинствующими феминистками, создали концептуальную панк-группу, вдохновлённую движением Riot Grrrrl и протестами-2011. Первая резонансная акция прошла на Красной площади 20 января 2012 года; восемь девушек на Лобном Месте исполнили песню «Бунт в России — Путин зассал!» Самая крутая из их акций, на мой вкус. 21 февраля Pussy Riot попробовали спеть новую песню «Богородица Дева, Путина прогони!» в крупнейшем в Москве храме Христа Спасителя (в мире сейчас более известен как The Pussy Riot Church), но были остановлены охранниками; вскоре

«Гагарин. Распятие». Александр Жунёв. 2015. Из архива автор

Pussy Riot на Лобном месте на Красной площади, 2012. Из архива Дениса Снякова

трёх участниц — Машу Алёхину, Надю Толоконникову и Катю Самуцевич — арестовали и приговорили к двум годам заключения. История Pussy Riot подняла невероятную кампанию солидарности на Западе с участием всех знаменитостей от Пола Маккартни до Мадонны и сделала Машу с Надей самыми популярными на планете русскими со времён Горбачёва. И так же, как в случае с последним генсеком, всемирная слава обернулась прохладным отношением на родине: раскол в оценках «панк-молебна» прошёл даже по рядам оппозиции, а музыкально-художественное сообщество не выказало Pussy Riot ни малейшей (!) поддержки — подозреваю, вследствие банальной зависти и раздражения на выскочек, хоть и попавших за решётку, но собравших все лавры. В конце 2013 года, накануне Олимпийских игр, Машу и Надю освободили по амнистии, и теперь они делят время между шоу-бизнесом на Западе и правозащитной работой на родине.

Главным возмутителем депрессивного спокойствия в последние годы стал другой художник-акционист, Пётр Павленский. Первая из его акций, «Шов», прошла в поддержку Pussy Riot летом 2012 года: Павленский зашил себе рот суровой ниткой и встал в одиночный пикет у Казанского собора на Невском. В качестве одного из мотивов акции он назвал полное равнодушие художественного сообщества к делу Pussy Riot. Вторая акция называлась «Туша»: голый художник, заматанный в кокон из колючей проволоки, расположился у входа в Законодательное собрание Петербурга. «Человеческое тело голое, как туша, на нём нет ничего, кроме колючей проволоки, изобретённой для охраны домашнего скота. (...) Преследования политических активистов, „узников 6 мая“, государственные репрессии и есть метафора этого загона из колючей проволоки». Третья, самая тяжёлая из всех акций «Фиксация»: голый Павленский смиренно сел на Красной площади, прибив свою мошонку гвоздями к её брусчатке. «Голый художник, смотрящий на свои прибитые к брусчатке яйца — метафора апатии, политической индифферентности и фатализма современного российского общества». Не удивительно, что после каждого перформанса Петра Павленского направляли на принудительное медицинское обследование — и всякий раз врачи не могли усомниться в его полной вменяемости. (Я знаком с Петром и его семьёй и могу подтвердить, что более нормальных и «осознанных» людей я редко когда встречал). Протесту против карательной психиатрии была посвящена ещё одна акция, «Отделение». А до этого был единственный «позитивный» хэппенинг — «Свобода»; своего рода «микро-Майдан» с барабанами и горящими покрышками под анархистским и украинским флагами. «Борьба с имперским шовинизмом продолжается; храм Спаса-на-крови (рядом с ним прошла акция — А. Т.) — это место успешного покушения народовольцев на императора, жестоко расправлявшегося с освободительными восстаниями (...) Мы призываем всех встать на праздник Майдана и защиту своей свободы. Мосты горят, и назад дороги уже нет». Последняя фраза могла бы стать эпиграфом и к последней акции Павленского, прошедшей в России: 9 ноября 2015 года он облил бензином деревянную дверь главного входа в здание ФСБ (бывшее КГБ), поджег её и встал у пылающих

«Угроза». Пётр Павленский,
2015. Фото: Нигина Бероева

«врат Ада» в ожидании ареста. Этот фотографический образ — художник с канистрой на фоне пламенеющей охранки — поражает. Павленского задержали через 30 секунд. Тюрьма, суд; в конце 2016 года Пётр с семьёй вынуждены были покинуть страну.

Ни один из российских оппозиционных лидеров не выразил солидарности с акциями Павленского и Pussy Riot — то ли не пришлось по вкусу, то ли (скорее всего) не хотелось ассоциироваться в глазах избирателей с хулиганами и сумасшедшими. Хотя художники-радикалы и ассоциировались с анархистскими и другими ультралевыми группами, их вылазки были скорее акциями индивидуального «арт-террора», сродни народовольческому — а не проявлениями какого-то массового, тем более политического движения. Ничего трагичного здесь нет, поскольку никто на политиков надежд и не возлагает: на баррикады не зовут даже самые радикальные из них, а в выборы, естественно, никто не верит. Вот и гадают люди: будем и дальше тихо загнивать, или государственный переворот случится, или какой «чёрный лебедь» пролетит?.. Я тоже от безнадёги догадался до того, что обнаружил строгую 30-летнюю цикличность в нашей послевоенной истории! Смотрите: 50-е годы были как 80-е — ужасное начало (Сталин, Брежнев и Афганистан) и вдохновляющее окончание (Оттепель; Перестройка). 60-е в точности напомнили 90-е: прекрасное начало (Гагарин; провал путча 1991 года) и мрачный финал (интервенция в Чехословакию; приход Путина). В 70-е так же, как в нулевые, ничего не происходило. Исходя из этого, нынешнее десятилетие, действительно, должно быть похожим на 50-е и 80-е! Где наш XX съезд? Где Гласность?? Нет ответа... Ощетинились Национальные гвардейцы, вышли на площадь отважные акционисты, собрали лекарства добровольцы, надели наушники хипстеры, развернули знамёна анархисты, сделали глоток гопники, открыли ноутбуки революционные хакеры — наступал Семнадцатый год, и он кое-что изменил.

Протесты в Москве. 2017. Фото: Георгий Малец

ВСЁ СНАЧАЛА!

У меня есть прекрасные молодые друзья, муж и жена, Максим и Наташа. Им где-то в районе тридцати. Максим работал топ-менеджером в какой-то крупной компании, но ему, как нормальному человеку, надоело: он забыл про костюмы, отрастил длинную бороду, надел кепочку и стал делать лучшие в городе бургеры — открыл одну лавочку, потом другую, а теперь уже и подвальный ресторан в самом центре хипстерской Москвы, на Патриарших прудах. У Наташи, в прошлом манекенщицы, прямо за углом от подвала — успешнейший бутик, где она продаёт английскую авангардную одежду. Несколько лет назад они ходили на все митинги протеста, и сейчас иллюзий на предмет путинской власти у них тоже нет. Проблем хватает: банк, в котором хранились все Наташины деньги, внезапно лопнул; Максим наверняка имеет сложные и неприятные отношения с местными властями и бандитами; перспективы — более чем смутные. Тем не менее они живут весело, путешествуют, устраивают балы и вечеринки, растят двоих детей. И на естественный вопрос, не собираются ли они эмигрировать, Максим с почти виноватой улыбкой разводит руками и говорит: «Да нет... Мы уж пока... как-то... здесь». Вижу ли я в этих ребятах, типичных носителях просвещённой городской культуры, «революционный потенциал»? Скорее, нет. Вижу ли я в них основу для нормальной, честной и умной жизни в России? Да, несомненно. И не только в них.

Наблюдение за здешней жизнью последних лет создаёт странный сюрреалистический эффект; я назвал бы его не столько психоделическим, сколько шизофреническим. Тупые мантры о русской исключительности, лживо-циничные речи лидеров, злобные лица их сторонников, религиозное мракобесие, патриотическая истерия и прочие прелести из репертуара Северной Кореи соседствуют с массой милых черт безобидной, мирной, модной космополитической жизни. Девушка в больших жёлтых наушниках, из которых доносятся Arctic Monkeys, едет на скейтборде вдоль милитаристского билборда с угрожающими картинками баллистических ракет... Это называется «когнитивный диссонанс» и слава богу, что он есть, что контркультурные вызовы не растворились окончательно в массовой телевизионной пропаганде. Я попросил свою старшую дочь, которой сейчас 17 лет, написать короткий скетч о современных рос-

сийских субкультурах — поскольку сам в их нюансах уже не очень разбираюсь. Вот текст, в котором я понял не все слова.

В любом молодёжном обществе (как и в любом другом) принято хоть чем-то, да выделяться.

Признаком унылости считается как раз абсолютная обычность кого-то: что, мол, фантазии не хватило стать «нитаким»?

Чем больше тот или иной юный индивид загадочный нонконформист, мыслитель, циник и мамкин симпатяга (очень нежелательно), тем больше у него очков кармы и, как следствие, тем больше людей подписано на него в социальных сетях, где преимущественно подобные ему и обитают.

Однако, как очень верно подметил лидер группы «Ленинград» Сергей Шнуров, которого некоторые считают современным философом, способы выделиться из толпы у молодёжи также штампованы: «рукава», кеды, инди-музыка, лонгборды, кофеёчек из кафешки, известной лишь избранным, — всё это слишком общая, попсовая идея, которая приходит в голову миллионам людей. Если все уникальны, то никто не уникален — эта фраза уже из «Суперсемейки».

Тем не менее некоторые молодые девушки и парни таки умудряются показаться в глазах других людей относительно «нештампованными», хотя, увы и ах, это случается всё реже.

Регулярно натываясь реже в реальной жизни и чаще в уютном интернете на представителей самых разных молодёжных (и не очень) субкультур, я взяла на себя смелость выделить здесь лишь некоторые из них и подобрать к каждой из них краткую аннотацию, описывающую суть той или иной субкультуры и её представителей.

Мнение моё довольно субъективно, не спорю. Но поскольку я и есть представитель молодёжи, наблюдающий со стороны за этими разношёрстными ребятами, мне кажется, что кому-то было бы интересно услышать, что думает о современных молодёжных субкультурах лицо того же возраста, но иного взгляда. С шестого этажа.

Итак, вот кратенький топ.

- Хипстеры — бородатые, пафосные, очкастые дрыщи, обожающие кофий и поверхностные разговоры о всяком *нитаким*. Чем бомжистее хипстер выглядит — тем он больше *нитаким*.
- Тамблер-гёрл (реже «-бой») — мамкин кошмар, обклеивший себя наклейками и стразами, томно закативший глаза и облизывающий что-нибудь длинное и шипастое (здравствуй, дедушка Фрейд!), естественно, на камеру.
- Околофутбольные хулиганы — *слыш чмо за шмот поясни чё не на основе*, или Выкидыш гопников. За Stone Island и двор стреляют в упор, учатся, как правило, отвратительно. Много позаимствовали у скинхе-

дов: они в основном «правые», пропутинцы, ура-патриоты. Но они не говорят о политике всё время: они висят на турниках, во дворах, на стадионах и пьют либо пиво, либо энергетики.

- Феминистки — девушки, мало чем отличающиеся от тамблер-гёрл, с пеной у рта доказывающие, что мужчины — насильники, уроды, сексисты и не нужны обществу твари, а также требующие к себе того же отношения, что и к мужчинам. Живут почти исключительно в сети. Лучше с ними вообще не говорить — чуть что, у них сразу *триггер*!!
- Пони*бы — чувственные молодые люди с розовыми, как Пинки Пай, прыщами, смотрящие My Little Pony с почти сексуальным упоением и робко мечтающие о Флаттершай под жирным боком.
- Анимешники — гремят значками, как цыгане, нечленораздельно орут японские имена/слова/ругательства, носят убогие ободранные кошачьи ушки и занякивают до смерти.
- Сериальщики — денно и ночью залипают в «Шерлока», «Мистера Робота», «Бесстыжих» и прочие детища BBC и Ко, затем засыпают ВСЕХ миллионами тупых твитов, посвящённых смерти/свадьбе/гейским взглядам любимых героев. Особо отбитые смотрят украинские телешоу.
- Хикки, или Битарды — мамкины интернет-циники, аморалы и мизантропы, переходящие в восьмой класс. Почему-то поголовно любят атеизм и чёрный юмор. Большинство хикков — дешёвый плагиат с настоящих Анонов; эти — труп! Они сидят на анонимных имиджбордах, таких как 2ch, 4chan и так далее. Вот они бывают совершенно отмороженными и безбашенными: для них пак с фотографиями расчленёнки или детским порно — обыденное дело. Некоторые из них — неплохие хакеры.
- Гики — оккупанты всех антикафе с бесплатными приставками и настолками, комикс-шопов и русского Комик-Кона; мало чем отличны от пони*бов — разве что под таким же жирным боком мечтают об Асоке Тано или Венди Кордрой. Многие подвиды — сериальщики, анимешники, пони*бы и отчасти тамблеры — произошли от гиков.
- Вписочники (рейверы) — заблёванные, бухие, упоротые и взбалмошные, шастают по чужим квартирам, отрываются, жрут и спят до трёх часов дня. Стреляют у мамки проездной на метро.

Это лишь краткий список всех тех, кого я встречаю. Пару недель назад, правда, увидела на «Комсомольской» эмо, но он скрылся довольно быстро — понял, видимо, опять, что 2007-й давно прошёл.

К сожалению, все эти субкультуры позаимствованы с Запада, но у них в образе поведения и типической для той или иной субкульту-

ры внешности всегда присутствует, как сказал Пелевин, «чисто наш, русский пи*дец». Из чисто русских субкультур есть, пожалуй, только пропутинцы, но это больше похоже на политическую организацию.

Многие субкультуры отчасти политизированы. Среди хикк есть огромное множество «диванных экспертов», которые горазды обсуждать мировые политические игрища, пока мамка из-за компа не выгонит. У интернет-феминисток своё: они поливают грязью всякую патриархальную страну, где женщин уважают недостаточно и люто обожают политических деятелей-женщин. Сериальщики ноют о том, что вот на Западе хорошо, у них сериалы хорошие, а у нас одно говно. Остальным по большому счёту пофигу.

Мои друзья и знакомые, которые являются яркими представителями перечисленных мною субкультур, по-своему уникальны и интересны, несмотря на свою принадлежность к этим движениям. Они, конечно, не без тараканов в голове, но это простительно: никто не идеален.

Очень интересно наблюдать за их поведением издали, если несколько таких разных представителей встречаются: околофутболистки, к примеру, терпеть не могут гиков. Взаимно.

И в заключение хочется сказать, что я сама мноооого раз примыкала к разным молодёжным группам: я была и хиппи, и эмо, и готом, и анимешником. Однако только сейчас я поняла вот что: нет разницы, к какой субкультуре ты принадлежишь, если принадлежишь вообще — главное, чтобы ты думал и действовал в первую очередь не как её представитель, а как свободный, умный, руководствующийся своими моральными принципами индивид.

А это уже совсем другое дело.

Я ценю иронию Сони и её критический подход, но хотел бы заметить, что «свободные, умные и моральные индивиды» чувствуют себя лучше и сильнее в группах себе подобных — а это и есть субкультуры, как бы комично они иногда со стороны не выглядели. Именно они в разных странах и в разные времена выступали агентами перемен. Только агентурные задачи бывали разные; в России — одни из самых сложных. Здесь прежде чем собрать материал и построить прекрасный дом будущего, надо ещё вырваться на свободу, разбив глыбы векового льда — что само по себе героическая задача, над которой бьются не первую сотню лет.

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны
И перед властью — презренные рабы.

Начало стихотворения, которое Михаил Лермонтов написал в 1838 году. В школе нас учили, что это великое произведение, которое поэт сочинил в 24 года, посвящено поколению «лишних людей». Нетрудно заметить, что оно в полной мере относится к сегодняшней молодёжи России: и «попсовой», сильно погрузневшей от экономических проблем, и одно-клеточным гопникам, бесславно вымирающим от наркотиков и алкоголя, и натренированным конформистам-запутинцам, и даже славным волонтёрам — помогающим, но беспомощным перед лицом репрессивно-бюрократической машины.

Да, есть ощущение, что нас откинуло назад в позапрошлый век — отсюда и помянутые в последней главе декабристы и народовольцы, «лишние люди» и «малые дела». Как там говорят — цикл, спираль? Ещё говорят, что демократия в России никогда не работала; и это совершенно верно — с учётом того, что демократии в России никогда и не было. Даже в пресловутые девяностые она была всего лишь декоративным украшением в системе, где властвовали коррупция, бюрократия и бандитизм... У нас всегда делало историю сугубое меньшинство при безмолвствующем народе. Чаще всего это было тупое и негодяйское меньшинство; намного реже — прекрасные люди. Как правило, молодые. Об этом писал ещё в 80-е годы XIX века идеолог народников Николай Михайловский в трактате «Герои и толпа»: «Это не первый любовник романа и не человек, совершающий великий подвиг. Герой просто первым „ломает лёд“, делает тот решительный шаг, которого трепетно ждёт толпа, чтобы со стремительной силой броситься в ту или иную сторону. И не сам по себе для нас герой важен, а лишь ради вызываемого им массового движения». И сейчас, если говорить о переменах, я верю только в динамичное радикальное меньшинство. В молодых и готовых.

Так и случилось 26 марта 2017 года. На манифестации против коррупции, вдохновлённые оппозиционным лидером Алексеем Навальным, пришла молодёжь. Десятки тысяч совсем юных людей, школьников и студентов. Они составили большинство протестантов, что стало не просто сюрпризом, а фактически шоком для всех без исключения — и властей, и традиционных «недовольных» из числа представителей интеллигенции и среднего класса. Весёлые и шумные, они хором выкрикивали лозунги, залезали на фонари, размахивали антикоррупционными символами-мемами (кроссовки и уточки — предметы, фигурировавшие в расследовании Фонда Борьбы с Коррупцией в отношении премьера Дмитрия Медведева). Атмосфера митингов совершенно изменилась: вместо мрачноватого стоицизма недавних выступлений — удалой и радостный «праздник непослушания». Разумеется, социальные сети сыграли свою организующую роль; более того, в некоторых городах России (а всего акции 26 марта прошли

более чем в восьмидесяти населённых пунктах) манифестации были молодыми людьми инициированы — без всякого участия взрослых! Так случилось, например, в городке Погар в Брянской области, где организатором митинга протеста стал 16-летний школьник Максим Лосев. После акции его задержали прямо в школе во время уроков...

Я спросил известного российского социолога, профессора Алексея Левинсона: «Предугадывали ли поллы сенсационные события 26 марта?» Он честно ответил: «Нет». Хуже того, по его словам, результаты социологических исследований показывали, что молодёжь — самая конформистски настроенная часть общества, равнодушная и готовая поддерживать любую власть... 12 июня, спустя два с половиной месяца, история повторилась. Демонстрации, на которых преобладали тинейджеры, прошли уже в 150 городах; в Москве и Петербурге — жестокие действия полиции, 1750 арестованных. Как сказал один из задержанных, «лучше просидеть 15 суток в тюрьме, чем жить ещё много лет в такой нищете». Главный лозунг: «Россия — без Путина». Удивительно то, что «первое непоротое поколение», поколение девяностых-нулевых, на которое возлагали большие надежды, оказалось неспособным к сопротивлению, легко променяв свободу и достоинство на деньги и развлечения. А реальное боевое поколение выросло в десятые годы — годы путинской реакции, ортодоксии, патриотизма и милитаризма. Получается, в России всё происходит не «благодаря», а «вопреки», и дух свободы крепчает не в парниках либерализма, а на пустырях безнадёжности. И недаром «17-й год» имеет для русских особый смысл... Так или иначе виртуальная надежда обрела реальную плоть, движение началось, страница перевернута и молодёжное сопротивление вновь начинает новую главу истории России.

Завершить книгу я хотел бы классическим диалогом из «Жизни Галилея» Бертольда Брехта (опять же любимца «шестидесятников»):

Андреа: Несчастлива та страна, в которой нет героев.

Галилей: Нет, несчастна та страна, которая нуждается в героях!

По мне, правы оба. С какой стороны ни посмотри, Россия — страна несчастливая и редко когда счастливой была. Не знаю, что тому виной — дурная наследственность, тёмная карма или случайное стечение обстоятельств... И, конечно, она нуждается в героях — не будь их, мрак был бы без проблесков! К счастью, они приходят — поодиночке, страстными группами заговорщиков или весёлыми компаниями. Пока они молоды, они не боятся... А когда на нашей части суши, наконец, наступят мир и гармония (блажен, кто верует!), наши счастливые потомки поднимут бокалы за них —

... За яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют!..

